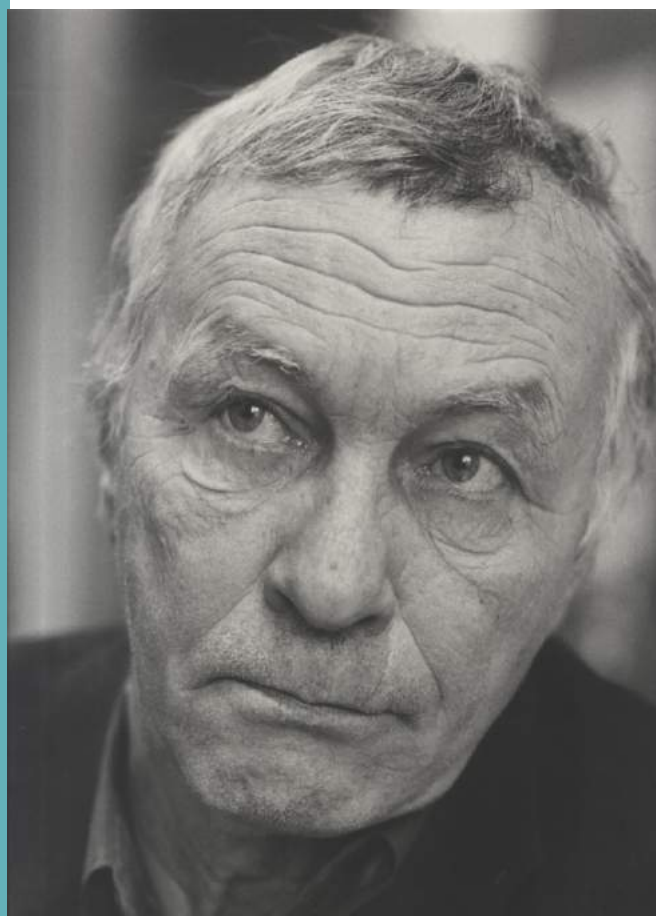

Академия культуры и искусств:
ведущие ученые, педагоги, творцы

Борисов Сергей Константинович

Биобиблиографический указатель

*Академия культуры и искусств:
ведущие ученые, педагоги, творцы*

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинская государственная академия культуры и искусств»**

**Государственное казенное учреждение культуры
«Челябинская областная универсальная научная библиотека»**

К 75-летию со дня рождения

БОРИСОВ

Сергей

Константинович

Биобиблиографический указатель

**Челябинск
2015**

УДК 01

ББК 91.9:77

Б 82

Борисов Сергей Константинович: биобиблиогр. указ. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; Челяб. обл. универс. науч. б-ка; отв. за вып. В. Я. Рушанин; сост. Н. Г. Андреева, О. В. Бессмертная, Т. Н. Моковая, А. А. Мордасов, Ю. Б. Разина, М. В. Сутягина, В. А. Швед. – Челябинск, 2015. – 162 с.: цв. фот. – (Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).

ISBN 978-5-94839-513-5

Данный биобиблиографический указатель содержит перечень основных трудов Сергея Константиновича Борисова – поэта, редактора, сценариста, профессора кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской государственной академии культуры и искусств, лауреата Всероссийской литературной премии им. Д. Мамина-Сибиряка. Сергей Борисов – автор поэтических книг, среди которых «Свет вечерний» (1980), «Безмянное время» (1991), «Капли с пера» (1993), «Накануне звезды» (2003), «Исповедь» (2010), переводов произведений грузинских и татаро-башкирских поэтов. Указатель издан в год 75-летия со дня рождения поэта.

Адресован специалистам сферы культуры и искусства, литературоведам, преподавателям, аспирантам, студентам.

Ответственный за выпуск:

В. Я. Рушанин, доктор исторических наук, профессор,
ректор Челябинской государственной академии культуры и искусств

Печатается по решению редакционно-издательского совета

© Челябинская государственная
академия культуры и искусств, 2015

© Андреева Н. Г., Бессмертная О. В.,
Моковая Т. Н., Мордасов А. А.,
Разина Ю. Б., Сутягина М. В.,
Швед В. А., сост., 2015

ISBN 978-5-94839-513-5

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	7
<i>Аргутина И. М.</i> РЫЦАРЬ ВЫСОКОЙ ТРАГЕДИИ	9
I. ПРОИЗВЕДЕНИЯ С. К. БОРИСОВА	15
1.1. Отдельные издания.....	15
1.2. Публикации в периодических изданиях и сборниках	16
1.3. Переводы	21
1.4. Тексты, положенные на музыку.....	25
1.5. Сергей Борисов – сценарист.....	27
1.6. Учебно-методические пособия	29
1.7. Литературоведческие и публицистические статьи	30
II. ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ С. К. БОРИСОВА.....	33
2.1. Биографические материалы.....	33
2.2. Публикации о творчестве	36
2.3. Библиографические материалы	43
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ УКАЗАТЕЛИ	44
Указатель заглавий произведений С. К. Борисова	44
Указатель заглавий переводов С. К. Борисова	48
Указатель заглавий текстов, положенных на музыку.....	51
Указатель заглавий сценариев С. К. Борисова	53
Именной указатель	54
Список просмотренных источников.....	57
Приложения	
ГОЛОС ПОЭТА (публицистика и интервью).....	58
<i>Борисов С.</i> Попытка автобиографии	58
<i>Фонотов М.</i> Понять поэта	61
<i>Моргулес И.</i> Во дни сомнений.....	67
<i>Борисов С.</i> О простодушном книгочее и о несбывшемся слове (грустные размышления на посконный лад)	72
<i>Панкова И.</i> Приходят строчки, не спрашивая позволения	74
<i>Равчеев С.</i> «Зижди, баловень вдохновенья, храм на выбоине пустой...»	78

СЛОВО О ПОЭТЕ	87
<i>Бурмако В.</i> Дитя безымянного времени	87
<i>Бурмако В.</i> Лексика как средство создания художественного образа	92
<i>Бурмако В.</i> Слово в поэзии Сергея Борисова	96
<i>Валеев А.</i> Мировая тайнопись: 60 лет поэту и переводчику Сергею Борисову	106
<i>Леонович В.</i> Слово о поэте.....	109
<i>Феркель В.</i> Поэт и издатель	112
<i>Павлов О.</i> Светлых сумерек талант	118
<i>Ягодинцева Н.</i> Шелест листьев и страниц	127
<i>Ягодинцева Н.</i> Поэзия – странное пространство	134
<i>Литвинова О.</i> Его присутствие дарило мне режиссерское вдохновение	136
ПАМЯТИ ПОЭТА	138
<i>Терпугова А.</i> Скажи свое Слово... Сергею Борисову	138
<i>Швед В.</i> Памяти Поэта Сергея Борисова	138
<i>Трохин А.</i> Письмо в Челябинск С. Борисову.....	139
Утерян – не ищите	141
МИНИАТЮРЫ С. К. БОРИСОВА	143
Марш манекенов (пролог)	144
Круг	146
Тра-та-та...	152
Жмурки	156
Считалочка	158
Эхо.....	159

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В октябре 2015 г. исполнилось бы 75 лет со дня рождения талантливого уральского поэта, переводчика, сценариста Сергея Константиновича Борисова. Автор ряда стихотворных сборников окончил Челябинский политехнический институт, работал инженером в Челябинском теплотехническом институте, научным сотрудником в ЧПИ, корреспондентом и сотрудником газет «Комсомолец» и «Вечерний Челябинск», режиссером агитационно-художественных театров, преподавателем сценарного мастерства в ЧГАКИ. Сергей Борисов – член Союза писателей России (1990), профессор Челябинской государственной академии культуры и искусств, лауреат Всероссийских литературных премий имени Д. Мамина-Сибиряка (2005) и П. Бажова (2008), лауреат Первой Южно-Уральской литературной премии – за глубокое лирическое осмысление судьбы и времени в книге поэм «Отчуждение, или Четыре книги о главном».

Данный биобиблиографический указатель отражает все наиболее значительные работы Сергея Константиновича Борисова – поэтические сборники, литературоведческие и публицистические статьи, учебно-методические пособия по сценарному мастерству, переводы произведений грузинских и татарских поэтов.

Указатель состоит из разделов:

I. Произведения С. К. Борисова.

- 1.1. Отдельные издания.
- 1.2. Публикации в периодических изданиях и сборниках.
- 1.3. Переводы.
- 1.4. Тексты, положенные на музыку.
- 1.5. С. К. Борисов – сценарист.
- 1.6. Учебно-методические пособия.
- 1.7. Литературоведческие и публицистические статьи.

II. Литература о жизни и творчестве С. К. Борисова.

Внутри разделов публикации расположены в хронологической последовательности, а в пределах года, в разделе о жизни и творчестве – в алфавитном порядке.

Указатель содержит наиболее значимые интервью и статьи о творчестве Сергея Борисова, материалы автобиографии, рецензии на произведения автора. В конце издания помещены пять вспомогательных указателей: заглавий художественных произведений С. Борисова, заглавий произведений, переведенных С. Борисовым, заглавий текстов С. Борисова, положенных на музыку, заглавий сценариев С. Борисова и именной.

Пособие предназначено литературоведам, критикам, библиотечным и музыкальным работникам, преподавателям вузов, студентам, аспирантам.

Выражаем благодарность за помощь и предоставленную возможность работать с материалами из фондов Челябинской областной универсальной научной библиотеки, а также профессору кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Александру Алексеевичу Мордасову.

РЫЦАРЬ ВЫСОКОЙ ТРАГЕДИИ

...Три или четыре года назад я написала для газеты Южно-Уральского государственного университета «Технополис» статью о дорогом моему сердцу челябинском поэте – Сергее Борисове. Статья так и не увидела свет: мало кого сейчас интересуют живые поэты. Вот уйдут – посмотрим...

12 августа 2013 г. большой поэт Сергей Константинович Борисов ушел из жизни.

Он долго уходил. В его стихах тени смерти, ноты прощания, трагизм, отрешенность от земного появились много лет назад. Иногда казалось: это его оболочка завершает здесь какие-то нехитрые земные дела, пока он путешествует со своим Вергилием. «Сергей Константинович, у Вас есть немного времени?» – спрашивала я его, звоня или встречая, когда нужно было о чем-то поговорить. «Ирочка, у нас в запасе вечность», – неизменно отвечал он.

Поэт уходит

1.

Летая в завтра и вчера,
туда-обратно,
не ведал, что его игра
невероятна.

Глотая залпом, как дитя,
простор небесный,
вздыхал и сетовал, шутя,
что выпить – не с кем.

И несравненный звонкий ямб,
бесценный дар свой,
рассыпал серым голубям –
какое барство!

Не пожелал, хотя и мог,
прослыть пророком,
не ведал, что такое срок, –
ушел до срока.

...Но, запыхавшийся в пути
в последней миле,
библейский голубь прилетит
к его могиле –

вернейшая из всех примет,
знаменье свыше...
Как своевременно! Поэт
уже не пишет.

2.

Что на щеке – щетина, как наждак.
Что под рукой – записано. Пропето.
Что на гвозде – единственный пиджак.
Пускай висит. Он вряд ли нужен летом.

Вчера писал. Закончил где-то в два.
Уснул, как спутник, – то есть, на орбите.
Что тяжело – так это голова,
свинцом не ожидаемых событий
полна. А он, пропитан изнутри
табачным дымом, огненной водою,
стал невесомей, легче раза в три.
Ну, если без гиперболы, то вдвое.

Неслышный шаг. Не порвалась вода,
как будто бы Христос ли, водомерка ль
прошли по ней – ни всплеска, ни следа,
лишь вспыхнула закатом – и померкла,
не став неопалимой купиной.

Безветрие. И комариный зуммер.
И мир иной уходит в мир иной
за век примерно до того, как умер.

На горизонте занавес: леса.
Должно быть, он за этими лесами.

.....
Никто не знал, что следует писать, –
и Библию о нем не написали.

Я не хочу писать некролог. Я не могу писать некролог! Биографию Сергея Борисова найти легко, да и стихи его изданы, опубликованы, даже в Интернете можно найти, хотя он новые технологии и не осваивал... А некоторые фотографии – довольно редкие, детские, юношеские – оказались у меня: Сергей Константинович привез их, чтобы я могла отсканировать и отправить для составляемой В. Кальпиди энциклопедии. Я отсканировала, вернула: «Какая красивая у Вас мама!» «Да, да...»

Впрочем, и в моем архиве много фотографий Борисова. Мне кажется, мы очень тепло относились друг к другу. Я-то – конечно...

А та статья, о которой была речь вначале, нашлась. Как будто сегодня написана.

* * *

Десять лет назад студент-лаборант кафедры ЭВМ принес мне тонкую маленькую книжку со словами: «Выступал у нас в клубе один челябинский поэт – вот, книжки дарил. Хотите посмотреть?»

Бумажная обложка, сиреневая надпись:

Сергей Борисов. ПАЛЫЕ ЛИСТЬЯ.

Что-то станет со мной через миг,
протянувшийся, как утлая гать.
Кто-то бросится ко мне напрямик
Возлюбить, а потому – оболгать.

Через миг в самом деле что-то случилось. Мир пророс корнями и ветвями, мысли и чувства обрели плоть и кровь: *«Я возмутил тона и возбудилсиллабы, таимые везде, присущие всему».*

О, наш общий постыдный грех: как это мой сосед (земляк, сотрудник и т. п.) может быть настоящим большим поэтом (ученым, композитором – при желании ряд можно продолжить)? «Леша, он в самом деле челябинец?» – нехорошо спросила я.

Намного позже узнала: челябинец он не коренной, но давний, с 1941 года, с годовалого возраста. А в 1964-м окончил ЧПИ, факультет ДПА. Какое-то время работал у Макеева... Один из самых ярких и постоянных авторов, писавших для «Манекена» в период создания и становления...

Еще вчера охальник и позер,
я пью остуду пасмурных озер
и музыке потворствую в реченье.
Пока порыв мой кровен и не пуст,
сцелуй мне слезы с выморочных уст,
утешь меня в последнем помраченье.

Полгода спустя Сергей Константинович Борисов пришел на презентацию моей самой первой – тонкой, бумажной – книги стихов. «Стихи классичны», – сказал он. А потом изрек главное: «Автор переходит от умения описывать действительность к умению ее разыгрывать». И линия горизонта открылась мне после его слов, как в погожий день, и стало понятно, куда двигаться, а самого Борисова я и сегодня с благодарностью называю своим крестным отцом в поэзии.

За десять лет я прочитала всего изданного Борисова: стихи, поэмы, переводы, четверостишия... Мощный трагический голос поэта погружал в такие пучины, но и возносил на такие вершины человеческого (нечеловеческого?) бытия, что дух захватывало, разум искал выхода, а сердце сжималось от со-страдания.

Ах, как непопулярна нынче трагедия! Уклониться целенаправленно от переживаний и сочувствия – даже вымышленным персонажам! Боевик – другое дело: десятерых застрелили, пятерых взорвали, троих сожгли – весело и нестрашно. Не по-настоящему. Но лучше всего – шоу. И никаких

мучений, размышлений, слез, текущих по окаменевшему лицу. А все эти рассуждения о жизни и ее смысле – к чему? Избавьте – хочется отдохнуть. И не надо о том, что в горький час и нам ни от кого не будет сострадания, и дети наши отплатят жестокостью или равнодушием, – когда еще это будет... Что он делает, Сергей Борисов?

Ничто беды не предвещало.
Ночами пели соловьи.
И небо истово прощало
мне прегрешения мои.

Струились ветреные воды.
В закат бежала колея.
Ничто в деяниях природы
не омрачало бытия.

Светло распахивались дали.
Привычно складывался стих.
И тщетно мертвые зывали
к блаженной памяти живых.

И у венков мемориала
кружился свадебный кортеж.
И вечность роли не играла
и не тревожила допрежь.

И явь не прочила примера,
как от означенных щедрот
алкала мысль, кровила вера
и шла душа на эшафот.

Борисов несовременен? Пожалуй, он вне времени. Или, возможно, над ним? «Небо времени» – так называлась девятая книга поэта. В свинцовой облачной плоти сгущаются его стихи, с этих высот он разговаривает с миром, с творцом, с имеющими уши (души?) и услышавшими.

В нас – воля и голос небесного лада
и блажи людской родовые черты.
И что оно смертному – казнь иль услада –
сошествие слова в предел немоты?

Где грань нетерпения плоти и духа
в угоду ловчилам и к чести растяп?
И новое утро доносит до слуха,
как Логос ликует и кости хрустят.

Соединились «Былые песни» и «Поздние мотивы» – прошлое не прошло, не отболело и не кануло, но и нынешнее хватает за душу как за горло:

...Истина капризней,
чем правда слов, зато верней.
Я плачу искренне о жизни
и тайне, выстраданной в ней.

Я очень люблю стихи этого последнего рыцаря высокой человеческой трагедии, Дон Кихота классической поэзии... Нет, он не выпал ни из времени, ни из пространства: Сергей Борисов знает, куда и откуда дует ветер, но не будет ни лететь, ни плыть, влекомый мейнстримом. Ветряные мельницы господа бога мелют медленно, но размалывают все до конца.

*Обряд свершится поздно или рано,
неудержимо, как крещение лба.
Стихи – не рукоделье без изъяна,
но слову обреченная судьба.*

Ну, вот и все.

Прощайте, Сергей Константинович. А стихи остаются с нами.

Ирина Аргутина,
член Союза писателей России

*45 параллель: поэтический альманах.
2013. № 24 (336). 12–13 авг.*

I. ПРОИЗВЕДЕНИЯ С. К. БОРИСОВА

1.1. Отдельные издания

1. **Свет вечерний : стихи** / С. К. Борисов. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1980. – 95 с.
2. **Безымянное время : лирика** / С. К. Борисов. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 145 с.
3. **Капли с пера : стихи** / С. К. Борисов. – Троицк : ТЭМП, 1993. – 63 с.
4. **Третья книга : стихотворения, поэмы** / Сергей Борисов. – Челябинск : Форум-Издат, 1993. – 116 с.
5. **Палые листья** / С. Борисов. – Челябинск : ННК, 1996. – 68 с.
6. **Накануне звезды. Книга четверостиший** / С. Борисов. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2003. – 172 с.
7. **Светотень: попытка избранного : [стихи]** / Сергей Борисов ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2004. – 50 с. – (Академическая муза).
8. **Светотень : стихотворения, поэмы** / С. К. Борисов. – Екатеринбург : Банк культур. информ., 2005. – 410, [1] с. : ил. – (Библиотека поэзии Каменного пояса / ред. Л. П. Быков).
9. **Небо времени : сб. стихотворений** / С. К. Борисов. – Челябинск : Издатель Татьяна Лурье, 2008. – 168 с. – (Квадратное небо).
10. **Стихия : [поэма, переводы]** / С. К. Борисов. – Челябинск : Цицеро, 2008. – 76 с.
11. **Сочинения [Стихотворения. Поэмы]** / С. К. Борисов. – Челябинск : Цицеро, 2009. – 592 с.
12. **Исповедь, или Книга тайн : траг. поэма** / С. К. Борисов. – Челябинск : Цицеро, 2010. – 32 с.
13. **Стезя, или Книга знаков : драмат. поэма** / С. К. Борисов. – Челябинск : издатель Татьяна Лурье, 2010. – 40 с.
14. **Впредь, или Книга упований : утоп. поэма** / Сергей Борисов. – Челябинск : [б. и.], 2011. – 26 с.

15. **Отчуждение или Четыре книги о главном : поэмы** / Сергей Борисов. – Челябинск : Цицero, 2011. – 131 с.

16. **Нечаянное : стихи** / Сергей Борисов. – Челябинск : Тираж Сервис, 2013. – 67 с.

17. **Прочтение любви : стихотворения, поэмы** / С. К. Борисов. – Челябинск : Цицero, 2014. – 111 с.

1.2. Публикации в периодических изданиях и сборниках

1964–1979

18. **Анатолию Морозову : стихи** / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1964. – 9 июля. – С. 2.

19. **Птицы : стихи** / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1964. – 30 дек. – С. 2.

20. **Весеннее : стихи** / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1967. – 29 марта. – С. 1.

21. **«Гуси» ; «Ветер» ; «Ручей» ; «Ку-ре-ку-ка»** / С. Борисов, Л. Бершадский // Уральская новь. – 1967. – Ноябрь. – С. 15.

22. **«Челябинску» ; «Разговор с памятником «Орленок» : стихи** / С. Борисов, Л. Бершадский // Челяб. рабочий. – 1967. – 20 авг. – С. 3.

23. **«Клинка сквозь ветер...» ; «А мы живем, белым обгагрены» ; «Воспев сегодня юность комсомола...» : стихи** / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1968. – 21 окт. – С. 1.

24. **Урал : стихи** / С. Борисов, Л. Бершадский // Комсомолец. – 1968. – 20 янв. – С. 2.

25. **Алое поле: челябинскому детскому парку посвящаю : стихи** / С. Борисов // Челяб. рабочий. – 1970. – 6 сент. – С. 3.

26. **Две молодости : стихи** / С. Борисов // Челяб. рабочий. – 1970. – 29 окт. – С. 1.

27. **Революции : стихи** / С. Борисов // Челяб. рабочий. – 1970. – 6 нояб. – С. 2.

28. **Товарищ газета : стихи** / С. Борисов // Челяб. рабочий. – 1971. – 5 мая. – С. 2.

- То же** // Политехнические кадры. – 1971. – 15 дек. – С. 1.
- То же** // Политехнические кадры. – 1981. – 18 марта. – С. 1.
29. **Две молодости ; Поздний вечер** : стихи / С. Борисов // Ленинское знамя (Увельский). – 1971. – 24 сент.
30. **Двое** : стихи / С. Борисов // Веч. Челябинск. – 1974. – 28 нояб. – С. 3.
31. **Смерть художника** : стихи / С. Борисов // Комсомолец. – 1974. – 28 нояб.
32. **«Разлив» ; «Птицы» ; «Песня листьев» ; «Дом» ; «Яик»** : стихи / С. Борисов // Юность. – 1975. – № 1. – С. 54–55.
33. **«Я родился осенним днем...» ; «Из первых рук» ; «У моря» ; «И влаги чистую струю...»** : стихи / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1975. – 19 марта. – С. 4.
34. **«Павшим» ; «Я верю»** : стихи / С. Борисов // Веч. Челябинск. – 1976. – 24 июня. – С. 4.
35. **Павшим** : стихи / С. Борисов // Веч. Челябинск. – 1979. – 17 нояб. – С. 3.

1979–1996

36. **Разлив** : стихи / С. Борисов // Комсомолец. – 1980. – 19 апр. – С. 4.
37. **«Бреду дорогой многотрудной...» ; «Брешут сонные собаки...» ; «Уж ты гой еси...» ; «В осенние ненастные рассветы...» ; «Эти знойные сны террас...»** : стихи / С. Борисов // Поэзия : альманах. – Москва, 1981. – Вып. 30. – С. 108–109.
38. **Опять зима снегами дует...** : стихи / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1982. – 27 янв. – С. 4.
39. **Снег** : стихи / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1982. – 20 янв. – С. 4.
40. **В пустынном доме окнами во двор...** : стихи / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1983. – 4 марта. – С. 4.
41. **Жемчужной и розовой пеной...** : стихи / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1983. – 15 июня. – С. 4.
42. **Русь** : стихи / С. Борисов // Уральская новь. – 1987. – Ноябрь. – С. 7.
43. **«А ты, пристанище мое...» ; «В моем дыханье – вздох отца...» ; «Время – деньги! И в запарке...» ; «В любовь упадаю, как в омут...»** : стихи / С. Борисов // Челяб. рабочий. – 1990. – 20–21 окт. – С. 8.

44. **Солдатская : стихи** / С. Борисов // Мы еще не вернулись... : дневники, воспоминания, письма, стихи, проза / [сост. А. Б. Кердан]. – Челябинск, 1992. – С. 3–4.

45. **«...И будет чем дышать» : стихи** / С. Борисов // Общее дело. – 1993. – Нояб.–дек. (№ 6 (12)). – С. 11. – (Поэзия). – **Содерж.**: Одной судьбы возлюбленная суть...; Как слезы близко... Научи меня...; Там за околицей заветного села...; Ноябрьский вечер хмур и близорук...; Время в ушко игольное тянет...; Я бросил камень в пруд...

46. **И это – я. Случившийся, как есть : стихи** / С. Борисов // Общее дело. – 1993. – Янв.–февр. (№ 1 (7)). – С. 9. – (Поэзия). – **Содерж.**: Истина придет с небес...; Вот чудится неуследимый лет...; Потому и реку, как я есть служилый...; Небесные снасти трещат по швам...; Знаю наверное: на щите...; Все случилось разом и нечаянно...; Оставь горевать, отпусти узду...; Среди смрада и железа...; Жизнь выпцвела, как старая холстина...; Вечерние длинные тени...; Дабы куща не сохла и кожа не дрябла...; Губы к целованию готовы...

47. **«Мы отдаемся без остатка...» ; «Карающая высь» : стихи** / С. Борисов // Челяб. рабочий. – 1995. – 25 янв. – С. 4. – (Литературная «Среда»).

48. **День и ночь** / С. Борисов // Литературный журнал для семейного чтения. – 1995. – № 5–6. – С.108–109.

49. **«Греми на дождь» ; «У черты» ; «О, как ты необдуманно строга...» ; «Затмить все стороны света...» : стихи** / С. Борисов // Уик-Энд (Челябинск). – 1996. – 5 апр. – С. 11.

50. **«И был искус...» ; «Я бросил камень в пруд» ; «Какой бы кроткой ни была вода...» ; «Теперь ступай! ; Без трепета иду на пламень...» : стихи** / С. Борисов // Веч. Челябинск. – 1996. – 13 марта.

51. **Похвала компьютеру, или Поэзия впрок** / С. Борисов // Общее дело. – 1996. – Апр. – (№ 1 (26)). – С. 7. – (Поэзия). – **Содерж.**: Я не умею ездить на велосипеде...; Памяти друга; Вышла дрязгой былая ссора...; Такая унылая нынче погода...; Земную тяжбу зим и лет...; Палитра: На посещение выставки К. Фокина; На смерть ровесника: Памяти Иосифа Бродского; Я претерпел всю мерзость униженья...

52. **Явленье музы (продолжение) : «Не утрашись...» ; «Эту звездную погоду...» : стихи** / С. Борисов // Городской романс : кн. о Челябинске и челябинцах, написанная самими челябинцами / авт.-сост. Е. Г. Ховив. – Челябинск, 1996. – С. 223–224.

2000–2015

53. **Накануне звезды** : из кн. четверостиший / С. Борисов // Уральская новь. – 2002. – № 13. – С. 7–8.

То же // Южный Урал : лит. альманах. – Челябинск, 2002. – № 2 (33). – С. 172–174.

54. **[Стихи]** / С. Борисов // Литературно-художественная студия «Взлетная полоса» представляет : буклет / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2002. – С. 2–3.

55. **«Сухорукий тапер...» ; «О стезе, ускользящей прочь...» ; Полни брашна, виночерпий...» ; «Уж ты гой еси...» ; «Вышла дрязгой былая ссора...» ; «Опять сквозные небеса...» ; «Время в ушко угольное тянет...» ; Прочтение любви ; Напоследок** : [стихи] / С. Борисов // Пергамент : спец. вып. газ. «Веч. Челябинск». – 2003. – № 11 (18 июля).

56. **Четверостишия** / С. Борисов // Область вдохновения : юбилейное изд. : в 2 т. / [сост. М. Ф. Шанбатуев, ред.: В. Н. Киселева (Фомина) и др.]. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. – Т. II: Поэзия. – С. 52–54.

57. **«Я исконный закон не нарушу...» ; «Сойди в обитель тишины...» ; Доченьке (1997) ; «В кладбищенской мусорной куче...» ; «У воды» ; «Душа колотится о ребра...» ; «Приходит час, не вычисленный впрок...» ; «И, плача в землю год за годом...» ; «Губы к целованию готовь...» ; «А думы пришли в упадок» ; «Среди смрада и железа...» ; «Я буду трудно гнить в могиле...» ; «Чреду саморазоблачений...» ; «Заплутал я среди людей, заплутал!» ; Строфы (2001–2002)** / С. Борисов // Уральская новь. – 2003. – № 16. – С. 20–29.

То же / С. Борисов // Антология современной уральской поэзии : в 2 т. – Челябинск : Фонд Галерея, 2003. – Т. 2 (1997–2003). – С. 29–32.

То же [Электронный ресурс] / С. Борисов // Антология современной уральской поэзии : в 2 т. – Челябинск : Фонд Галерея, 2003. – Т. 2 (1997–2003). – Режим доступа : http://www.marginaly.ru/html/Antologia_2/06_borisov.html. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 08.05.15.

То же [Электронный ресурс] / С. Борисов // Журнальный зал : русский толстый журнал как эстетический феномен. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/urnov/2003/16/boris.html>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 08.05.15.

58. **«Золотая гора» ; «Где вы, данники и поэты...» ; «В России страшно быть поэтом» ; «Задолжал поэт народу» ; «Не просто, сбросив, как одежду...» ; «И вновь о любви не обмолвилась ты...» ; «Бог замешкался и не спас...»** : стихи / С. Борисов // Литература России. Южный Урал : хрестоматия : 10–11 кл. / сост. Т. Н. Крохалева, Т. В. Соловьева, Л. И. Стрелец. – 2-е изд., испр. – Челябинск, 2004. – С. 87, 177–178, 299–300.

59. **«Упреждаю печаль и тревогу» ; «Накажи меня, Господи, правом...»** : стихи / С. Борисов // Современный литературно-библиографический справочник / сост. К. Макаров, Н. Пикулева ; Союз писателей России, Челяб. отд-ние. – Челябинск : Светунец, 2005. – С. 310.

60. **Бессмертие ; «Как я хочу в плену озноба...» ; «Мне душу измаяла ноша земная...» ; «Душа занемогла с недавних пор» ; «Здравствуй, время гололедицы!» ; Элегия ; «Нелегка легла дорога» ; «Чрево мира для нас темно...» ; «Материализм» ; «Прощальное» ; «В скучном мире нескучные души...»** : [стихи] / С. Борисов // Южный Урал : лит. альманах. – Челябинск, 2006. – № 4 (35). – С. 227–230.

61. **Былые песни ; Поздние мотивы** : [подборка стихов] / С. Борисов // Южный Урал : лит. альманах. – Челябинск, 2007. – № 5 (36). – С. 67–70.

62. **Из сборника «Грузинская тетрадь»** / С. Борисов // Место встречи. – 2008. – № 4 (16). – С. 17.

63. **Впредь, или Книга упований: утопическая поэма** : [Четвертая поэма из кн. «Отчуждение, или Четыре книги о главном»] / С. Борисов // Уральская линия : лит.-худож. альм. Юж. Урала. – 2013. – № 1. – С. 18–28. – (Молитва художника...).

64. **«С тайной завистью невежды...»** : стихи / С. Борисов // Время. – 2015. – № 2. – С. 8.

65. **Дом [Электронный ресурс]** : стихи / С. Борисов // Мысли в рифму : сайт стихов. – Режим доступа : http://myslivrifmu.ru/dom_borisov.html. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 08.05.15.

66. **Сергей Константинович Борисов. Цитаты, афоризмы, высказывания [Электронный ресурс]** // *Citaty.info*. – Режим доступа : <http://citaty.info/man/sergei-konstantinovich-borisov>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 08.05.15.

То же [Электронный ресурс] // Aforizmov.net : самый полный сборник афоризмов. – Режим доступа : <http://www.aforizmov.net/xfsearch/sergey-borisov/>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 08.05.15.

То же [Электронный ресурс] // Мудрейший : цитаты, афоризмы, стихи, притчи. – Режим доступа : <http://mudreishy.ru/sitaty-i-aforizmy/source/sergey-borisov>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 08.05.15.

1.3. Переводы

67. **Рафиков, Б. «Вечерний певец» ; «Последний барак» ; «Благодарность» ; «Остается любовь» ; «Горит костер» / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1980. – 23 авг.**

68. **Рафиков, Б. Виктору Чеботарю, машинисту локомотивного депо : стихи / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1981. – 1 авг.**

69. **Рафиков, Б. Журавли летят / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1981. – 6 нояб.**

70. **Рафиков, Б. «Когда простирает крылья заря...» ; «Старый солдат» ; «Размышления» ; «Ленинградское» ; «Голос павших» ; «Школа» ; «Сосна» : стихи / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Знамя труда (Кунашак). – 1981. – 24 дек.**

71. **Рафиков, Б. Голос земли : стихи / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1982. – 20 февр.**

72. **Рафиков, Б. «Старый солдат» ; «Возвращение» : стихи / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1982. – 26 февр.**

73. **Рафиков, Б. Матерям : стихи / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1982. – 6 марта.**

74. **Рафиков, Б. Иду я, влюбленный : стихи / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1982. – 5 окт.**

75. **Рафиков, Б. «Опять нисходит сумрак» ; «Мы не отступимся» : стихи / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1983. – 11 февр.**

76. **Рафиков, Б. «Челябинские березы» ; «Осень» : стихи / Б. Рафиков ; пер. В. Сляднева, С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1983. – 1 окт.**

77. **Рафиков, Б. «Родная земля» ; «Не пламя ли смолкших сердец» : стихи / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1983. – 12 нояб.**

78. **Рафиков, Б. Мать-земля: стихи** / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1983. – 18 нояб.
79. **Рафиков, Б. Родной дом : стихи** / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1984. – 13 июля.
80. **Рафиков, Б. «Едва сгустился сумрак» ; «Крепись трудом начала...» ; «Не пламя ли смолкших сердец...» : стихи** / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1984. – 28 июля.
81. **Сулаберидзе, Л. «Закат» ; «Аспид» ; «Птица» ; «Сон» ; «Самаиа» ; «Верность» ; «Время» ; «За состраданием» ; «Ностальгия женщины, обретшей бессмертие в стихе» ; «Рассвет» : стихи** / Л. Сулаберидзе ; пер. С. Борисова // Избранное : стихи, поэмы : пер. с груз. / Л. Сулаберидзе ; пер. В. Соколов [и др.]. – Тбилиси : Мерани, 1984. – С. 169–212.
82. **Сулаберидзе, Л. Избранное** / Л. Сулаберидзе ; пер. с груз. С. Борисова. – Тбилиси : Мерани, 1984. – 224 с.
83. **Рафиков, Б. Ш. Черная береза : стихи** / Б. Ш. Рафиков ; пер. с тат. С. Борисова, В. Миронова. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во ; Казань : Тат. кн. изд-во, 1986. – 58, [1] с.
84. **Шагалеев, Р. Восьмистишия** / Р. Шагалеев ; пер. с башк. С. Борисова // Челяб. рабочий. – 1985. – 22 дек. – С. 3.
То же // Знамя труда (Кунашак). – 1986. – 29 нояб.
85. **Рафиков, Б. Грань самоцветная слова... : стихи** / Б. Рафиков ; пер. с тат. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1987. – 7 нояб.
86. **Рафиков, Б. «Туманный лес...» ; «Дикой яростью ночи горели» : стихи** / Б. Рафиков ; пер. с тат. С. Борисова, Н. Крылова // Уральская новь. – 1987. – Ноябрь. – С. 12.
87. **Чарквиани, Д. Избранное. Стихи. Поэмы** / Д. Чарквиани ; пер. с груз. С. Борисова. – Тбилиси : Мерани, 1988. – 288 с.
88. **Гагуа, Х. Лоза завета : стихи и поэмы** / Х. Гагуа ; пер. с груз. С. К. Борисов; [вступ. ст. В. Леоновича]. – Тбилиси : Мерани, 1989. – 172 с.
89. **Церетели, А. Избранное** / А. Церетели ; пер. с груз. С. Борисова. – Тбилиси : Мерани, 1989. – 320 с.
90. **Чарквиани, Д. Вот я вернулся : стихотворения и поэмы : пер. с груз.** / Д. Чарквиани ; [предисл. В. Коротича] ; [худож. Т. Самигулин] ; [пер. С. Борисов]. – Москва : Худож. лит., 1989. – 367 с.

91. **Амашукели, Р. Стихотворения** / Р. Амашукели ; пер. с груз. Е. Рейн, С. Борисов. – Москва : Совет. писатель, 1990. – 128 с.
92. **Переводы Сергея Борисова : стихи груз. поэтов** / С. Борисов // Челяб. рабочий. – 1990. – 20–21 окт. – С. 8. – **Содерж.**: «Вознесите меня, о богини любви...», «Россыпь лунного льда усыпила меня...» / Л. Сулаберидзе ; Ананури / Б. Миндадзе ; Песня / Д. Чарквиани.
93. **Шагалеев, Р. Из поэтической тетради** / Р. Шагалеев ; пер. с башк. С. Борисова // Знамя труда (Кунашак). – 1990. – 23 окт.
94. **Безымянное время: из груз. поэзии** / С. К. Борисов. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 125 с. : ил. – Загл. обл. : Из грузинской поэзии.
95. **Грузинская тетрадь : [переводы]** / С. Борисов // Безымянное время : лирика : в 2 кн. / С. Борисов. – Челябинск, 1991. – Кн. 2. – С. 129–139. – **Содерж.**: Посвящение ; «Звезды меркли и дрожали» ; Глициния ; «Ушел Георгий – оскудели дни...» : памяти Г. Маргвелашвили ; «Я выбросился из окна...» ; Мтацминда ; Могила Гранели ; Птицы Пиросмани ; Камень-слово ; «Где цвели лоза и роза...» ; «И голос грузинского друга...».
96. **Рафиков, Б. Белые лебеди: стихи** / Б. Рафиков ; пер. С. Борисова // Вперед (Троицк). – 1991. – 12 апр.
97. **Табидзе, Т. «Две трети жизни пролетели... Ужель?» ; «Бреду дорогой многотрудной...» ; Свободен : стихи** / Т. Табидзе ; пер. с груз. С. Борисов // Челяб. рабочий. – 1992. – 1 июля.
98. **Рафиков, Б. Времени бег** / Б. Рафиков ; пер. с тат. С. Борисова. – Троицк : Тэмш, 1995. – 160 с.
99. **Церетели, А. В изгнании бредил лозой... : стихи** / А. Церетели ; пер. с груз. С. Борисова // Челяб. рабочий. – 1995. – 25 янв. – С. 4. – (Литературная «Среда»).
100. **Рафиков, Б. Избранная лирика** / Б. Рафиков ; пер. с тат. С. Борисова. – Троицк ; Челябинск : Челяб. межрайон. тип., 2001. – 295 с.
101. **Рафиков, Б. Свет памяти : [стихи]** / Б. Рафиков ; пер. с тат. С. Борисова // Челяб. рабочий. – 2001. – 10 февр.
102. **Рафиков, Б. Шумите, березы ; «Просыпаюсь в холодном поту...» ; «Называть лебедушкой при встрече...» ; Надежда ; Мелодий звон ; Татарская история ; «Прощальная песнь журавлей...» ; «Адамовы дети забот не избыли...» ; Осень ; «С гор камень ни один из века**

в век...» ; «Познать, что есть добро и зло...» ; «Вся истина у бога под рукой...» ; «Пляшет вечный огонь, как исток...» ; «В округе сушь. И ветры то и дело...» ; «Лес, будто холст цветастый, волен жить...» ; «Есть изжитые узы добра...» / Б. Рафиков ; пер. С. Борисов // Южный Урал : лит. альманах. – Челябинск, 2001. – № 1 (32). – С. 165–170.

103. Шагалеев, Р. Безымянные звезды : кн. восьмистиший : пер. с башк. яз. / Р. Шагалеев ; пер. С. Борисов. – Челябинск : Челяб. межрайон. тип., 2001. – 366 с. : ил. – Текст парал. : башк., рус. яз.

104. Валеева, А. «Если батыр...» ; «Старый друг – песня» : [стихи] / А. Валеева ; пер. С. Борисов // Южный Урал : лит. альманах. – Челябинск, 2004. – № 3 (34). – С. 194.

105. Муртазин, К. Утренняя песня : [стихи] / К. Муртазин ; пер. С. Борисов // Южный Урал : лит. альманах. – Челябинск, 2004. – № 3 (34). – С. 192.

106. Шагалеев, Р. В мире животных : стихи / Р. Шагалеев ; пер. с башк. С. Борисова ; худож. Лейля Гаянова. – Челябинск : Татьяна Лурье, 2004. – 15, [1] с. : ил. – Текст парал. на башк. яз.

107. Шагалеев, Р. Слепые : [стихи] / Р. Шагалеев ; пер. с башк. С. Борисов // Южный Урал : лит. альманах. – Челябинск, 2004. – № 3 (34). – С. 189–190.

108. Файзуллин, Н. Ш. Живая память. Стихи / Н. Ш. Файзуллин ; пер. с тат. С. К. Борисов. – Челябинск, 2005. – 120 с.

109. «Как ваше слово отзовется» / С. К. Борисов // Место встречи. – 2008. – № 1 (13). – С. 22–23.

Представлен этап работы над переводом, публикуются фрагменты транскрипции и подстрочника стихотворения Д. Чарквиани «Бродячий цирк в Борчало».

110. Переводы. Из грузинской, башкирской, татарской поэзии / С. К. Борисов. – Челябинск : Цицero, 2010. – 591 с.

111. Рафиков, Б. Ш. Шаги будущего = Килэчэк адымнары : стихотворения для детей младшего школьного возраста / Б. Ш. Рафиков ; Конгресс татар Челяб. обл. ; авт. вступ. ст. И. Н. Сабиров, Е. К. Сыч ; авт. заключения А. С. Скрипов ; худож. И. И. Проскурякова ; пер. с тат. С. Борисова, М. Сафина, Е. Хрипко, Л. Хрипко, В. Балабана. – Челябинск : Край Ра, 2015. – 68 с., ил. – Загл. и текст парал. тат., рус.

1.4. Тексты, положенные на музыку

112. **Малыгин, Н. Лесной костер** [Ноты] : сюита для солиста и хора в сопровожд. фп. / Ник. Малыгин ; сл. С. Борисова // Поет «Мечта» / В. А. Шереметьев – Челябинск, 1997. – Вып. 1. – С. 56–72.

113. **Сотченкова, Л. И. Ночь одиночества; Осенних звезд холодный рой; Нет обманчивей грезы** [Ноты] / Л. И. Сотченкова ; сл. С. Борисова // Храни вас Бог : сб. романсов / Л. И. Сотченкова. – Челябинск : Изд-во ЧГТУ, 1997. – С. 45–63.

114. **Панов, Д. П. Разноцветные песенки** [Ноты] : сюита для артистов хора и фортепиано : клавир / Д. П. Панов, В. Викторов, сл. С. Борисова ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2001.

115. **Малыгин, Н. Песня о песне : Свет звезды и радуги...** [Ноты] : для дет. хора в сопровожд. фп. / Н. Малыгин ; сл. С. Борисова // Поет хор из Золотой долины : репертуар для сред. и ст. хора : метод. пособие по специальности 0503 «Хоровое дирижирование» / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; Миас. колледж искусства и культуры ; [сост., авт. предисл. И. В. Бедностина]. – Челябинск, 2004. – С. 40–44.

116. **Малыгин, Н. Лесной костер; Песня юных хоккеистов ; Велосипед** [Ноты] / Н. Малыгин ; сл. С. Борисова // Песни для детей и юношества в сопровожд. фп. / Н. Малыгин ; [рец. Л. И. Еремин ; предисл. авт.] ; ФГОУ ВПО «Челяб. гос. акад. культуры и искусств», исполнит. фак., каф. нар. инструментов. – Челябинск, 2007. – С. 11–18, 21–22, 23–25.

117. **Панов, Д. П. Ангел-хранитель** [Ноты] / Д. П. Панов ; сл. С. Борисова // Вокально-хоровой цикл на стихи челябинских поэтов : (в сопровожд. фп. и инструм. анс.) / Д. П. Панов ; [рец. Р. Г. Хабибулин] ; Федер. гос. образоват. учреждение высш. профес. образования «Челяб. гос. акад. культуры и искусств», муз.-пед. фак., каф. эстрад.-оркестр. творчества. – Челябинск, 2007. – С. 81–86.

118. **Сотченкова, Л. И. Сотворение стиха** [Ноты] / Л. И. Сотченкова ; сл. Х. Гагуа ; пер. С. Борисова // «Окунись, душа, в чистую волну...» : романсы : для голоса в сопровожд. фп. / Л. И. Сотченкова ; [предисл. Г. С. Зайцевой]. – Челябинск : МРІ, 2008. – С. 24–26.

119. **Панов, Д. П. Казачий круг** [Ноты] : лит.-муз. композиция по докум. повести Г. А. Канашова «Дорогой в новую эру» : для ведущих, ка-

зачьего хора, солистов и инструм. ансам. / Д. П. Панов ; сл. С. К. Борисова [лит. сценарий, стихи ; предисл. авт. ; муз. ред. С. Ю. Бантуров] ; ФГОУ ВПО «Челяб. гос. акад. культуры и искусств», муз.-пед. фак., каф. эстрад.-оркестр. творчества ; Челяб. отд-ние Союза писателей РФ. – Челябинск, 2009. – 102, [1] с.

120. **Сотченкова, Л. И. Бреду дорогой многотрудной ; Осень поэта ; Нас повенчают в белом** [Ноты] / Л. И. Сотченкова ; сл. С. Борисова // Ты – моя мелодия... : романсы : [для голоса в сопровожд. фп.] памяти Л. М. Сотченкова / Л. И. Сотченкова. – Челябинск, 2010. – С. 46, 86–89, 92–94.

121. **Малыгин, Н. Велосипед; Песня о песне** [Ноты] : для пения в сопровожд. орк. нар. инструментов / Н. Малыгин ; сл. С. Борисова // Музыкальный калейдоскоп : репертуар орк. рус. нар. INSTR. / Н. Малыгин ; ФГОУ ВПО «Челяб. гос. акад. культуры и искусств», исполнит. фак., каф. нар. INSTR. – Челябинск, 2010. – Вып. 4. – С. 75–101, 134–146.

122. **Клочков, Г. И вновь о любви не обмолвилась ты...** [Ноты] / Г. Клочков ; сл. С. Борисова // Не исчезай, душа : песни и романсы : [для пения в сопровожд. фп.] / Геннадий Клочков. – Челябинск : РЕКПОЛ, 2010. – С. 197.

123. **Романсы и песни челябинских композиторов на стихи Сергея Борисова** [Ноты] : муз. альбом : [для пения в сопровожд. фп.]. – Челябинск, 2011. – 172. с. – **Содерж.** : Свет вечерний, Летние грезы, Небо судьбы, Последняя свеча, Заклинание, Завет, Мой, Люблю тебя, Разлука, Венчание, Мой путь, Княжеская, Осень поэта, Сотворение стиха / Л. Сотченкова ; Наверное, Обещание, Тайна / В. Межетов ; Грузия моя / А. Трифонов ; И вновь о любви / Г. Клочков ; Песня о казаках, Родной Урал, Связь времен, Железнодорожная, Дуэт Андрияна и Насти, Песня столичного гостя, Песня о мужестве, Песня атамана, Песня победителей, Правда жизни, Песня и танец казачат / Д. Панов ; Наш марш, Весенняя песня, Лесной костер, Песня о песне, Велосипед / Н. Малыгин.

124. **Панов, Д. П. Разноцветные песенки** [Ноты] / Д. П. Панов ; сл. С. Борисова, В. Викторова // Методика анализа эстрадной песни : учеб. пособие по дисциплине «Анализ джазовых произведений» для студентов, обучающихся по направлению подготовки 071600 «Музыкальное искусство эстрады» : в 3 ч. / Д. П. Панов ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств, каф. эстрад.-орк. творчества. – Челябинск, 2011. – Ч. 2 : Вокально-хоровые циклы для детского хора : нот. прил. – С. 87–130.

125. **Панов, Д. П. Гимн южноуральцев; Берег детства ; Осенний романс** [Ноты] / Д. П. Панов ; сл. С. Борисова // Методика анализа эстрадной песни : учеб. пособие по дисциплине «Анализ джазовых произведений» для студентов, обучающихся по специальности 070101 «Инструментальное исполнительство» : в 3 ч. / Д. П. Панов ; ФГОУ ВПО «Челяб. гос. акад. культуры и искусств», каф. эстрад.-орк. творчества. – Челябинск, 2014. – Ч. 3 : Песни и романсы : для голоса, вокального ансамбля в сопровожд. фп. и дуэта баянов : (нотное приложение). – С. 7–14, 25–34, 46–48.

1.5. Сергей Борисов – сценарист

126. **К нам едет – сам!** : сцен. эстрад. сатир. представления / С. Борисов ; ред. В. Голкин. – Москва : ВААП-Информ, 1989. – 20 с.

127. **Большая игра. Игры, в которые играют люди** : сцен. 2 театрализ. игровых прогр. / С. Борисов, О. Евдак ; Челяб. обл. науч.-метод. центр нар. творчества и культ.-просвет. работы. – Челябинск, [1993]. – 35 с.

128. **Экзотические приключения** : сцен. театрализ. игровой прогр. : (репринт) / С. Борисов ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, [1990]. – 16 с.

129. **Сказ о том, как краснобай заморские по наущению царя-батюшки холопов тосты складывать научили** : сцен. театрализ. застолья / авт.-сост. С. К. Борисов ; Челяб. гос. ин-т искусства и культуры, каф. режиссуры театрализ. представлений, праздников и обрядов. – Челябинск, 1997. – 8 с.

То же // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 187–195.

130. **Хорошо там, где нас нет** : сцен. театрализ. игровой прогр. / авт.-сост. С. К. Борисов ; Челяб. гос. ин-т искусства и культуры, каф. режиссуры театрализ. представлений, праздников и обрядов. – Челябинск, 1998. – 27 с.

То же // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 167–184.

131. **Новогодние приключения, или Елка для Мульти-пульти** : сцен. новогод. театрализ. представления / авт.-сост. С. К. Борисов ; Челяб. гос. ин-т искусства и культуры, каф. режиссуры театрализ. представлений и праздников. – Челябинск, 1999. – 11 с.

То же // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 98–109.

132. **Рублевый балаган** : сцен. театрализ. представления / авт.-сост. С. К. Борисов ; Челябин. гос. ин-т искусства и культуры, каф. режиссуры театрализ. представлений и праздников. – Челябинск, 1999. – 19 с.

То же // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 77–96.

133. **Святая простота** : сцен. театрализ. представления / авт.-сост. С. К. Борисов ; Челябин. гос. ин-т искусства и культуры, каф. режиссуры театрализ. представлений и праздников. – Челябинск, 1999. – 12 с.

То же // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 27–39.

134. **Быть или не быть** : инсценировка рассказа В. Дорошевича «Гамлет» / С. К. Борисов // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 130–134.

135. **Добро пожаловать в «Юмакс»** : сцен. театрализ. рекламы / С. К. Борисов // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 197–202.

136. **Когда лицей не по зубам** : сцен. театрализ. эпизода / С. К. Борисов // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 21–26.

137. **Концерт для дилетантов с оркестром** : сцен. театрализ. представления / С. К. Борисов // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 40–49.

138. **Кто ты будешь такой?** : фрагм. сцен. театрализ. темат. вечера / С. К. Борисов // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 72–74.

139. **Пять олимпийских колец** : сцен. открытия дет. спорт. праздника / С. К. Борисов // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 69–70.

140. **Святое слово** : лит. сцен. праздника славян. письменности / С. К. Борисов // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 51–57.

141. **Страсти-мордасти** : сцен. театрализ. игровой прогр. / С. К. Борисов // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 111–129.

142. **У нас ныне Семик-Троица** : сцен. театрализ. праздника / С. К. Борисов // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 140–161.

143. **Невезуха** : сцен. «зримой» песни / С. К. Борисов // Основы драматургии театрализованного действия : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – С. 163–165.

144. **Академия от А до Я** : сб. сценариев акад. праздников : учеб. изд-е / Челябин. гос. акад. культуры и искусств ; рук. проекта М. Г. Шаронина ; сост. А. А. Мордасов, И. В. Степанова, С. К. Борисов, О. П. Евдак, К. С. Рубинский [и др.]. – Челябинск, 2009. – 244 с.

1.6. Учебно-методические пособия

145. **Сценарное мастерство** : прогр. по курсу / сост. С. К. Борисов ; Челябин. гос. ин-т культуры и искусств. – Челябинск, 1994. – 25 с.

146. **Концерт для дилетантов с оркестром** : художественный образ в театрализованном представлении / С. К. Борисов. – Челябинск, 1998. – 11 с.

147. **Литвинов, Г. В. Композиция динамического пространства** / Г. В. Литвинов, О. Л. Литвинов; под ред. С. К. Борисова ; Челябин. гос. ин-т культуры и искусств. – Челябинск, 1999. – 67 с. : ил.

148. **Основы драматургии театрализованного действия** : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – 207 с.

149. **Основы драматургии театрализованного действия** : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов / С. К. Борисов ; коллектив авт. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – 2-е изд. – Челябинск, 2002. – 207 с.

150. **Сценарное мастерство** : прогр. для студентов дн. и заоч. отд-ний специальности 050200 Режиссура театрализ. представлений и праздников / сост. С. К. Борисов ; Челябин. гос. акад. культуры и искусств, каф. режиссуры театрализованных представлений и праздников. – Челябинск, 2002. – 14 с.

151. **Основы драматургии театрализованного действия** : учеб. пособие для студентов 1–5 курсов специализации 050200 «Режиссура театрализ. представлений и празднеств» / С. К. Борисов ; М-во образования Рос. Федерации, Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – 3-е изд. – Челябинск, 2007. – 207 с.

152. **Основы драматургии театрализованного действия** : учеб. пособие для студентов 1–4 курсов специальности «Режиссура театрализ. представлений и праздников, квалификация (степень) «бакалавр» / С. К. Борисов ; Челябин. гос. акад. культуры и искусств, каф. режиссуры театрализ. представлений и праздников. – 4-е изд. – Челябинск, 2011. – 206 с.

1.7. Литературоведческие и публицистические статьи

153. **Редакторы о стенгазетах** : [подборка мнений] // Политехнические кадры. – 1964. – 9 мая. – С. 1.

В конкурсе стенгазет упоминается мнение С. Борисова, представителя стенгазеты «Баня».

154. **Фестиваль глазами участника** / С. Борисов // Комсомолец. – 1966. – 6, 13 марта.

О фестивале студенческой эстрады в Москве.

155. **На стене висит газета** / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1967. – 22 марта. – С. 1.

Эссе об институтских стенных газетах.

156. **Не знаю, насколько я прав** / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1968. – 19 янв. – С. 4.

О спектакле «Пока мы живем...» в постановке студенческого театра.

157. **Плодотворные поиски. Университет клубного работника** / С. Борисов // Челябин. рабочий. – 1972. – 19 янв. – С. 3.

О семинаре работников культуры, проходившем в Магнитогорске.

158. **Курсом специализации** / С. Борисов, Б. Киршин, В. Пташник // Челябин. рабочий. – 1974. – 20 марта. – С. 2.

О «Гумбейском» совхозе Нагайбакского района.

159. **Рабочий педагог** / С. Борисов, П. Гапоненко // Челябин. рабочий. – 1975. – 5 июня. – С. 2.

Очерк о наставнике молодых механизаторов Ф. Я. Чеколовце.

160. **Добрая и строгая** : о доярке Н. Усковой / С. К. Борисов // Комсомолец. – 1976. – 6 марта. – С. 2.

161. **Окрыленный парус искусства** / С. Борисов // Политехнические кадры. – 1972. – 12 янв. – С. 3.

Размышления об искусстве, творчестве, необходимости приобщения к прекрасному.

162. **«Иду через годы»** : о поэте Б. Рафикове / С. К. Борисов // Веч. Челябинск. – 1980. – 4 окт. – С. 3.

163. **Все может молодость** : о V межвуз. фестивале «Весна студенческая – 83» в Челябинске / С. Борисов // Комсомолец. – 1983. – 24 марта. – С. 1.

164. **Коломейский, А. Пародии** / Анатолий Коломейский // Политехнические кадры. – 1986. – 3 дек. – С. 6.

Включено стихотворение С. Борисова «Трагическое лирическое» в качестве ответа на письмо, пришедшее в редакцию газеты.

165. **Фронтowymi дорогами** : о Ф. Д. Верченове из Аргаяша / С. К. Борисов // Восход (Аргаяш). – 1986. – 21 июня.

166. **Вникая в суть стиха** / С. Борисов // Уральская новь. – 1991. – Сент. – С. 11–12. – **Рец. на кн.**: Максимцов, В. Исповедальная дорога : стихотворения. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989 ; Седов, Ю. Ветвей проявленный узор : стихи. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990 ; Ежов, В. Майский дождь : стихи / В. Ежов, Л. Кулешова, Н. Ягодинцева. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991.

167. **Через глыбы каменных монстров** / С. Борисов // Голос. – 1991. – 23–30 мая (№ 23). – С. 3.

О современных памятниках и скульптурах.

168. **Выживание культуры – выживание общества** : материалы «Круглого стола» // *Общее дело*. – 1992. – Сент.–окт. (№ 5). – С. 8–13.

В беседе, организованной редакцией газеты, принял участие С. К. Борисов.

169. **Исконное слово : заметки о поэзии Т. Табидзе** / С. Борисов // *Челяб. рабочий*. – 1992. – 1 июля. – С. 4.

170. **О простодушном книгочее и о несбывшемся слове:** (Грустные размышления на посконный лад) / С. Борисов // *Общее дело*. – 1992. – Июль–авг. (№ 4). – С. 15. – (Лики творчества).

171. **Подлинность и мнимость** / С. Борисов // *Общее дело*. – 1992. – Янв.–февр. (№ 1). – С. 7. – (Книжная полка).

Размышления над поэтической книгой Г. Суздалева «Печаль моя, любовь моя...» (Москва, 1990).

172. **Основы инсценирования литературного материала** / С. К. Борисов // *Культура, искусство, образование : науч.-практ. конф. : тез. докладов : в 3 ч.* – Челябинск, 1997. – Ч. 1. – С. 78–79.

173. **Некоторые аспекты драматургии театрализованной рекламы** / С. К. Борисов // *Тезисы докладов XXI науч.-практ. конф. (по итогам исследоват. работы преподавателей ин-та за 1996–1997 гг.)* / редкол.: Н. Г. Апухтина, Т. М. Синецкая, З. В. Руссак, С. С. Сокоиков, И. И. Щедрин. – Челябинск, 1999. – Ч. 2. – С. 34–35.

174. **Мир как храм** / С. Борисов // *Свет Рождества : сб. стихов* / Л. Кулешова. – Челябинск, 1999. – С. 6–9.

О творчестве поэтессы Л. Кулешовой.

175. **До следующего раза** / С. Борисов // *Время поить камни : стихи* / И. Аргутина. – Челябинск, 2001. – С. 90–92.

О новом поэтическом сборнике Ирины Аргутиной.

176. **Послесловие к книге** / С. Борисов // *Аргутина, И. Время поить камни : стихи* / И. Аргутина. – Челябинск, 2001. – С. 86–88.

177. **Седая печаль** / С. Борисов // *Южный Урал : лит. альманах*. – Челябинск, 2001. – № 1 (32). – С. 164–165.

О татарском поэте Басыре Рафикове.

178. **Поэт и читатель. Пространство и время** / С. Борисов // *Современный литературно-библиографический справочник* / сост. К. Макаров, Н. Пикулева. – Челябинск, 2005. – С. 236–239.

II. ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ С. К. БОРИСОВА

2.1. Биографические материалы

179. **60 лет со дня рождения Сергея Константиновича Борисова** // Календарь знаменательных и памятных дат: Челябинская область, 2000 / Челяб. обл. универс. науч. б-ка, отд. краеведения; сост. И. Н. Пережогина, Л. Ф. Мартынова, Е. С. Юрова. – Челябинск, 1999. – С. 16.

180. **65 лет со дня рождения Сергея Константиновича Борисова** // Календарь знаменательных и памятных дат: Челябинская область, 2005 / Челяб. обл. универс. науч. б-ка, отд. краеведения; сост. И. Н. Пережогина, В. В. Баранова, Л. А. Величкина. – Челябинск, 2004. – С. 19.

181. **70 лет со дня рождения Сергея Константиновича Борисова** // Календарь знаменательных и памятных дат: Челябинская область, 2010 : [ежегодник] / Челяб. обл. универс. науч. б-ка, отд. краеведения ; [сост. : И. Н. Пережогина, Л. А. Величкина ; ред.: О. Д. Суховилова, Г. Д. Куцева]. – Челябинск, 2009. – С. 49.

182. **75 лет со дня рождения Сергея Константиновича Борисова** // Календарь знаменательных и памятных дат: Челябинская область, 2015 / М-во культуры, Челяб. гос. краевед. музей, Челяб. обл. универс. науч. б-ка, Отд. краеведения; сост. И. Н. Пережогина, Р. Р. Хайретдинова, Н. М. Устинова; координаторы проекта Н. М. Антипин, Д. Г. Графов, О. Д. Суховилова, Л. Е. Астафьева. – Челябинск, 2014. – С. 28.

183. **Аргутина, И. Прощайте, Сергей Константинович** [Электронный ресурс] / И. Аргутина // Портал Марины Волковой. – Режим доступа: <http://mv74.ru/blog/archives/proshhajte-sergej-konstantinovich/>. – Дата публикации : 13.08.2013.

184. **Аргутина, И. Сергей Борисов. Рыцарь высокой трагедии** [Электронный ресурс] / И. Аргутина // 45 параллель: поэтический альманах. – 2013. – № 24 (336). – 12–13 авг. – Режим доступа: http://45parallel.net/sergey_borisov/.

185. **Борисов Сергей** // Литература России. Южный Урал : хрестоматия: 10–11 кл. / сост. Т. Н. Крохалева, Т. В. Соловьева, Л. И. Стрелец. – 2-е изд., испр. – Челябинск, 2004. – С. 400.

186. **Борисов Сергей Константинович** // Литературно-художественная студия «Взлетная полоса» представляет : буклет / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2002. – С. 2.

187. **Борисов Сергей Константинович** // Урал литературный : крат. биобиблиогр. справ. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. – С. 43.

188. **Борисов Сергей Константинович** [Электронный ресурс] // Журнальный зал. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/urnov/2003/16/boris.html>.

189. **Борисов Сергей Константинович** [Электронный ресурс] // Мегалит: Евразийский журнальный портал. – Режим доступа: http://www.promegalit.ru/chelyabinsk/personals/borisov_sergej_konstantinovich.html.

190. **Борисов Сергей Константинович** [Электронный ресурс] // Флибуста. Книжное братство. – Режим доступа: <https://flibustahezeous3.onion.cab/a/130189>.

191. **Борисов Сергей Константинович** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chelspr.narod.ru/borisov.html>.

192. **Борисов Сергей Константинович. Литература об авторе** [Электронный ресурс] // Писатели земли уральской. Южный Урал: проект Централизован. системы детских и шк. б-к г. Озерска и Челяб. обл. дет. б-ки. – Режим доступа: <http://pisateli.ch-lib.ru/tin/borisov/creativ.html>

193. **Борисов, С. Попытка автобиографии** [Электронный ресурс] / С. Борисов // Уральская поэтическая школа : энцикл. – Режим доступа: http://www.marginaly.ru/html/Vsjachina/Enciklopedija/summary/borisov_sk.pdf.

194. **В Челябинском педагогическом появится новая традиция:** каждое 6 июня здесь будут читать стихи [Электронный ресурс] // LentaChel.ru : сетевое издание. – (Общество). – Режим доступа: <http://lentachel.ru/articles/11354>. – Дата публикации: 08 06 2012.

В педагогическом университете прошла встреча с С. Борисовым.

195. **Кафедра режиссуры театрализованных представлений и праздников** // Челябинская государственная академия культуры и искус-

ств. Страницы истории / ред. кол.: В. Я. Рушанин, А. П. Грай, Д. Б. Перчик, В. М. Рябков, Т. М. Синецкая, В. С. Толстикова, И. И. Щедрин; авт.-сост. В. С. Толстикова. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. – С. 130–133.

О С. Борисове см. на стр. 133.

196. **Лауреаты Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка** // Большая медведица. – 2006. – № 4. – С. 6–7.

197. **Мордасов, А. А. Борисов Сергей Константинович** / А. А. Мордасов // Челябинская государственная академия культуры и искусств: энцикл. / ред.-издат. совет: В. Я. Рушанин (пред.), Н. В. Овчинникова (зам. пред., гл. ред. и сост.), В. И. Бурматов, Н. О. Александрова, Е. Н. Алешко, И. А. Бачурина [и др.]. – Челябинск, 2012. – С. 76.

198. **Мордасов, А. А. Режиссуры театрализованных представлений и праздников кафедра** / А. А. Мордасов // Челябинская государственная академия культуры и искусств: энцикл. / ред.-издат. совет: В. Я. Рушанин (пред.), Н. В. Овчинникова (зам. пред., гл. ред. и сост.), В. И. Бурматов, Н. О. Александрова, Е. Н. Алешко, И. А. Бачурина [и др.]. – Челябинск, 2012. – С. 486–487.

199. **Седов, Ю. Сергей Борисов** / Ю. Седов // Южный Урал : лит. альм. – Челябинск, 2002. – № 2 (33). – С. 172.

200. **Сергей Борисов** // Борисов С. К. Стезя, или Книга знаков : драматическая поэма. – Челябинск: Издатель Татьяна Лурье, 2010. – 4 с. обл.

201. **Сергей Борисов** // Борисов С. Небо времени : сб. стихотворений / С. Борисов. – Челябинск : Издатель Татьяна Лурье, 2008. – 4 стр. обл.

202. **Сергей Борисов** // Современный литературно-библиографический справочник / сост. К. Макаров, Н. Пикулева. – Челябинск, 2005. – С. 31–32.

203. **Сергей Борисов** [Электронный ресурс] // Портал Марины Волковой. – Режим доступа: <http://mv74.ru/blog/archives/tag/sergej-borisov/>.

204. **Черноземцев, В. А. Борисов Сергей Константинович** / В. А. Черноземцев // Челябинск : энцикл. / ред.-изд. совет: Е. А. Елисеев (пред.) и др.; сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. – Изд. испр. и доп. – Челябинск: Камен. пояс, 2001. – С. 111.

То же [Электронный ресурс] // Челябинск : энцикл. / ред.-изд. совет: Е. А. Елисеев (пред.) и др.; сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев – Режим доступа: <http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=3515>.

205. **Черноземцев, В. А. Борисов Сергей Константинович** / В. А. Черноземцев // Челябинская область : энцикл. : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. – Челябинск, 2003. – Т. 1. А–Г. – С. 470.

206. **Черноземцев, В. А. Борисов Сергей Константинович** / В. А. Черноземцев // Челябинская область : энцикл. : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. – Изд. испр. и доп. – Челябинск, 2008. – Т. 1. А–Г. – С. 483.

207. **Чупринин, С. И. Борисов Сергей Константинович** // Русская литература сегодня : малая лит. энцикл. / С. И. Чупринин. – Москва : Время, 2012. – С. 116.

208. **Юбилейные даты и события челябинских писателей в 2015 году** [Электронный ресурс] // Челябинское. – Режим доступа: <http://kray.chelib.ru/index.php/component/content/article/52-god-literatury/266-2015-god-literatury-v-rossii>. – Дата публикации: 11.02.2015.

75 лет С. К. Борисову.

209. **Юбиляры 2010 года** // Музейный вестник. – 2010. – Вып. 8. – С. 148–149.

70 лет С. К. Борисову.

2.2. Публикации о творчестве

210. **Бурмако, В. Дитя безымянного времени** / В. Бурмако // Борисов С. К. Сочинения [Стихотворения. Поэмы] / С. К. Борисов. – Челябинск : Цицеро, 2009. – С. 536–541.

211. **Бурмако, В. Лексика как средство создания образа зла в поэме С. Борисова «Приговор»** / В. Бурмако // Актуальные проблемы русского языка : материалы регион. конф., посвящ. 70-летию ЧГПУ. – Челябинск : ЮУКИ, 2005. – 178 с.

212. **Бурмако, В. Лексика как средство создания художественного образа** / В. Бурмако // Борисов С. К. Сочинения [Стихотворения. Поэмы] / С. К. Борисов. – Челябинск : Цицеро, 2009. – С. 541–546.

213. **Бурмако, В. Слово в поэзии Сергея Борисова** / В. Бурмако // Вестн. акад. рос. энциклопедий. – Челябинск, 2005. – № 3 (17). – С. 52–57.

214. **Валеев, А. Мировая тайнопись** // Борисов С. К. Сочинения [Стихотворения. Поэмы] / С. К. Борисов. – Челябинск: Цицеро, 2009. – С. 569–572.

215. **Валеев, А. Мировая тайнопись** : 60 лет поэту и переводчику Сергею Борисову / А. Валеев // Челябин. рабочий. – 2000. – 27 окт. – С. 7.

То же [Электронный ресурс] / А. Валеев. – Режим доступа : www.levluzin.ru/wp-content/uploads/МИРОВАЯ-ТАЙНОПИСЬ.rtf.

216. **Вести с полей. Екатеринбург** // Урал. – 2009. – № 2. – С. 241.
О вручении Всероссийской литературной премии П. П. Бажова. Лауреат в номинации «Поэзия» С. Борисов за книгу «Небо времени».

217. **Вишневский, Е. В. На фестивале** : воспоминания о 1-м Всесоюз. фестивале студенческих эстрадных театров / Е. В. Вишневский. – Челябинск : Цицеро, 2013. – 107 с.

На с. 81 упоминается С. Борисов как получивший приз за лучшие сценарии миниатюр с ярко выраженной гражданской позицией.

218. **Во дни сомнений** : [интервью с С. Борисовым] / беседовала И. Моргулес // Южноуральская панорама. – 2003. – 23 авг. – С. 4.

219. **Гайворонцев, Я. Писатели-лауреаты** / Я. Гайворонцев // Челябин. рабочий. – 2005. – 10 нояб. – С. 8.

Челябинский писатель С. Борисов стал лауреатом всероссийской премии им. Д. С. Мамина-Сибиряка.

220. **Голованова Е. И. «Уральский текст»: локальный мир горнозаводской культуры в художественном пространстве фольклора и литературы** / Е. И. Голованова // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы III Междунар. науч. конф. / Забайкал. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Чита, 2010. – С. 329–332.

221. **Голованова, Е. И. Смена тональности и доминантных образов в Уральской поэзии нового времени** / Е. И. Голованова // Ученые записки Забайкал. гос. гуманитар.-пед. ун-та. Сер. Филология, история, востоковедение. – 2013. – № 2 (49). – С. 28–31.

То же [Электронный ресурс] // КиберЛенинка : науч. б-ка. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/smena-tonalnosti-i-dominantnyh-obrazov-v-uralskoj-poezii-novogo-vremeni#ixzz3l7ZpHnDY>.

На примере нового сборника поэм современного челябинского автора Сергея Борисова показывается трансформация образов и мотивов уральской поэзии XXI в.

222. **Грантс, Я. Сергей Борисов: я хочу, чтобы русская поэзия жила** [Электронный ресурс] / Я. Грантс, А. Анисимов // Южный Урал : гос-

телерадиокомпания. – Режим доступа: http://www.chelvtv.ru/Sergey_Borisov_ya_hochu_chtoby_russkaya_poeziya_zhila. 08.06.2012.

223. **Казаков, А. Исконное слово: заметки о поэзии С. Борисова / А. Казаков // Челябин. рабочий. – 1990. – 1 июля.**

224. **Кожейкин, А. В. Экзистенциальная проблематика в творчестве южноуральских поэтов : эссе / А. В. Кожейкин // Третий Междунар. интеллектуал. форум «Чтение на Евразийском перекрестке» (Челябинск, 24–25 сент. 2015 г.) : материалы форума / М-во культуры Российской Федерации, М-во культуры Челяб. обл., Рос. библ. ассоциация, Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред.-сост. В. Я. Аскарлова. – Челябинск, 2015. – С. 68–73.**

О творчестве Н. А. Ягодинцевой, С. К. Борисова, В. Н. Курбатова.

225. **Курбатов, В. Памяти поэта / В. Курбатов // Челябин. рабочий. – 2013. – 8 авг. – С. 4.**

226. **Леонович, В. На легкий голос отзовись / В. Леонович // Пергамент (Спец. вып. газ. «Вечерний Челябинск»). – 2003. – № 11 (18 июля).**

227. **Леонович, В. Слово о поэте / В. Леонович // Безымянное время : лирика / С. К. Борисов. – Челябинск, 1991. – Кн. 1. – С. 5–7.**

228. **Леонович, В. Слово о поэте / В. Леонович // Борисов С. К. Сочинения [Стихотворения. Поэмы] / С. К. Борисов. – Челябинск : Цицеро, 2009. – С. 533–536.**

229. **Леонович, В. Увлеченной строкой / В. Леонович // Гагуа, Х. Лоза завета / Х. Гагуа. – Тбилиси, 1989.**

230. **Лузин, Л. Мои люди : Сергей Борисов, поэт, переводчик, Челябинск [Электронный ресурс] / Л. Лузин // Лев Лузин: гуманитарный журнал. – Режим доступа: [http://www.levluzin.ru/people/sergej-borisov-poet-perevodchik-chelyabinsk/](http://www.levluzin.ru/people/sergej-borisov-poet- perevodchik-chelyabinsk/). – Дата публикации: 23.04. 2014.**

231. **М. Г. Медлительные крылья парусов / М. Г. // Челябин. рабочий. – 1995. – 25 янв. – С. 4. – (Литературная «Среда»).**

О творчестве С. Борисова.

232. **Маматказина, Е. От истоков «Бани» / Е. Маматказина // Политехнические кадры. – 1986. – 3 дек. – С. 2.**

В статье упоминается о начинающем поэте С. Борисове в составе группы энтузиастов, стоящих у истоков сатирической стенной газеты «Баня».

233. **Милюкова, Е. В. Из «проходной» в «душевую»: рабочий поэт в южноуральской заводской картине мира** / Е. В. Милюкова // Кирпичики: Фольклористика и культурная антропология сегодня : сб. ст. – Москва : РГГУ, 2008. – С. 178–187.

234. **Морозов, А. Студенческая эстрада** / А. Морозов // Политехнические кадры. – 1964. – 9 июля. – С. 2.

О студенческих театрах. В статье упоминается о С. Борисове.

235. **Номинанты на премию имени Д. Мамина-Сибиряка, 2005** // Большая медведица. – 2005. – № 5. – С. 3.

236. **О поэтическом творчестве Сергея Борисова** // Сочинения [Стихотворения. Поэмы] / С. К. Борисов. – Челябинск : Цицеро, 2009. – С. 533–572. – **Содерж.:** Слово о поэте / В. Леонович. – С. 533–536 ; Дитя безымянного времени / В. Бурмако. – С. 536–541 ; Лексика как средство создания художественного образа / В. Бурмако. – С. 541–546 ; Слово в поэзии Сергея Борисова / В. Бурмако. – С. 546–559 ; Светлых сумерек талант / О. Павлов. – С. 559–569 ; Мировая тайнопись / А. Валеев. – С. 569–572.

237. **Об авторе** // Борисов, С. К. Светотень : стихотворения, поэмы. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. – С. 402. – (Б-ка поэзии Каменного пояса).

238. **Он возмутил тона и возбудилсиллабы** // Веч. Челябинск. – 1996. – 23 марта.

239. **Павлов, В. Лирик** / В. Павлов // Челяб. рабочий. – 1990. – 20–21 окт. – С. 8.

Челябинскому поэту и переводчику С. Борисову исполняется 50 лет.

240. **Павлов, О. Н. Светлых сумерек талант : о поэзии Сергея Борисова** [Электронный ресурс] / О. Н. Павлов // Новый ковчег. – Челябинск, 2003. – Вып. 2. – Режим доступа : <http://www.stihi.ru/2013/08/21/2594>.

241. **Павлов, О. Н. Светлых сумерек талант : о поэзии Сергея Борисова** [Электронный ресурс] / О. Н. Павлов // Стихи.ру. – Режим доступа : <http://www.stihi.ru/2013/08/21/2594>.

242. **Павлов, О. Светлых сумерек талант** / О. Павлов // Борисов С. К. Сочинения [Стихотворения. Поэмы] / С. К. Борисов. – Челябинск : Цицеро, 2009. – С. 559–569.

243. **Павлов, О. Светлых сумерек талант** / О. Павлов // Борисов С. Светотень: Попытка избранного : стихи / С Борисов ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2004. – (Академическая муза). – С. 6–14.

О поэзии Сергея Борисова.

244. **Передельский, В. Все пусто, кроме тихой звезды** / В. Передельский // Голос (Челябинск). – 1993. – 26 нояб. – 3 дек.

О творчестве челябинского поэта С. Борисова.

245. **Понять поэта** : [беседа с челяб. поэтом Сергеем Борисовым] / записал Михаил Фонов // Челяб. рабочий. – 2002. – 15 марта. – С. 7.

То же [Электронный ресурс] // Медиазавод. – Режим доступа: <http://mediazavod.ru/articles/6557>. – Дата публикации: 15.03.2002.

246. **Праздник студенческой поэзии** // Большая медведица. – 2007. – № 2. – С. 4.

С. Борисов – член жюри конкурса «Весна студенческая» в Челябинской государственной академии культуры и искусств.

247. **Презентовали «Академическую музу»** // Академгородок. – 2004. – № 8 (35). – С. 4.

Один из авторов серии С. Борисов.

То же // Хроника жизни академии. 2003–2004 учебный год. – Челябинск, 2004. – С. 148.

248. **Приходят строчки, не спрашивая позволения...** : [беседа с соискателем I Юж.-Урал. лит. премии С. К. Борисовым / вела И. Панкова] // Уральская линия : лит.-худож. альм. Юж. Урала. – 2013. – № 1. – С. 186–187. – (Листая газету «Возрождение Урала»).

То же: [Электронный ресурс] / беседовала И. Панкова // Южно-Уральская литературная премия : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://ansya.ru/health/strochki-prihodyat-ne-sprashivaya-pozvoleniya/main.html>. – Дата обращения : 18.01.2013.

Сергей Борисов – талантливый челябинский поэт, переводчик – по единодушному решению жюри стал лауреатом первой Южно-Уральской литературной премии, учрежденной движением «За возрождение Урала».

249. **Рубинский, К. «Академическая муза»** / К. Рубинский // Челябинская государственная академия культуры и искусств: энцикл. / ред.-издат. совет: В. Я. Рушанин (пред.), Н. В. Овчинникова (зам. пред., гл. ред.

и сост.), В. И. Бурматов, Н. О. Александрова, Е. Н. Алешко, И. А. Бачурина [и др.]. – Челябинск, 2012. – С. 14.

Один из авторов серии – С. Борисов.

250. **Седов, Ю. Жизнь переводчика: С. Борисову : стихи** / Ю. Седов // Челябин. рабочий. – 1989. – 2–3 дек. – С. 8.

251. **Сокол, Е. Осмысливая время и судьбу** [Электронный ресурс] / Е. Сокол // Магнитог. металлург : газ. – 2012. – 17 марта. – Режим доступа: <http://magmetall.ru/contribution/11187.htm>.

Лауреатом Первой Южно-Уральской литературной премии 2012 г. в номинации «Поэзия» стал Сергей Борисов.

252. **Стилисты добра** // Большая медведица. – 2004. – № 2. – С. 3.

253. **Суздальев, Г. Союз писателей России** // Челябинская государственная академия культуры и искусств: энцикл. / ред.-издат. совет: В. Я. Рушанин (пред.), Н. В. Овчинникова (зам. пред., гл. ред. и сост.), В. И. Бурматов, Н. О. Александрова, Е. Н. Алешко, И. А. Бачурина [и др.]. – Челябинск, 2012. – С. 552–554.

О Челябинском отделении Союза писателей России и С. Борисове в том числе.

254. **Сулаберидзе, Л. Цветок, расцветший на горе шлаков** / Л. Сулаберидзе // Челябин. рабочий. – 1990. – 20–21 окт. – С. 8.

О челябинском поэте и переводчике С. Борисове.

255. **Сухнев, В. Спотыкаясь на ровном месте** / В. Сухнев // Литературная газета. – 1980. – 20 янв. – С. 6. *О книге «Свет вечерний».*

256. **Терпугова, А. Скажи свое слово: Сергею Борисову** // Связь времен: заметки о русской поэзии / А. Терпугова ; Челябин. обл. писат. орг., ООО «Союз писателей России». – Челябинск, 2014. – С. 161.

257. **Умер поэт и переводчик Сергей Борисов** [Электронный ресурс] // LentaChel.ru : сетевое издание. – (Персоны). – Режим доступа: <http://lentachel.ru/articles/26463>. – Дата публикации: 13. 08 2013.

258. **Феркель, В. Корабли-переводчики. Литмастерская Челябинск** [Электронный ресурс] / В. Феркель // Стихи.ру. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2014/01/02/7803>.

В Челябинске издали антологию переводов мировой поэзии, один из авторов С. Борисов.

259. **Феркель, В. Послесловие** / В. Феркель // Борисов С. Стихия / С. Борисов. – Челябинск : Цицеро, 2008. – С. 71–72.

260. **Фонотов, М. Слово и любовь** / М. Фонотов // Челяб. рабочий. – 2010. – 9 февр. – С. 3.

То же // Хроника жизни академии. 2009–2010 учебный год. – Челябинск, 2010. – С.145–149.

261. **Человек – главная ценность в нашем обществе** [Электронный ресурс] // Писатели Южного Урала : сайт Челяб. обл. писат. орг. – Режим доступа: <http://pisатели-urala.ru/2014/08/писатель-и-общество>. – (Писатель и общество). – Дата публикации : 09.08.2014.

262. **Челябинские поэты собрались в Обществе «Знание»** [Электронный ресурс] // Безформата.ru. – Режим доступа: <http://chelyabinsk.bezformata.ru/listnews/chelyabinskie-poeti-sobralis-v-obshestve/7270572/>. – Дата публикации : 19.10.2012.

263. **Швед, В. С. К. Борисову (Надпись на книге «Четверостишия») : стихи** // Первый квартал. Стихи / В. Швед ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2004. – С. 40. – (Академическая муза).

264. **Юбилей студии** // Большая медведица. – 2007. – № 2. – С. 2.

О Челябинской литературной мастерской при Союзе писателей России. На фото С. Борисов и Н. Ягодинцева.

265. **Ягодинцева, Н. А. Литературная студия «Взлетная полоса»** [Электронный ресурс] / Н. А. Ягодинцева // Челябинская государственная академия культуры и искусств : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://chgik.ru/literaturnaya-studiya-vzletnaya-polosa>. Упоминается С. Борисов.

266. **Ягодинцева, Н. Шелест листьев и страниц** / Н. Ягодинцева // Веч. Челябинск. – 1997. – 21 мая. – С. 5.

Рецензия на книгу С. Борисова «Палые листья».

267. **Яншин, А. Владлен Феркель: книгоиздатель, поэт, журналист** [Электронный ресурс] / А. Яншин // Zenon74.ru. – Режим доступа: <http://www.zenon74.ru/krug-obsheniya/dialogi-na-begu>.

О С. Борисове и издании его книг.

2.3. Библиографические материалы

268. **Труды Челябинской государственной академии культуры и искусств:** 2008–2012 гг. / сост. : Н. Балаева, К. Горбачева, Э. Еникеева и др. ; рук. сост. гр. : Н. Н. Штолер, Н. О. Александрова, М. С. Полушкина ; науч. ред. : А. В. Штолер, Н. Н. Штолер, Е. А. Колесникова, М. В. Ермолаева ; авт. вступ. ст. В. Я. Рушанин. – Челябинск, 2013. – 466 с. – (45-летию со дня образования вуза посвящается...).

Именной указатель, Борисов С. К.: № 3985.

269. **Труды Челябинской государственной академии культуры и искусств:** 2003–2007 гг. / коллектив авт. Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; сост.: Н. Н. Штолер, В. Я. Рушанин. – Челябинск, 2008. – 335 с. – (40-летию ЧГАКИ посвящается).

Именной указатель, Борисов С. К.: № 2597, 2836, 2837.

270. **Труды Челябинской государственной академии культуры и искусств:** 1968–2002 гг. : библиогр. указ.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; сост. А. Бородулина, В. Бояршина и др. ; рук. сост. гр. Н. Н. Орлова ; науч. ред. А. В. Штолер ; авт. вступ. ст. В. Я. Рушанин ; науч. конс.: Н. О. Александрова, И. Г. Моргенштерн ; техн. поддержка С. В. Буцык, С. А. Григорьев. – Челябинск, 2003. – Ч. 2. – 551 с. – (35-летию ЧГАКИ посвящается).

Именной указатель, Борисов С. К.: № 4235, 4292, 4301, 4345, 4346, 4374, 4534, 4586, 4897–4901, 4913, 4914, 4926, 5161.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ УКАЗАТЕЛИ

Указатель заглавий произведений С. К. Борисова

- А думы пришли в упадок 57
А мы живем, белым обагрены 23
А ты, пристанище мое... 43
Алое поле: челябинскому детскому парку посвящаю 25
Анатолию Морозову 18
Без трепета иду на пламень... 50
Безымянное время 2
Бессмертие 60
Бог замешкался и не спас... 58
Бреду дорогой многотрудной... 37
Брежут сонные собаки... 37
Былые песни 61
В кладбищенской мусорной куче... 57
В любовь упадаю, как в омут... : стихи 43
В моем дыханье – вздох отца... 43
В осенние ненастные рассветы... 37
В пустынном доме окнами во двор... 40
В России страшно быть поэтом 58
В скучном мире нескучные души... 60
Весеннее : стихи 20
Ветер 21
Вечерние длинные тени... 46
Воспев сегодня юность комсомола... 23
Вот чудится неуследимый лет... 46
Впредь, или Книга упований : утопическая поэма 14, 63
Время – деньги! И в запарке... 43
Время в ушко игольное тянет... 55
Все случилось разом и нечаянно... 46
Вышла дразгой былая ссора... 55

Где вы, данники и поэты... 58
Греми на дождь 49
Губы к целованию готовь... 57
Гуси 21
Дабы куща не сохла и кожа не дрябла... 46
Две молодости 26, 29
Двое 30
День и ночь 48
Дом 32, 65
Доченьке 57
Душа занемогла с недавних пор 60
Душа колотится о ребра... 57
Жемчужной и розовой пеной... 41
Жизнь выцвела, как старая холстина... 46
Задолжал поэт народу 58
Заплутал я среди людей, заплутал! 57
Затмить все стороны света... 49
Здравствуй, время гололедицы! 60
Земную тяжбу зим и лет... 51
Знаю наверное: на щите... 46
Золотая гора 58
И будет чем дышать 45
И будет чем дышать 45
И был искус... 50
И влаги чистую струю... 33
И вновь о любви не обмолвилась ты... 58
И это – я. Случившийся, как есть 46
И, плача в землю год за годом... 57
Из первых рук 33
Из сборника Грузинская тетрадь 62
Исповедь, или Книга тайн : трагическая поэма 12
Истина придет с небес... 46
Как слезы близко... 45
Как я хочу в плену озноба.... 60
Какой бы кроткой ни была вода... 50

Капли с пера 3
Карающая высь 47
Клинки сквозь ветер... 23
Ку-ре-ку-ка 21
Материализм 60
Мне душу измаяла ноша земная... 60
Мы отдаемся без остатка... 47
На смерть ровесника: Памяти Иосифа Бродского 51
Накажи меня, Господи, правом... : стихи 59
Накануне звезды. Книга четверостиший 6, 53
Напоследок 55
Научи меня...45
Не просто, сбросив, как одежду... 58
Не утрашись... 52
Небесные снасти трещат по швам... 46
Небо времени 9
Нелегка легла дорога 60
Нечаянное 16
Ноябрьский вечер хмур и близорук... 45
О стезе, ускользящей прочь... 55
О, как ты необдуманно строга... 49
Одной судьбы возлюбленная суть... 45
Опять зима снегами дует... 38
Опять сквозные небеса... 55
Оставь горевать, отпусти узду... 46
Отчуждение, или Четыре книги о главном 15
Павшим 34, 35
Палитра: На посещение выставки К. Фокина 51
Палые листья 5
Памяти друга 51
Песня листьев 32
Поздние мотивы 61
Поздний вечер 29
Полни брашна, виночерпий... 55
Потому и реку, как я есть служилый...46

Похвала компьютеру, или Поэзия впрок 51
Приговор 211
Приходит час, не вычисленный впрок... 57
Прочтение любви 17, 55
Прощальное 60
Птицы 19, 31
Разговор с памятником Орленок : стихи 22
Разлив 32,36
Революции 27
Русь 42
Ручей 21
С тайной завистью невежды... 64
Свет вечерний 1
Светотень 8
Светотень : попытка избранного 7
Смерть художника 31
Снег 39
Сойди в обитель тишины... 57
Солдатская 44
Сочинения [Стихотворения. Поэмы] 11
Среди смрада и железа... 57
Стезя, или Книга знаков : драматическая поэма 13
Стихи 54
Стихия 10
Строфы (2001–2002) 57
Сухорукий тапер... 55
Такая унылая нынче погода... 51
Там за околицей заветного села... 45
Теперь ступай! 50
Товарищ газета 28
Третья книга 4
У воды 57
У моря 33
У черты 49
Уж ты гой еси... 37, 55

Упреждаю печаль и тревогу	59
Урал	24
Челябинску	22
Четверостишия	56
Чрево мира для нас темно...	60
Чреду саморазоблачений...	57
Элегия	60
Эти знойные сны террас...	37
Эту звездную погоду...	52
Я бросил камень в пруд	50
Я буду трудно гнить в могиле...	57
Я верю	35
Я исконный закон не нарушу...	57
Я не умею ездить на велосипеде...	51
Я претерпел всю мерзость униженья...	51
Я родился осенним днем...	33
Явление музыки (продолжение) : Не утрашись...	52
Яик : стихи	32

Указатель заглавий переводов С. К. Борисова

Адамовы дети забот не избыли...	102
Ананури	92
Аспид	81
Безымянное время : лирика	94
Безымянное время : из груз. поэзии	94
Безымянные звезды : кн. Восьмистиший	103
Белые лебеди: стихи	96
Благодарность	67
Бреду дорогой многотрудной...	97
Бродячий цирк в Борчало	109
В изгнании бредил лозой...	99
В мире животных	106
В округе сушь. И ветры то и дело...	102

Верность 81
Вечерний певец 67
Виктору Чеботарю, машинисту локомотивного депо : стихи 68
Возвращение 72
Вознесите меня, о богини любви... 92
Восьмистишия 84
Вот я вернулся : стихотворения и поэмы : 90
Времени бег 98
Время 81
Вся истина у бога под рукой... 102
Где цвели лоза и роза... 95
Глициния 95
Голос земли 71
Голос павших 70
Горит костер 67
Грань самоцветная слова... 85
Грузинская тетрадь : [переводы] 95
Две трети жизни пролетели... Ужель? 97
Дикой яростью ночи горели 86
Едва сгустился сумрак 80
Если батыр... ; Старый друг – песня 104
Есть изжитые узы добра... 102
Живая память. Стихи 108
Журавли летят 68
За состраданием 81
Закат 81
Звезды меркли и дрожали 95
И голос грузинского друга... 95
Иду я, влюбленный 74
Из поэтической тетради 93
Избранная лирика 100
Избранное, Сулаберидзе Л. 82
Избранное, Церетели А. 89
Избранное. Стихи. Поэмы 87
Как ваше слово отзовется 109

Камень-слово 95
Когда простирает крылья заря... 70
Крепись трудом начала... 80
Ленинградское 70
Лес, будто холст цветастый, волен жить... 102
Лоза завета : стихи и поэмы 88
Матерям 73
Мать-земля 78
Мелодий звон 102
Могила Гранели 95
Мтацминда 95
Мы не отступимся 75
Надежда 102
Называть лебедушкой при встрече... 102
Не пламя ли смолкших сердец 77, 80
Ностальгия женщины, обретшей бессмертие в стихе 81
Опять нисходит сумрак 75
Осень 76, 102
Остается любовь 67
Переводы Сергея Борисова : стихи груз. поэтов 92
Переводы. Из грузинской, башкирской, татарской поэзии 110
Песня 92
Пляшет вечный огонь, как исток... 102
Познать, что есть добро и зло... 102
Посвящение 95
Последний барак 67
Просыпаюсь в холодном поту... 102
Прощальная песнь журавлей... 102
Птица 81
Птицы Пиросмани 95
Размышления 70
Рассвет 81
Родная земля 77
Родной дом 79
Россыпь лунного льда усыпила меня... 92

С гор камень ни один из века в век... 102
Самаиа 81
Свет памяти 101
Свободен : стихи 97
Слепые 107
Сон 81
Сосна 70
Старый друг-песня 104
Старый солдат 70,72
Стихотворения 91
Татарская история 102
Туманный лес... 86
Утренняя песня 105
Ушел Георгий – оскудели дни... : памяти Г. Маргвелашвили 95
Челябинские березы 76
Черная береза 83
Шаги будущего = Килэчэк адымнары 111
Школа 70
Шумите березы 102
Я выбросился из окна... 95

**Указатель заглавий текстов,
положенных на музыку**

Ангел-хранитель 117
Берег детства 125
Бреду дорогой многотрудной 120
Велосипед 116, 121, 123
Венчание 123
Весенняя песня 123
Гимн южноуральцев 125
Грузия моя 123
Дорогой в новую эру 119
Дуэт Андрияна и Насти 123
Железнодорожная 123

Завет 123
Заклинание 123
И вновь о любви 123
И вновь о любви не обмолвилась ты... 122
Казачий круг 119
Княжеская 123
Лесной костер 112, 116, 123
Летние грезы 123
Люблю тебя 123
Мой 123
Мой путь 123
Наверное 123
Нас повенчают в белом 120
Наш марш 123
Небо судьбы 123
Нет обманчивей грезы 113
Ночь одиночества 113
Обещание 123
Окупись, душа, в чистую волну... 118
Осенний романс 125
Осенних звезд холодный рой 113
Осень поэта 120,123
Песня атамана 123
Песня и танец казачат 123
Песня о казаках 123
Песня о мужестве 123
Песня о песне 115,121,123
Песня победителей 123
Песня столичного гостя 123
Песня юных хоккеистов 116
Последняя свеча 123
Правда жизни 123
Разлука 123
Разноцветные песенки 114, 124
Родной Урал 123

Свет вечерний 123
Свет звезды и радуги... 115
Связь времен 123
Сотворение стиха 118, 123
Тайна 123

Указатель заглавий сценариев С. К. Борисова

Академия от А до Я 144
Большая игра. Игры, в которые играют люди 127
Быть или не быть 134
Добро пожаловать в Юмакс 135
К нам едет – сам! 126
Когда лицей не по зубам 136
Концерт для дилетантов с оркестром 137,146
Кто ты будешь такой? 138
Невезуха 143
Новогодние приключения, или Елка для Мульти-пульти 131
Пять олимпийских колец 139
Рублевый балаган 132
Святая простота 133
Святое слово 140
Сказ о том, как краснобаи заморские по наущению царя-батюшки хопов тосты складывать научили 129
Страсти-мордасти 141
У нас ныне Семик-Троица 142
Хорошо там, где нас нет 130
Экзотические приключения 128

Именной указатель

- Александрова Н. О. 197, 198, 249, 253, 268, 270
Алешко Е. Н. 197, 198, 249, 253
Амашукели Р. 91
Анисимов А. 222
Антипин Н. М. 182
Апухтина Н. Г. 173
Аргутина И. 175, 176, 183, 184
Аскарлова В. Я. 224
Астафьева Л. Е. 182
- Балабан В. 111
Балаева Н. 268
Бантуров С. Ю. 119
Баранова В. В. 180
Бачурина И. А. 197, 198, 249, 253
Бедностина И. В. 115
Бершадский Л. 21, 22, 24
Боже В. С. 204
Бородулина А. 270
Бочкарев К. Н. 205, 206
Бояршина В. 270
Бурмако В. 210–213, 236
Бурматов В. И. 197, 198, 249, 253
Буцьк С. В. 270
Быков Л. П. 8
- Валеев А. 214, 215, 236
Валеева А. 104
Величкина Л. А. 180, 181
Верченнов Ф. Д. 165
Викторов В. 114, 124
Вишневский Е. В. 217
- Гагуа Х. 88, 118
Гайворонцев Я. 219
Гапоненко П. 159
Гаянова Л. 106
Голкин В. 126
Голованова Е. И. 220, 221
Горбачева К. 268
Грай А. П. 195
Грантс Я. 222
Графов Д. Г. 182
Григорьев С. А. 270
- Дорошевич В. 134
- Евдак О. П. 127, 144
Ежов В. 166
Елисеев Е. А. 204
Еникеева Э. 268
Еремин Л. И. 116
Ермолаева М. В. 268
- Зайцева Г. С. 118
- Казаков А. 223
Канашов Г. А. 119
Кердан А. Б. 44
Киршин Б. Б. 158
Киселева (Фомина) В. Н. 56
Клочков Г. 122, 123
Кожейкин А. В. 224
Колесникова Е. А. 268
Коломейский А. 164
Коротич В. 90

Крохалева Т. Н. 58, 185
Крылов Н. 86
Кулешова Л. 166, 174
Курбатов В. 224, 225
Куцева Г. Д. 181

Леонович В. 226–229, 236
Литвинов Г. В. 147
Литвинов О. Л. 147
Лузин Л. 230

Макаров К. 59, 178, 202
Максимцов В. 166
Малыгин Н. 112, 115, 116,
121, 123
Маматказина Е. 232
Маргвелашвили Г. 95
Мартынова Л. Ф. 179
Межетов В. 123
Милюкова Е. В. 233
Миндадзе Басыр 92
Миронов В. 83
Моргенштерн И. Г. 270
Моргулес И. 218
Мордасов А. А. 144, 197, 198
Морозов А. 234
Муртазин К. 105

Овчинникова Н. В. 197, 198,
249, 253
Орлова Н. Н. 270

Павлов В. 239
Павлов О. Н. 236, 240–243
Панкова И. 248

Панов Д. П. 114, 117, 119, 123–125
Передельский В. 244
Пережогина И. Н. 179–182
Перчик Д. Б. 195
Пикулева Н. 59, 178, 202
Полушкина М. С. 268
Проскуракова И. И. 111
Пташник В. 158

Рафиков Б. 67–80, 83, 85, 86, 96,
98, 100–102, 111, 177
Рейн Е. 91
Рубинский К. С. 144, 249
Руссак З. В. 173
Рушанин В. Я. 195, 197, 198, 249,
253, 268–270
Рябков В. М. 195

Сабиров И. Н. 111
Самигулин Т. 90
Сафин М. 111
Седов Ю. 166, 199, 250
Синецкая Т. М. 173, 195
Скрипов А. С. 111
Сляднев В. 76
Соковиков С. С. 173
Сокол Е. 251
Соколов В. 81
Соловьева Т. В. 58, 185
Сотченкова Л. И. 113, 118,
120, 123
Степанова И. В. 144
Стрелец Л. И. 58, 185
Суздаев Г. 171, 253
Сулаберидзе Л. 81, 82, 254

Сухнев В. 255
Суховилова О. Д. 181, 182
Сыч Е. К. 111

Табидзе Т. 97, 169
Терпугова А. 256
Толстикова В. С. 195
Трифонов А. 123

Ускова Н. 160
Устинова Н. М. 182

Файзуллин Н. Ш. 108
Феркель В. 258, 259
Фонотов М. 245, 260

Хабибулин Р. Г. 117
Хайретдинова Р. Р. 182
Ховив Е. Г. 52
Хрипко Е. 111
Хрипко Л. 111

Церетели А. 89, 99

Чарквиани Д. 87, 90, 92
Чеколовец Ф. Я. 159
Черноземцев В. А. 204–206
Чупринин С. И. 207

Шагалеев Р. 84, 93, 103, 106, 107
Шанбатуев М. Ф. 56
Шаронина М. Г. 144
Швед В. 263
Шереметьев В. А. 112
Штолер А. В. 268, 270
Штолер Н. Н. 268, 269

Щедрин И. И. 173, 195

Юрова Е. С. 179

Ягодинцева Н. А. 166, 224, 264, 265, 266
Яншин А. 267

СПИСОК ПРОСМОТРЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. ЭК ЧОУНБ.
2. ЭК НБ ЧГАКИ.
3. Челябинская государственная академия культуры и искусств : энцикл. / ред.-издат. совет: В. Я. Рушанин (пред.), Н. В. Овчинникова (зам. пред., гл. ред. и сост.), В. И. Бурматов, Н. О. Александрова, Е. Н. Алешко, И. А. Бачурина [и др.]. – Челябинск, 2012.
4. Челябинск : энцикл. / ред.-изд. совет: Е. А. Елисеев (пред.) и др.; сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. – Изд. испр. и доп. – Челябинск : Камен. пояс, 2001.
5. Челябинская область : энцикл.: в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. – Челябинск: Камен. пояс, 2003. – Т. 1. А–Г.
6. Сводный указатель к ежеквартальнику «Литература о Челябинской области». 1959–1985.
7. Литература о Челябинской области : текущий библиогр. указ. 1967–1985 гг.
8. Политехнические кадры : газ. / Челяб. политехн. ин-т. – 1961. № 2, 4–28, 30–36; 1962. № 1–25; 1963. № 1–12, 14–27; 1964. № 1–8, 10–18, 20–27, 30–32, 35–38; 1965. № 1–42; 1966. № 1–37; 1967. № 1–38; 1968. № 1–34; 1969. № 1–33; 1970. № 1–40; 1971. № 1–45; 1972. № 1–42; 1973. № 1–45; 1974. № 1–42; 1975. № 1–45; 1976. № 1–43; 1977. № 1–44; 1978. № 1–44; 1979. № 1–41; 1980. № 1–43; 1981. № 1–42; 1982. № 1–43; 1983 № 1–41.
9. Кадры культуры: газ. / Челяб. гос. ин-т культуры. – 1980–1990.
10. Академгородок: газ. коллектива Челяб. гос. акад. культуры и искусств / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2002–2015.
11. Личный архив В. А. Шведа, гл. библиографа НБ ЧГАКИ.
12. Интернет-ресурсы.

ГОЛОС ПОЭТА
(ПУБЛИЦИСТИКА И ИНТЕРВЬЮ)

Попытка автобиографии

Изложение собственного жизненного пути на бумаге – задача весьма непростая, противоречивая и ответственная. Кривить душой в данном случае глупо и предосудительно. Однако осмелюсь – с робкой надеждой на удачу. Начну с того, что появился я на белый свет 22 октября 1940 года в городе Харькове. Но ровно через восемь месяцев этот свет перестал быть белым: грянула война с фашистской Германией. Бабушек и дедушек как по материнской, так и по отцовской линиям я не знал и никогда их не видел, поскольку мой отец, Борисов Константин Федорович, и мать, Черкасова Анна Николаевна, – воспитанники детских домов Донбасса, в шахтерских поселках Горловка и Енакиево, мать – с пятилетнего возраста, отец – с девятилетнего. Знаю только, что дед по отцу был машинистом в Москве, а дед по матери – кузнецом в Приазовье. Так что отпрыском дворянского рода я никогда не значился.

Но вернусь к своему детству. Мой отец окончил Харьковский физико-механический институт, мать – Харьковский полиграфический техникум. Познакомились они, проживая в одном общежитии «Гигант». Поскольку мой отец был инженером по танковым двигателям, его вместе с конструкторским бюро харьковского завода в начале войны эвакуировали в Челябинск, на тракторный завод, где было налажено производство великоколесных танков Т-34, которые в свое время выиграли танковое сражение на Курской дуге. Как и другие сотрудники СКБ-75, он написал заявление с просьбой отправить его на фронт добровольцем (папино заявление я сам видел в музее ЧТЗ). После этого его вызвал начальник 1-го отдела и сказал: «Тебя, Костя, убьют в первом же бою. А кто танки Т-34 будет делать?» В итоге все СКБ-75 попало под «бронь».

В Челябинске мы сначала жили в Тракторозаводском районе на подселении, то есть одну комнату, перегородженную простынями, занимали две семьи.

Потом отцу завод дал комнату во втором интернате, там было что-то вроде общежития. И там мы жили, пока я учился в школе с первого по седьмой класс. А затем семья получила однокомнатную квартиру на улице Горького. В этой квартире прожили довольно долго: там я и школу закончил, и институт.

Позволю себе два отступления в память о маме, которая не однажды спасала меня от смерти. Первый раз – во время бомбежки эшелона с эвакуированными из Харькова, когда она, выскочив со мной из вагона, прикрыла меня своим телом в какой-то выемке в земле, а второй раз уже в 1947 году, во время голода на Урале, когда увезла меня к родным сестрам отца Екатерине и Клавдии в Западную Украину, где можно было мало-мальски прокормить малыша.

В 1947 году я пошел в первый класс школы в городе Станиславе (ныне Ивано-Франковск), а учебу в начальной школе № 48 продолжил в Челябинске. Окончил 10 классов в челябинской школе № 18, после соединения мужской и женской школ, в 1957 году. С 1957 по 1958 год работал на заводе слесарем-мотористом на испытательных стендах дизельных двигателей. В 1958 году поступил в Челябинский политехнический институт на механический факультет, впоследствии факультет ДПА (двигателей, приборов, автоматов), который окончил в 1964 году по специальности «инженер-механик по летательным аппаратам».

Потом началась самостоятельная жизнь. Стоит заглянуть в мою трудовую книжку, подивиться есть чему. Где и кем я только ни работал – старшим инженером в котельно-топочном отделении теплотехнического института, младшим научным сотрудником в ЧПИ, преподавателем в ДОСААФ, где готовил операторов радиолокационных станций из призывников по заданию военного комиссариата.

Но вот моя техническая деятельность закончилась. Взяла верх увлеченность языком и словом. С 1967 года я редактор газеты «Политехнические кадры», редактор областного Дома художественной самодеятельности, литературный сотрудник газеты «Комсомолец», литературный сотрудник газеты «Челябинский металлург», выпускающий газеты «Вечерний Челябинск» и, наконец, сначала ассистент, а потом, в конце своей трудовой деятельности, профессор Челябинской государственной академии культуры и искусств.

А вот что не вошло в трудовую книжку: я писал сценарии для Студенческого театра эстрадных миниатюр (СТЭМ), будущего «Манекена», это название появилось после спектакля, для которого я написал «Марш манекенов».

С театром ездил на гастроли в Польшу, на Международный конкурс СТЭМов, в Москву, где мы стали лауреатами и сам Аркадий Райкин вручал мне грамоту.

Три года жизни связаны с Тбилиси – туда я постоянно навещался, переводя грузинских поэтов. В свое время, пока существовал СССР и единый Союз писателей, поэт Владимир Леонович меня «сосватал»: прислал подстрочники Ладо Сулаберидзе (кстати, сидевшего в одном бараке с А. Жигулиным), Чарквиани, Миминошвили. Познакомил нас, им понравились мои переводы, и они стали приглашать меня в Грузию. Я переводил грузинских классиков – А. Церетели, Г. Табидзе. Грузинский литературный критик Г. Маргвелашвили говорил: «Ты единственный из русских мужиков тонко понимаешь и чувствуешь грузинскую поэзию». До самого распада СССР мы общались, переписывались. Как я пережил распад? Для меня это трагедия. Ненавижу тех, кто с сарказмом произносит слова «советская власть», получив все от этой власти.

Что касается поэтического творчества, то писать стихи я начал в 19 лет и продолжаю до сих пор отдаваться этой пагубной страсти. Я, надо сказать, был влюблен в русскую классическую литературу. И до сих пор влюблен в нее. Особенно люблю Бунина, и как поэта, и как прозаика. Считаю его гением земли русской. Детство мое, конечно, прошло с книжкой в руках. Мои родители любили книги, собирали домашнюю библиотеку. Я хорошо помню такой факт: чтобы подписаться на собрания сочинений классиков – Бунина, Куприна, Гарина-Михайловского, работники СКБ-75 ночами стояли в очередях. Первая книга стихов у меня вышла в 1980 году. А в 1975 году подборка моих стихов была опубликована в журнале «Юность», под рубрикой «Дебют». И я сразу стал лауреатом очень престижной в то время премии журнала «Юность», у меня до сих пор хранится этот диплом лауреата, подписанный тогдашним главным редактором Борисом Полевым. Это признание было для меня очень важно. Я всегда исходил из того, что обо всем уже написано, начиная с античных времен. Главное в поэзии – как написано. Потому что ничего нового ты не изобретешь – сказано уже и о любви, и о ненависти, и о мщении, и о природе, но каждый художник по-своему все это видит. Настоящий поэт работает над словом. Пишет по несколько вариантов, сам выбирает из них, сам принимает окончательное решение. В творчестве мне никогда ничего не мешало: всегда говорил правду. В жизни – напротив, когда во главу всего поставлены деньги, а не совесть.

Сергей Борисов

Понять поэта

– **Сергей Константинович, а был ли у вас такой день, такой час, когда вы почувствовали себя поэтом?**

– В принципе был, очень давно. Это было какое-то мгновение. Я учился в тогдашнем ЧПИ и на одной из лекций по физике написал четыре строчки. Тогда не столько я сам почувствовал себя поэтом, сколько это почувствовали другие, мои друзья.

– **А как призвание?**

– Сам я почувствовал себя поэтом, когда вышла моя первая маленькая книжечка «Свет вечерний». Это 1980 год. Когда я увидел свои стихи напечатанными, то понял, что они имеют право на существование и я должен продолжать это.

– **Наверное, мне надо было начать разговор с этого четверостишия:**

Ровесник мой, свидетель праздный,
не подавайся в знатоки
моей неблагозвучной фразы,
моей неприбранной строки.

Нет, я не подаюсь в знатоки вашей поэзии. Мне известен только один из ваших сборников, это «Третья книга», изданный в 1993 году. Вы шли от себя к стихам, а я, с вашего позволения, пойду от стихов к вам. Начну с этих:

Жизнь тяготеет к доброму примеру.
А потому, не мудрствуя хитро,
и я свою оспаривал карьеру
за кульманом проектного бюро.

– Да, оспаривал в городе Миассе, на машзаводе, куда был направлен после окончания института. Там я сидел за кульманом и чертил различные детали.

– **Значит, юность вывела вас на технарский путь.**

– Раз уж я поступил в институт, то должен был его закончить. И поддержать семейную традицию – мой папа был инженером. В институте я и не думал, что когда-нибудь начну писать стихи. В школе я терпеть не мог

поэзию. Правда, я перечитал всю русскую классику, но прозаическую. Очевидно, во мне это как-то трансформировалось...

– **И долго вас держал кульман?**

– Нет, недолго, годик примерно, потом вернулся в ЧПИ. В институте я был одним из основателей студенческого театра «Манекен». Сценки писал... Когда он был еще театром миниатюр. Потому и пришел опять к Толе Морозову. А работал младшим научным сотрудником на кафедре теоретической механики.

– **Опять стихи:**

Ничто б моей планиды не смутило
и в беспорядок дни не привело,
когда бы не подкравшееся с тыла
унынье сердца, тяжкое зело.

– **Что же произошло? Откуда унынье?**

– Да в общем-то ничего не произошло. Просто я выразил какое-то свое состояние... Очевидно, это в моей природе – мир воспринимать с унынием. На творческих встречах я всегда объясняю, почему все-таки мои стихи не жизнерадостные, а печальные, а иногда и трагичные. Наверное, природа моей души такая. Если Пушкин воспринимал мир как гармонию, Лермонтов – как драму, Фет – как красоту, то я его воспринимаю как трагедию. Не сам мир, а свое существование в нем.

– **«Припадая к потоку на родной стороне»... Эту фразу я вырвал из ваших стихов, чтобы спросить: родная сторона – это что для вас? У меня такое ощущение, что ваша «Третья книга» могла быть написана где угодно – на Урале, на Алтае, на Камчатке...**

– Ну, родная сторона для меня – это русская сторона.

– **А в малом смысле?**

– Я родился в Харькове, и у меня нет ощущения малой родины, хотя я очень люблю Урал. Я, например, обожаю среднюю полосу России.

– **Но за пределы России вы не выходите?**

– Для меня родина – та земля, на которой обитает народ, говорящий на прекрасном русском языке. И, может быть, не соответствующий красоте этого языка. Почему он сейчас и погибает.

– А теперь перейду к другому. Вы знаете, мне жалко поэтов. Я их за то жалею, что они беспомощны в жизни, не приспособлены к ней.

– Я с вами согласен. Они не прагматики.

– «От века голоден и гол, я заповедан Музе». И это –

Беспощадно бремя быта,
бунтовать – себе дороже.
Им любовь моя убита,
да жалеть о том негоже.

– Да, для меня быт – какое-то наказание. У меня есть и такие строчки: быт – не обитель духа.

– **И он вам плохо дается?**

– Ну, я не скажу, что я подаяние прошу. Все-таки я работаю на должности профессора, с голоду не умираю.

– **Но у вас есть стихи и про «круг несытых домочадцев и бред житейских передраг»...**

– Были какие-то периоды в жизни – да, приходилось и на овощной базе работать.

– **Что уж точно – поэзия вас не кормила?**

– Она никогда никого не кормит.

– **И это вас не возмущает?**

– Это меня не возмущает. Это всегда было так.

– **С этим вы смирились?**

– Иногда я прихожу к такому выводу, что смирение и есть истинная свобода.

– **Сергей Константинович, вы сами сказали, что тональность ваших стихов минорная. Но иногда в них прорывается, что ли, желание смерти.**

– Не так желание, как предчувствие. Моменто мори. Мы должны помнить о том, что все мы смертны.

– **«Я гибну светло и устало». «Я гибну, от счастья пьянея»... Какой-то радостный полет к концу... Усталость от жизни?**

– Я бы не сказал, что устал от жизни. Да, усталость от непонимания. Устаешь колотиться словом в душу человеческую. Но в принципе я не совсем уж потерянный пессимист.

– **Я, Сергей Константинович, почти уверен, что Пушкин, уже задолго до смерти, не хотел жить. «И смерти мысль мила душе моей». В сущности, жить на этом свете невыносимо. Но мы живем. Потому что у нас кожа толстая. А у поэтов, я думаю, кожа тонкая, если она есть.**

– Да, наверное.

– **Но никто об этом не догадывается. И потому поэты кажутся странными, не от мира сего.**

– Люди об этом не думают. У них слишком много повседневных забот. Поэзия – это ж всегда попытка уйти куда-то туда, за пределы земного срока, а люди живут в этом земном сроке и хотят его как-то комфортно оборудовать.

– **А что для вас эта жизнь, которая вокруг? Трогает, волнует?**

– Конечно.

– **Но у вас нет злобы дня.**

– Злобы дня нет. И я не знаю, должна ли она в поэзии присутствовать, эта злоба дня. Конкретности у меня нет. Но есть некое обобщение этих злоб дня.

– **А политика? Я думаю, вы коммунистом не были.**

– Не был. Я даже комсомольцем не был. Искусство всегда оппозиционно к власти.

– **Вы были в оппозиции к советской власти?**

– Я и сейчас в оппозиции.

– **А что, в советские годы вас наглухо закрывали?**

– Как наглухо? В сорок лет я издал тоненькую книжечку. Тогда мои стихи не воспринимались. Как-то был литературный вечер в ДК железнодорожников, я там читал стихи, и меня убрали со сцены. Отключили микрофон. А после меня вышел Михаил Львов и сказал: тут вам молодой человек что-то про смерть читал, так вы ему не верьте. С такой, сказал, философией мы далеко не уедем, коммунизм не построим.

– **Сергей Константинович, вам необходимо, чтобы понимали?**

– Это, мне кажется, необходимо каждому человеку, который пишет.

– **И вам нужен читатель?**

– Безусловно. А как же без читателя? Другое дело, какой читатель. Настоящий читатель должен стоять вровень с автором. Если читатель уровнем ниже автора, то он его не поймет. Я и сам рос как читатель. От Павла Васильева, например, к Мандельштаму. От простого к сложному.

– **«Забвеньем не брезгуй». Это сказали вы. Я понял так, что не брезгуй тем, что тебя забыли.**

– Конечно. Не надо страдать по поводу того, что тебя забудут. Не надо брезговать этим.

– **«Ибо темен для народа поэтический язык». Но мало того. Вы просто уничтожаете читателя.**

– Иногда надо.

– **Цитирую:**

Тебе чужда печаль в охоту
и непонятен мой язык.
Соизмерять звезду и йоту
ты, суесловья, не привык.
Торопишь век, но сердцем
дремлешь,
для угрызений не вредим.
И только то за дар приемлешь,
что льстит желаниям твоим.
Твой праздный мозг,
литой и гладкий,
в благословенном из миров,
увы, навек лишен загадки
и унизительно здоров.

– Это, конечно, не по поводу всех читателей, а только тех, у кого мозг литой и гладкий.

– **А что, поэт не обязан объяснять свою поэзию? Не заинтересован в этом?**

– Тут есть одна проблема. У нас умерла литературоведческая критика. У нас нет Белинских. Критики-то и должны объяснять людям поэзию.

– **Еще одно четверостишие:**

А я и малостью доволен,
тем заревым огнем души,
что я унять уже не волен,
а ты не в силах потушить.

Подтекст такой: раз уж так, я буду сам по себе, а ты, читатель, сам по себе. Та же обида, да?

– Есть, конечно, обида. И не только, кстати, у меня. Нота обиды на непонимание сильно звучит и у Пушкина, и у Маяковского, и у других.

– **Сергей Константинович, когда я прочитал вашу книгу, то подумал, что у вас ничего, кроме поэзии, нет. Так оно? Только море поэзии вокруг?**

– Сейчас вот пытаюсь выйти из этого моря на берег.

– **Куда и почему?**

– С возрастом, видимо, меняется мироощущение, миропонимание. Конечно, в свое время я ударился в метафоричность... А сейчас пытаюсь перейти на язык жизни, реалий. Сейчас, уже два года, пишу книгу четверостиший. (Людам некогда читать крупные вещи.) Не знаю, будет ли она издана, это меня мало волнует. И в этой книге хочу говорить каким-то реальным языком.

– **Сергей Константинович, а что поэт Сергей Борисов думает о своем будущем?**

– О будущем... У меня где-то были такие строчки: в одно лишь уверуй мгновенье, в мгновенье, которым живешь. А будущее... В Екатеринбурге лежит оригинал-макет моего избранного. Второй год. Нет денег. В эту антологию уральской поэзии из нашей области попали два поэта – Година и я. Година успел проскочить, а моя книга застряла. Но я надеюсь, что она все-таки будет издана. Готовлю подборку стихов для журнала «Уральская новь».

– **А работаете в институте культуры.**

– Да, преподаю сценарное мастерство.

– **Что ж, желаю вам новых стихов и книг, спасибо.**

Михаил Фонов

*Понять поэта : [беседа с челяб. поэтом
Сергеем Борисовым] / записал Михаил Фонов //
Челяб. рабочий. 2002. 15 марта. С. 7.*

Во дни сомнений

Утром позвонил Сергей Борисов, сказал: «Записывай» – и продиктовал:

Бессмертный язык избирает среди смертных
Того, в ком живая душа не пуста,
И свод откровений, созвучных и мерных,
Невольнику слова влагает в уста.

Это как раз то, что было бы кстати для завершения нашего разговора.

Можно жить в одном городе, но не видеться десятилетиями. Вот так у нас с поэтом Сергеем Борисовым. Жизни прошли параллельно, практически не пересекаясь.

Выяснилось, например, что даже самое начало совпало. И Сережу, и меня летом сорок первого успели вывезти из горящего Харькова и под бомбами довели до Челябинска. Возможно, даже в одном эшелоне. Теперь уже не уточнить.

Оба мы в одни и те же годы учились в хороших челябинских школах. Не «элитных» – в послевоенные годы такого понятия не было, а просто – лучших. Он в сорок восьмой мужской, что на ЧТЗ, я – в сороковой женской, рядом с бараками «Челябстрой».

Даже общие знакомые у нас в юности были, например, светлой памяти Юра Сероглазов, прекрасный дизайнер, стоявший у начала «Бани» и «Манекена»...

Имя Сережи Борисова я и услышала впервые в связи со знаменитой стенгазетой политехнического института «Баня», на которую мы бегали смотреть, поскольку небывало смело и невероятно остроумно она делалась. А дальше СТЭМ – студенческий театр эстрадных миниатюр и – «Манекен».

Выпускник знаменитого (говорили, что туда собирали самых талантливых математиков и физиков) факультета «Двигатели, приборы, аппараты», Сергей Борисов, поработав год в конструкторском бюро В. Макеева, вернувшись в Челябинск, сменил стезю. Работал в газетах, в книжном издательстве. В результате он профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской академии культуры и искусств.

Но главным делом его жизни стала поэзия.

– Меня на встречах читатели об этом же спрашивают. Наверное, я родился таким. Пушкин ощущал мир как гармонию, а Лермонтов как драму. Я не воспринимаю мир как трагедию, но свое существование в нем вижу трагичным. Тем более и время сейчас такое, на мой взгляд, когда происходит совершенно чудовищная переоценка ценностей...

– **А для тебя то, что сейчас подвергается переоценке, было ценностями?**

– Да. Я имею в виду общечеловеческие. Мне кажется, в нашей благословенной державе – близко к этому. Сострадание к ближнему, например, если сохранилось, то в каких-то локальных рамках: семьи, друзей... Способность стыдиться своих неблагоприятных поступков... Мы потеряли такое понятие, как целомудренность... А ведь это великая общечеловеческая ценность. Такое понятие, как благоговение перед прекрасным, тоже уходит, почти ушло...

– **А может быть, тебе все это кажется?**

– Может, и кажется. Категорично я это не утверждаю, но у меня такое ощущение. И ничего я с собой поделаться не могу.

– **Ты вообще по натуре борец?**

– Думаю, что нет. Хотя смотря с чем бороться.

– **Твоя задача – не участвовать в мерзостях?**

– Да, я стараюсь по мере своих сил. Я, может быть, борец, но – не боец. Я, например, борец за чистоту нашего языка. А в житейском плане, пробиваться куда-нибудь – я не боец.

– **А что ты имеешь в виду, говоря о борьбе за чистоту языка?**

– Для меня самая великая ценность – русский язык. Я не патриот в нынешнем затрепанном понимании этого слова. Но в отношении русского языка я патриот. А с языком происходят совершенно чудовищные вещи. На протяжении столетия он претерпел два жутких над ним насилия: советский новояз и нынешний криминальный натиск, когда язык зоны, в частности брань, становится языком населения, общения между людьми. Словарь, особенно у пишущего человека, должен быть очень богатым. Он должен владеть им во всех измерениях – и во временных, и в пространственных – обязательно. Дело в другом: когда эти слова применяются на бытовом уровне, они лишены смысла. Когда без этого слова нельзя обойтись, оно полноправно, как любое другое слово, и в соответствующем кон-

тексте обретает смысл. Но сейчас эти слова используются мимоходом – для смычки, связи слов в предложении.

– **Мы на телеэкране видим, как мучаются и становятся просто косноязычными многие наши политики, поставленные в условия, когда они лишены возможности пользоваться матом. Тот же Черномырдин...**

– Или – Борис Николаевич. Они без этой лексики не могут ясно выразить мысль.

– **А что ты, профессор, поэт, можешь сделать для спасения языка?**

– Помнишь, у Тургенева? Цитата, которую мы заучивали наизусть в школе: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!».

– **Мы действительно получили в наследство один из лучших, если не лучший язык мира. Он нуждается в спасении. На что уповать будем?**

– Я все-таки уповаю на то здоровое начало в обществе, которое, мне кажется, все же должно дать какие-то плоды.

– **А в ком ты видишь это здоровое начало? Вот твои студенты, они какие?**

– Они – разные. И народ у нас разный. Это и хорошо. Должны же отделяться зерна от плевел.

– **Но во все времена люди были разными.**

– Помнишь формулу Маркса: «Бытие определяет сознание»? Она не верна. Сознание должно определять бытие.

– **Согласна с тобой, а не с основоположником. Моих ровесниц, одноклассниц, выросших в страшных бараках «Челябстроя», сделала хорошо образованными и воспитанными людьми школа, где учили хорошие учителя. И были книги, к чтению и обдумыванию которых приучили все те же учителя – обездоленные войной женщины, живущие на копейки. Библиотеки были урезаны, в них не было Достоевского, Бунина, Есенина, Бабеля, современной тому времени зарубежной литературы, многое было под запретом. Но и того, что оставалось, хватало, чтобы стать нормальными людьми.**

– И атмосфера была пропитана жаждой духовности. И когда в оттепель появились те, кого раньше не издавали, мы были готовы к их восприятию. Пушкин спасал всех. Мой отец и его друзья, технари-производители с ЧТЗ, были страшными книголюбями, они позднее, когда книги стали дефицитом, выстаивали ночи в очередях на подписные издания.

– **Но сейчас-то можно свободно купить то, о чем раньше и мечтать не приходилось.**

– Были бы деньги, а их у тех, для кого книга – необходимость, как правило, нет. А те, у кого они есть, чаще всего не испытывают желания читать, там свои приоритеты. Самое яркое подтверждение тому – игра «Что? Где? Когда?». Когда она начиналась, призами были книги, мы завидовали «знатокам», выигрывавшим те издания, о которых мечтали. Сейчас на кону большие деньги.

– **Ну изменились реалии, с этим смиряться при любых переменах трудно, поскольку те самые зерна от плевел порой просто еще невозможно отличить. Так как же быть, профессор? Что скажешь, поэт?**

– Не знаю. Наверное, все же пытаться сохранить в себе верность общечеловеческим ценностям, следовать им. И пытаться распространять их влияние на тех, кто рядом. Тогда постепенно в обществе будет утверждаться достойное сознание, которое со временем изменит и наше бытие.

И под занавес нашего разговора еще одно четверостишие Сергея Борисова:

Извольте, сограждане, оберечь
Русское слово, как группу крови,
Прямая кишка – не прямая речь.
И вправе поведано, и не внове.

Поскольку дни «сомнений... тягостных раздумий о судьбах родины» тянутся в России который уж век подряд и конца им не предвидится, путь, который выбрал для себя Сергей Борисов, мне кажется очень достойным. И плодотворным.

Ирина Моргулес

*Во дни сомнений : [интервью с С. Борисовым] /
беседовала И. Моргулес //
Южноуральская панорама. 2003. 23 авг. С. 4.*

О простодушном книгочее и о несбывшемся слове (грустные размышления на посконный лад)

Блуждает сочинитель из угла в конец времени и пространства, сердце его томится, в мозгу всяческие мысли петли вьют да узлы вяжут. Зажал он, болезный, карандаш в рuceх своя, остановил бледный взор на листе бумаги и молит беззвучно небо о даровании ему слова, столь необходимого, сколь и единственного. Вот они – муки творчества, кои превыше мук крестных!

Только есть тут своя закавыка: один пишет, поскольку страстно ему того желается, лестно именитым слыть, свою пайку от блага вкушать и плоть свою в неге да в холе лелеять, а другой – в бесправии, в нищете мыкается, прорехами светится, от божьего дара отрещивается, все и вся проклинаят – ан нет, не может от себя уйти, выше его сил все эти перья и черновики в поганую корзину кинуть, а может, и смерти подобно. Так-то вот!

Итак, гениев и явную бездарность – по боку! А взглядемся лучше в неброские черты честного и талантливое сочинителя, явно не баловня судьбы, поскольку и быт у него через пень-колоду, и штиблеты прохудились. Одно слово – пасынок. Однако он через бесовские козни прошел, через косный чертополох продрался, от суетных соблазнов утек и таки жив остался. Да к тому же себе на уме и с парой тощих книжонок, едва не кровью писанных. Стоит – горемыка – у издательских красных ворот, а его в сей храм не пускают. И не то чтобы не пускают, а так приторно ему в уши вякают: дескать, тряси мошну да гони деньгу – будет тебе, чадо, нечаянный интерес. А у него-то уши золотом не завешаны, да и мошны отродясь не бывало. Стоит – побелевший, кручина ему сердце жмет. А вокруг мир польку-бабочку пляшет. Вот только у бабочки той крылышки посеклись да пыльца осыпалась.

Силится наш литератор спросить: «За что такая немилость?» А ему в ответ счеты костяшками бряцают да в новомодных машинках циферки скачут, прытко так да все в рост, ажно оторопь берет. А тут вальжный таковой господин в лимузин зад усаживает, вежливо, будто и не свой. «Кто бы это такой?» – пыжится писатель, а взять в толк не может. А ему в подсказку: «Это, милый, спонсор называется, благодетель – по-нашему». – «А что, казна у него небось велика?» – «Ой, велика. На этакую казну он тебя и в

коленкоре в свет пустить может». – «Ой, ли? – сомневается писатель, а са-мого так и подначивает – Эх, кабы пустил...» Глядь, а лимузина уж и след простыл. И вальяжного господина – как языком слизали. Да и что ему тут делать, право? Или он писателей никогда не видал?

И то верно! Провались они все, эти писатели. Сами не живут и дру-гим жить мешают. К станку их всех али в забой! – как один всенародный депутат во праведном гневе вскричать изволил. Что ж, оно, может, и так. Время такое. Вот телесную нужду справим, тогда и за духовную возьмем-ся. Всему своя чередка. Опять же и издателя пожалеть надобно. Что ж ему, любезному, на паперть идти, когда на живом земляке, коего бог сподобил стишки кропать либо повестушки строчить, капитала не собьешь? Дорого-визна-то как прихватила – страсть! При таком раскладе богатство хорошо в кармане, а не в душе. А тут незадача! Сколь по карману нашего брата ни хлопай – и пятак не звякнет, сколь за пазухой ни щупай – и рубль не заше-лестит. Только не христарадничать писатель в мир пришел, не подаяния кланчить, не на жалость бить...

А пришел он, бедовый да окаянный, не то чтоб с оказией вышней, а, как в поле бурьян, сам собой возрос. А ему жизнь и палец к устам: молчи, мол! песня твоя шибко дорога нынче, петух тоже горласт, так он задарма поет, с него и спроса нет... И невдомек смертным, что через него, щелкопе-ра этого, они, что молчат да собственными слезами давятся, свое первород-ство человечье почуют и естество в плодоносный побег пустят. А не то – задохнуться им от угрюмства, и будут они, аки звери, одним желудком ур-чать, злобу в пасти копить да блох в шерсти выкусывать...

Так и аз грешный пришел душу свою людям отдать. Вот – коли нуж-на она вам – возьмите! А коли не нужна – не обессудьте – был как не был и хлопот боле не доставлю. А ежели все же нужна окажется? А душа – она в слове. А где слово? А нет его!.. Втуне канула...

Сергей Борисов

*Общее дело. 1992. Июль–авг. (№ 4). С. 15.
(Лику творчества)*

Приходят строчки, не спрашивая позволения

Сергей Борисов – талантливый челябинский поэт, переводчик – по единодушному решению жюри стал лауреатом Первой Южно-Уральской литературной премии, учрежденной движением «За возрождение Урала».

– Сергей Константинович, расскажите, как ваша семья оказалась в Челябинске?

– Мне было ровно восемь месяцев, когда началась война. Мой отец, Константин Федорович Борисов, был инженером-конструктором, специалистом по танковым двигателям. Он окончил Харьковский технологический институт, потом работал на Харьковском дизельном заводе. Кстати, мой отец учился в одной группе с дважды Героем Труда Иваном Траштутиным, чей бюст установлен на Комсомольской площади. Их отдел в полном составе эвакуировали в Челябинск. На ЧТЗ отец работал в СКБ-75, это конструкторское бюро занималось разработкой и выпуском танков Т-34. Как и другие сотрудники СКБ-75, он написал заявление с просьбой отправить его на фронт добровольцем (папино заявление я сам видел в музее ЧТЗ). После этого его вызвал начальник 1-го отдела и сказал: «Тебя, Костя, убьют в первом же бою. А кто танки Т-34 будет делать?» В итоге все СКБ-75 попало под «бронь».

В Челябинске мы сначала жили на подселении, то есть одну комнату, перегороденную простынями, занимали две семьи. Потом отцу завод дал комнату во втором интернате, там было что-то вроде общежития. И там мы жили, пока я учился в школе с первого по седьмой класс. А затем семья получила однокомнатную квартиру на улице Горького. В этой квартире прожили довольно долго: там я и школу окончил, и институт.

– В школе как-то начали проявляться ваши литературные способности?

– Семь классов я заканчивал в школе № 48. Потом ввели совместное обучение, объединили мальчиков и девочек, и в старших классах я учился уже в школе № 18. Я никогда не забуду свою учительницу по русскому языку и литературе в 18-й школе – это Ольга Николаевна Смага. Может, с ее легкой руки я и пошел в литературу. Она меня всегда хвалила, за сочинения у меня были только пятерки.

– **Когда после школы выбирали профессию, наверное, главную роль сыграл пример вашего отца – инженера-конструктора?**

– Да, конечно. Решил, раз папа инженер, то и я буду инженером. Окончил Челябинский политехнический институт в 1964 году, факультет ДПА. Специальность – инженер-механик по летательным аппаратам. По направлению попал в Миасс, в КБ Макеева, положенные два года отработал и вернулся в Челябинск.

– **А когда будущий инженер Сергей Борисов начал заниматься литературным творчеством?**

– В свое время я был одним из основателей студенческого Театра эстрадных миниатюр ЧПИ. Руководителем и главным режиссером СТЭМа был Анатолий Морозов, старший брат Бориса Морозова, который тогда был актером. Наш СТЭМ в 1965 году участвовал в первом Всесоюзном фестивале студенческих театров эстрадных миниатюр. Я не играл на сцене, я был автором, писал миниатюры. И мне сам Аркадий Райкин вручил диплом лауреата первого Всесоюзного фестиваля студенческих театров.

– **Что вас привлекло в студенческий театр?**

– Я всегда чувствовал сильный внутренний позыв к творчеству. Наш театр потом стал называться «Манекен». И сегодня он под этим именем известен всей стране. Могу рассказать, откуда взялось это название. Я для СТЭМа написал «Марш манекенов» – такую миниатюру, где по сюжету актеры изображали манекенов. От этой миниатюры и родилось название для театра.

– **А стихи в студенческие годы уже начали писать?**

– Стихи я начал писать на втором курсе, мне было 19 лет. Я, надо сказать, был влюблен в русскую классическую литературу. И до сих пор влюблен в нее. Особенно люблю Бунина, и как поэта, и как прозаика. Считаю его гением земли русской. Детство мое, конечно, прошло с книжкой в руках. Мои родители любили книги, собирали домашнюю библиотеку. Я хорошо помню такой факт: чтобы подписаться на собрания сочинений классиков – Бунина, Куприна, Гарина-Михайловского, работники СКБ-75 ночами стояли в очередях.

– **Получилось, что у вас сложилось параллельное существование: с одной стороны – работа инженера, с другой – стихи?**

– В какой-то момент, да. Но, когда мне было уже около сорока лет, я пришел работать в Челябинский институт культуры, на кафедру режиссуры театрализованных представлений; там я преподавал почти 30 лет. Первая книга стихов у меня вышла в 1980 году. А в 1975 году подборка моих стихов была опубликована в журнале «Юность», под рубрикой «Дебют». И я сразу стал лауреатом очень престижной в то время премии журнала «Юность»; у меня до сих пор хранится этот диплом лауреата, подписанный тогдашним главным редактором Борисом Полевым. Это признание было для меня очень важно.

– Как вы себя ощущали в роли преподавателя?

– Достаточно органично. На мой взгляд, преподаватель должен не только обучать студентов, но говорить с ними о том, что происходит вокруг, как на это нужно реагировать... Я со студентами говорил на разные темы, задавал такие вопросы, на которые им трудно было ответить. Я, например, их спрашивал: из каких слагаемых состоит человеческая личность? Следовало долгое молчание. Потом я начинал объяснять, что есть четыре слагаемых: плоть, душа, то есть чувственная область, разум и дух. Если первые три момента они как-то воспринимали, то что такое дух – не понимали. Я им объяснял, что дух – это внутренняя сила, благодаря которой человек противостоит тому, что ему чуждо, и утверждает то, что ему близко.

– Как случилось, что вы стали переводить грузинских поэтов?

– Одно время мы очень тесно общались с известным российским переводчиком и поэтом Владимиром Леоновичем. Он и предложил мне заняться переводами. Познакомил меня с грузинскими поэтами Ладо Сулаберидзе, Джансугом Чарквиани, Романом Миминошвили, Хута Гагуа – это изумительные, талантливые люди. Они прочитали мои стихи и захотели со мной сотрудничать. Почти все мои переводы публиковались в журнале «Литературная Грузия», еще в советские годы издавались отдельными книгами и в Тбилиси, и в Москве. Перевод – это тонкая вещь. В таких переводах важно, чтобы в результате получался не подстрочник, а настоящее русское стихотворение во всех смыслах этого слова. Перевод не должен быть пересказом содержания оригинала... Как сказал Борис Пастернак, переводчик обязан быть поэтом, а поэт не обязан быть переводчиком.

– Наверное, это тайна каждого поэта, но все равно я спрошу: как появляются стихи? Например, одни поэты говорят, что пишут ночью, другие – что в дороге к ним муза приходит...

– Сложно ответить... Где-то внутри зарождается настроение, а потом приходят строчки, не спрашивая позволения. Это может случиться и ночью, и днем, и в дороге, и в общественном транспорте, и дома... Творческий процесс идет всегда, подсознание работает, потом возникает некий творческий результат. Сразу весь стих не пишется, сначала одна строчка возникает, а потом уже к ней идут дополнения...

– Во вступлении к вашей книге «Отчуждение, или Четыре книги о главном», отмеченной Южно-Уральской литературной премией, можно прочитать такие слова: «лишь один главенствующий знак есть в оценке авторского слова – не о чем написано, но как». Можете подробнее эту мысль пояснить?

– Я всегда исхожу из того, что обо всем уже написано, начиная с античных времен. Главное в поэзии – как написано. Потому что ничего нового ты не изобретешь – сказано уже и о любви, и о ненависти, и о мщении, и о природе, но каждый художник по-своему все это видит. Настоящий поэт работает над словом. Пишет по несколько вариантов, сам выбирает из них, сам принимает окончательное решение.

Инна Панкова

*Приходят строчки, не спрашивая позволения /
беседовала И. Панкова //*

*Южно-Уральская литературная премия:
официальный сайт. URL: <http://ansya.ru>, 18.01.2013.*

**«Зижди, баловень вдохновенья,
храм на выбоине пустой...»**

– **Как получилось, что вы стали писать стихи?**

– Поэзия – таинство, которое невозможно объяснить рациональными средствами. Это до поры до времени дремало, а потом неожиданно проснулось на лекции по физике, на втором курсе в ЧПИ. Я был молод, влюблялся в наших девушек-студенток. То ли лекция была скучная, то ли что. Внезапно такие строчки:

Не смотри печально. Я не верю.
Ни тебе, ни юности твоей.
Не проснуться чувственному зверю
От твоих изломанных бровей.

– **Стихи пишут многие, но потом перестают этим заниматься. Как возникло ощущение, что хочется и дальше заниматься, писать и писать. Обычно человек трепетно относится к первым опытам любого творчества. Примут ли его окружающие? Многие натываются на смешки, непонимание, кривые усмешки...**

– Есть такой грех, в молодости многие пишут стихи. Не знаю. Не скажу, что мне хочется писать. Иногда на эту бумагу смотришь с ненавистью. Это каторга чувств, как сказал Владимир Владимирович в свое время. Она понуждает. Хочешь, не хочешь, а какая-то высшая сила заставляет тебя и все. Я, как правило, пишу стихи в общественном транспорте...

– **Это интересно, а какой предпочитаете?**

– Автобус, естественно. Еду на работу... Может быть первая строка возникает, может быть четвертая, вторая, третья. Не суть важно. Если строка родилась, то она требует воплощения в какую-то форму. Не дай бог заниматься стихотворчеством. Это страшное дело, мучение. Но раз так то ли небо, то ли бог постановил, то приходится.

– **Я благодарен Богу, что он выбрал вас и вдохнул вдохновение, потому что те книги, которые я смог прочитать: «Третья книга», «Капли с пера», «Безымянное время»... то, что мне подалось... меня, как читателя, который равнодушен к этому виду творчества и отно-**

сится к нему с пиететом, с уважением, который может оценить какие-то оттенки, сразу поразил уровень. Вы владеете языком настолько глубоко и серьезно и настолько хорошо к нему относитесь, что сразу возникает мысль, что это неспроста. Вы очень серьезно относитесь к тому, что делаете.

– Что касается языка. А что касается старого славянофильского мифа о народе-богоносце, не знаю: народ – как народ русский, со своими пороками, со своими добродетелями. Я не сторонник того, чтобы выделять его из ряда вон. Но что касается русского языка, я его буквально боготворю. Это величайший язык, это великий мировой язык.

А что касается слова, то следующее стихотворение и будет ответом на ваш вопрос.

Слава таинству и заклатью!
Слово, явленное в тиши,
опрокинулось благодатью
на взалкавшую степь души.

Снизошло как благоволение,
пало влагой на сухостой.
Зижди, баловень вдохновенья,
храм на выбоине пустой!

Обнадеживай эту птичью
жажду воли и естества,
чтоб дивился его величию
мир без племени и родства.

И, когда в закоулок сердца
хлынут гласные напролом,
ниц ударятся страстотерпцы
богу бедности бить челом.

И запальчиво, не по сану,
ибо плавится в горле ком.
Небесам пропоют осанну
богохульным твоим стихом.

– Я обратил внимание, что вы очень легко и изящно используете архаизмы. У вас они выглядят совершенно естественно, не отторгают. Можно словарей начитаться и пытаться втиснуть в плоть стиха иностранное или архаичное слово. Откуда у вас это? Может быть, это преемственность?

– Дело в том, что я, благодаря своему отцу, до пятнадцати лет прочитал всю русскую классику. Это очевидно помогло. Для меня нет вопроса о языковом архаизме, потому что язык – он живой во времени и в пространстве. Язык имеет множество пластов. Если мы будем пользоваться только одним слоем языка, тем самым мы обедняем наш словарь. Хочу вспомнить слова Иосифа Бродского: «Не литература должна говорить на языке народа, а народ должен говорить на языке литературы».

По поводу архаизма и архаизмов:

И плачущая чад возлюбленных Рахиль...
Но проклятый предел пуглив и безответен.
Тоскует солончак. Немотствует ковыль.
И зябнут от груди отторгнутые дети.

Загорбок тяготит наследная сума.
И мается в миру обманутый Иаков.
И нет у бытия для сердца и ума
ни праведных имен, ни путеводных знаков.

Один крошечный крик из глоток и глазниц.
И клятая равно и дервишем, и князем
окалина пера архангелов и птиц,
низвергнутых творцом обезумевшим наземь.

Одна, куда ни глянь, мерцающая пыль
забытых базилик и брошенных фортеций.
И плачущая чад погубленных Рахиль...
И падаху во смерть скоты и человецы...

– Обычно считается, что поэты свои стихи читать не умеют. В отношении вас это совершеннейшая клевета. Мы сейчас прокрутим время назад и вспомним эпизод из вашей жизни. Я знаю, что вы были

одним из основателей и вдохновителей – духовным и текстовым – театра «Манкен». Я приготовил маленький сюрприз. Вы сразу узнаете своего старого друга-знакомого.

«Жизнь поэта неотделима от жизни студентов того времени. Были всякие случаи, розыгрыши. Например, сидим на занятиях по военной подготовке, подполковник читает нам лекцию и там такой термин “ЗИП”. Сережа отвлекся, чем-то занимался, то ли в крестики-нолики играл, то ли еще во что-то. Подполковник спрашивает: “Студент Борисов! Что такое “ЗИП”?”. Сергей встает, ни секунды не задумываясь выпаливает: “Завод имени Пугачева”. При чем здесь завод, причем имени Пугачева? Оказалось: запасные инструменты и приспособления. Такие тона, шуточки скрашивали наши суровые студенческие будни».

– «Манкен» тоже славился своими розыгрышами... Что-нибудь припоминаете?

– На одном из КВНов команда соперников задала вопрос: «Из какого металла сделаны наконечники наших перьевых ручек?» Один из участников говорит: «Перья наших ручек сделаны из титана». Начался спор, что это неправильно. Он встал и сказал, а мы – такими пишем.

«Помню, приезжаем в Москву. Там тоже какие-то развлечения устраивали себе провинциалы. Самое блестящее это: Юра Лучко стоял возле Исторического музея и говорил такой профессиональной скороговоркой: “Пишу портреты маслом на фоне исторического музея. Пишу портреты маслом на фоне Исторического музея”. Одна женщина подходит и спрашивает: “А сколько на фоне мавзолея?” – “Триста пятьдесят! Пишу портреты маслом!” Не менее интересные приключения были в ГУМе, например. Трое или четверо молодых обалдуев ходили по торговым рядам и спрашивали у молодых продавщиц: “Девушка, а у вас есть чехлы для маршальских жезлов?” Девушки совершенно не смущаясь говорили: “Вы знаете, кончились. Поищите на третьем этаже”. Дальше следовал гомерический хохот наших юных обалдуев».

– Как-то в частной беседе вы вспоминали марш фронтовых подруг. Напоете?

– Здесь очень занятная предыстория. Мы служили один месяц на воинских сборах после окончания института. Это было Подмосковье. Жили в казармах. И полковник Погоржельский, высокий, двухметровый, очень по-

хож на гусара, дал команду, чтобы без песни из казармы в столовую и обратно не ходили. Так как среди нас был в солдатской форме Сергей Константинович Борисов, он как-то вечерком сел и написал этот «Марш фронтовых подруг».

Когда свистели пули у застав
И ночь играла смертью где-то рядом,
Я шла, шинелью бедра обмотав,
Даря любовь отряду за отрядом.

А где-то там коптил чужой Берлин
И реки под снарядами вскипали,
И на моей груди под грохот мин,
Закрыв глаза, солдаты засыпали.

А утром шла траншеями уже
Моим теплом согретая пехота,
А я курила в теплом блиндаже
И мне в атаку было неохота.

Ждала живых со скрипом портупей,
Дичая до второго эшелона,
Скучая средь обугленных степей
По блеску офицерского погона.

Он приходил брюнет или блондин
В ремнях, с вином и сладкою резиной.
Дышал в лицо и рвался дермантин
Штабных, покрытых пылью лимузинов.

А утром снова бой и я одна,
Лишь сердца стук взволнованней и чаще.
Да помнят губы горечь от вина,
Да пыль дороги в лица уходящих.

Эта песня незатейливая, но под нее было очень хорошо печатать шаг и проходить не очень большое расстояние от нашей казармы до столовой и обратно. Был январь месяц, мела метель. И как бы холодно ни было, мы

почему-то с удовольствием эту песню пели. Главное было в том, что такой больше ни у одного из отрядов не было. В конце наших сборов Погоржельский, высокий, всегда хмурый, с усами, очень похож на гусара, сказал, несколько смущаясь: «Ребята, спишите слова»».

– **Это был Валерий Иванович Ваганов, тоже писатель. Совершенно замечательный творческий человек. Вы вместе с ним учились в ЧПИ. Его воспоминания воскрешают то замечательное время. Я думаю, что в те времена поэзия такого строя, такой фразеологии не сильно приветствовалась.**

– Естественно. Я помню, когда мы выступали во Дворце культуры железнодорожников, был какой-то поэтический вечер. А тогда еще был жив наш уральский поэт Михаил Львов. И когда я читал несколько пессимистические строчки о смерти, он мне сказал: «Молодой человек, вы больше на эту сцену не выйдете. Вы что это стихи о смерти пишете?» А я ему сказал за кулисами: «Memento more».

– **Не согласился с вами наш орденосец?**

– Нет.

– **Правильно. Тогда официальная поэзия была востребована. Что там объяснять. Все мы в это время жили. Каково было писать и в то же время ощущать, что опубликовано это не будет?**

– Я же говорил, что это воля свыше. И как-то не особенно волновало: будет опубликовано, не будет. Надо было самовыразиться каким-то образом. У меня сейчас избранное лежит в Екатеринбурге. Выйдет, не выйдет эта книга. Я уже привык к этому.

– **А сколько книг опубликовано?**

– Пять. «Свет вечерний», «Третья книга», «Капли с пера», «Безымянное время» и пятая «Палые листья». У меня, к сожалению, не осталось ни одного экземпляра ни первой, ни пятой.

– **Это как раз свидетельствует о том, что книги нашли своего читателя.**

– Думаю, что поэзия она востребована. Я выступал в Магнитогорске перед студентами университета, лекционная аудитория была набита битком. И все слушали. Конечно, люди тоскуют о поэзии.

– **В нашей жизни не так уж много поэтического. Из-за этого у нас часто от поэзии возникает ощущение чего-то печального, трагическо-**

го. Я держу в руках сборник «Третья книга» (Челябинск, 1993 год).
В книге меня тронули строки:

В России страшно быть поэтом,
когда твое живое слово
вдруг явит правду без покрова
и озарится вышним светом.

В России горько быть поэтом.
Скорей лжеца, а не пророка
казна избавит от оброка,
но так не возопит об этом.

В России стыдно быть поэтом.
Сильна обманчивая слава.
И неподспудны долг и право,
одним окрашенные цветом.

Кому нужда в стихе отпетом!
Погоревали – и довольно.
Не все простительно, что больно.
В России скучно быть поэтом.

Это самоопределение, определение поэтической судьбы концептуально. Люди любят своих поэтов, но порой незаслуженно забывают.

Как с этим бороться?

– Очевидно, нужно мириться с этим, потому что смирение и есть высшая свобода. А что касается судьбы поэтов в России, да и не только в России, в любой стране, если мы вспомним судьбы Шарля Бодлера и Поля Верлена во Франции. А российские поэты действительно проклятые. И Есенин, и Блок, и Борис Корнилов.

– **Причем именно у поэтов. У прозаиков судьба помягче.**

– Поэзия – это концентрированное выражение чувства и мысли. Власти больше побаиваются поэтов, потому что настоящая поэзия всегда аскетична и абсолютна и бьет наотмашь.

– **Еще один аспект вашей биографии. Книга «Безымянное время», изданная в 1993 году, состоит из двух частей. Первая часть – ва-**

ши стихи, а вторая – переводы из грузинской поэзии. Как вы стали переводить с грузинского и как происходит процесс перевода?

– Это случайно. Дело в том, что мой хороший товарищ, московский поэт Владимир Леонович переводил грузин. Давно. Однажды к нему поступил заказ от тбилисского издательства «Мерани», и у него не хватало времени все быстро перевести, и он часть подстрочников выслал мне в Челябинск. Вот отсюда все и началось. А вообще-то вышло восемь книг в Москве и Тбилиси с моими переводами. Начиная от классиков Акакия Церетелли и заканчивая современными грузинскими поэтами. Я входил в пятерку лучших переводчиков грузинской поэзии на русский язык. Это без ложной скромности.

– **Я думаю, что грузины вам благодарны. Сегодня нас судьба разнесла не только по разные стороны, но и по разные стороны политических платформ.**

– Поэзия ни в чем не виновата.

– **Обидно. Раньше можно было спокойно съездить в Грузию к друзьям, а сейчас это очень-очень сложно.**

– Я родился в Харькове. Мне года не было, когда разразилась Великая Отечественная и эвакуация, и я оказался в Челябинске, где всю жизнь прожил. Меня всегда интересовал один вопрос: миф о Челябинске. Завершая разговор, я прочитаю стихотворение, которое называется «Челябинск».

Осыпались звезды. Запахло железом
цветами и порохом судного дня.
Извечная тяжба – заглавная теза –
окалиной слова пронзила меня.

Я вздрогнул и бездну узрел ледяную.
Земному уставу до хруста в плече
я внял и настроил гитару стальную
на брэнную песню в мажорном ключе.

И было едва ощутимо объятье
заблудшего ангела. Гасла слеза.
И горкляя изморось липла на платье.
И дымная даль выедала глаза.

Казалась череда понедельников вроде
игры, дабы выдать обман за обмен.
Казалось, не вытравить крапа в колоде
аккордных нарядов и доблестных смен.

Был смерд легкомыслен и голоден адски,
но ненаказуем за вихрем времен.
И город кичился своим азиатским,
лютейшим из всех небывалых имен.

Оно не желало благого союза,
оно нипочем не вставало в строку,
когда разбитная, рабочая Муза
досужие гимны слагала станку.

А впрочем... Душа подводила итоги
и путала с явью виденья и сны.
Распутица. Гнезда грачей у дороги.
И мокрый размашистый ветер весны.

Сергей Равчеев

*[Запись передачи радио «Восточный экспресс»] /
беседу вел Сергей Равчеев. 2002. 26 апр.*

СЛОВО О ПОЭТЕ

Дитя безымянного времени

Скорбный труд – строкой и речью
вновь и вновь, пока живой,
биться в душу человеческую,
будто в стену головой.

С. Борисов

Не сразу открылась мне поэзия С. Борисова. С огромным запозданием попала в руки «Третья книга» поэта, и открыл я ее наугад, на стихотворении «В деревне».

Поздний вечер звездью редкой
посконь выклевал небес.
Зачарованный сурепкой,
взбормотал болотный бес.

Такое, как мне показалось, я читал много раз. Вычурные образы, хотя и в известной степени содержательные... Не помню почему, но я дочитал стихотворение до конца, до афористической вспышки мысли: «Ибо скучно жить под богом. Выше бога – тяжело».

Какая концентрация содержания! Вся жизнь, весь уклад нашей многострадальной деревни как на ладони в двух строчках!

Через час я писал незнакомому автору:

«Уважаемый Сергей Константинович!

Познакомился с Вашими стихами и считаю, что Вы – поэт-мастер. Невооруженным глазом видна смысловая емкость и сила воздействия слова. Вы владеете формой (хотя некоторые образы сложны для восприятия), и Ваша поэтическая индивидуальность неоспорима. Все это делает Вас Поэтом с большой буквы».

В ответ я получил «Безымянное время», где под одной обложкой соседствовали две книги: «Лирика» и «Из грузинской поэзии». Прочитав все, от корки до корки, я окончательно уверовал в большой талант поэта.

Сергея Борисова вскормила русская литература (вершина человеческого духа), а темы дала наша современная жизнь, повернувшаяся спиной к Трудю и Таланту, – вот почему его поэзия получила драматический и даже трагический настрой.

В первом сборнике «Свет вечерний» (1980) мы не видим еще поэтической мощи будущего С. Борисова, пока звучит порой тихая, умиротворяющая музыка стиха, а мир представляется светлым и улыбчивым.

Я верю, что не одинок
в смешной и ветреной привычке,
когда со всех бросаюсь ног
к весенней птичьей перекличке,
когда теряю здравый смысл
от солнца, ветра и капли,
когда в мозгу ликует мысль,
что жизнь есть чудо в самом деле,
что исстари и на века
она светла и не напрасна,
и так мучительно прекрасна,
и так безумно коротка.

Но в восьмидесятые и девяностые годы поэзия С. Борисова обретает крепость клинка и остроту скальпеля. С мудрой безжалостностью хирурга он отсекает раковые ткани нашего бытия; математически точные образы, как рентгеном, высвечивают наше сегодня.

От коммерческих лавок несет барахлом.
Опоясок наборный захлестнут узлом
на обидчивом горле державы.
На остатних путях только свара одна.
От заплечного дела и злачного дна
без ума банкомет моложавый.

Удрученному сердцу добро бы не знать,
как манкирует честью убогая знать
и жестокою ладит забаву.

Видно, оптом и в розницу Русь торговать
много проще, чем избранный крест целовать
и ответствовать нищему праву.

Современной жизни С. Борисов вынес свой, поэтический приговор. В одном из стихотворений, дав несколько образов абсурда («Сухорукий тапер искушает лады клавесина, поводырь на тропу устремляет невидящий глаз...»), он выжигает на нашем времени, как на лбу вора, клеймо «безымянное».

И неведомо люду, скребущему брэнное темя,
или вечер грядет, или небо бледнеет к утру.
Под лукавой зарей навсегда безымянное время,
как железное древо, на злом облетает ветру.

Какое интонационное раздолье для чтеца! Мастера художественного слова, 200 лет читающие стихи А. Пушкина, познакомьтесь с суровым летописцем нашего времени!

Стихи поэта средней руки не запоминаются, ибо нет в них доведенных до совершенства фраз, что, обретая крылья, живут десятилетиями и веками.

Поэзия С. Борисова афористична: «И только белую бумагу сжигают слово и слеза»; «Скорей лжеца, а не пророка казна избавит от оброка»; «...эпоха битого стекла и непотребной матерщины»; «Как жаден жить великоросс и в доблести, и в злодеянье!»; «...сошлись воедино угрюмая правда поэта и бодрая ложь гражданина»; «...владыка властью упоен, а чернь помешана на чреве»; «Правят устав и стяжают оброк сильные мира, как воры в законе»; «Боже, яви мне слово и подари любовь!»; «...чернью по золоту вечность означить».

Через несколько десятилетий, когда общество очнется от кошмаров наяву, когда поэзия С. Борисова займет подобающее ей место, составители словарей крылатых слов внесут туда борисовскую лепту.

Одна из болевых точек поэзии Сергея Борисова – жизнь поэта и роль поэзии в обществе. Стихов об этом создано много, но редкий гость в них – поэтический восторг.

Нет обманчивей грезы и боли мгновенней,
нет мучительней пытки и слез откровенней,
нет надежды безумней и чище греха –
ощутить у святой колыбели стиха,
как заходится сердце, как шепчет оно:
«Не ропщи! Это чудо тобой рождено».

В большинстве же стихов – драма непонимания, разобщенности поэта и общества.

Задолжал поэт народу.
Потому и осужден,
аки тать, на хлеб и воду
с незапамятных времен.
Звякнув лирой о колено,
уготовил белый свет
каталажку – для Верлена,
для Ахматовой – навет,
крестный путь для Мандельштама,
для Бодлера – желтый дом...
Щедро сдобренная драма
гневом, болью и стыдом.

Но бережно и любовно говорит С. Борисов с ушедшими из жизни братьями по искусству: А. Блоком, Н. Рубцовым, В. Шукшиным, особо чтит он любимого поэта И. Бродского.

На смерть ровесника

Ужели умер тот, который свят
живым превозможением навета,
нездешний, как хвостатая комета,
мучительный, как обморочный взгляд?
Земное разуменье не в ладу
со жребием, что уготован свыше,
когда господь на паперти и крыши
роняет драгоценную звезду.

Чем явь могла ответствовать ему,
исчадию библейского поверья,
крылами возмущающему тьму,
но исподволь теряющему перья?

Иногда С. Борисов цитирует классиков, вставляя общеизвестные строчки в свои стихи, и тем добивается двойного воздействия на читателя.

А . Б л о к :

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

С . Б о р и с о в :

Как блещущим в ночи иконам,
сойдя к седому рубежу,
созвездьям над твоим балконом
последним помыслом служу.

Последней мукой помыкаю,
последней радости бегу
и с горьким правом привыкаю
цвести на дальнем берегу.

Поэзия А. Пушкина жизнерадостна, она «как пенье птиц в роще...» (А. Н. Толстой), лермонтовская – драматична, С. Борисов воспринимает мир как трагедию. Но как А. Чехова нельзя назвать певцом сумерек, так и С. Борисова – певцом смерти. В. Леонович в частном письме говорит о полной несовместимости этой души и этой эпохи; тоска даже не об идеальной, а просто нормальной жизни водит пером С. Борисова. Эта же непримиримость с реальностью заставила А. Чехова написать два страшнейших рассказа «Ванька» и «Спать хочется», в которых ни героям, ни читателю не дано ни малейшего шанса на благополучный конец.

На Урале найден самородок весом в 36 килограммов. Золотая поэзия Сергея Борисова – ценность более высокого порядка, ибо она очередное напоминание о величии человеческого духа.

*В. М. Бурмако,
кандидат филологических наук, доцент*

*Борисов С. К. Сочинения.
Челябинск: Цицера, 2009. С. 536–541.*

Лексика как средство создания художественного образа

Имя челябинского поэта Сергея Борисова известно узкому кругу ценителей поэзии, а между тем он достоин места в звездной сборной российских поэтов всех времен.

Его поэзия – скорбная летопись нашего «безымянного времени», когда власть имущие повернулись спиной к Труд и Таланту, когда безнравственность стала официальной нормой жизни. Трагическое мироощущение поэта вызвано отчасти этими же событиями.

С. Борисов, словно философ и ученый, проникает в суть бытия, поэтому его художественные образы математически точны. О высоте, на которую вознеслась его поэзия, свидетельствует книга «Накануне звезды» – созвездие 157 афористических четверостиший.

Обширен и многообразен словарь поэта: современная лексика соседствует в нем с древнерусской, литературная – с диалектной, книжная – с разговорно-бытовой.

В произведениях С. Борисова видна ювелирная работа со словом: его стихи стоят у той идеальной грани, где каждое слово отбирается как единственно возможное, где слово в тексте намного увеличивает объем содержания по сравнению со словом, взятым изолированно.

Мы намерены рассмотреть один из художественных приемов, использованных С. Борисовым в поэме «Приговор», – концентрированное воздействие лексики на сознание и подсознание читателя.

Образ Зла не персонаж поэмы, он извлекается из текста как скрытый смысл; по большей части это описание последствий действия Зла, чем его самого. Создавая этот образ, поэт казнит его, показывает его омерзительную личину, не пропуская в поэму даже намека на тот ореол, которым украшается в быту пристрастие к зеленому змию. Проходящий через все произведение красной нитью образ Зла настолько выразителен и страшен, что не уступает кругам Дантова ада, только в «Приговоре» к страданиям физическим добавляются не менее страшные душевные.

Произнесенное или прочитанное слово рождает в сознании человека частицу реальности, названием которой оно является, эмоции и отношение к названному; кроме того, слово вызывает разнообразные ассоциации. Как военачальник концентрирует живую силу и технику перед прорывом обо-

роны противника, так и поэт собирает под свое знамя слова, вызывающие ярко отрицательное отношение к главному «герою».

В поэме 977 слов; из 231 составилась портрет Зла; если не считать малоинформативные в лексическом плане предлоги, союзы и некоторые личные местоимения, то каждое третье слово (!) поэмы – символ безразличия, отупения, немощи, падения, безысходности, боли, горя, беды, утраты, увечья, страха, кошмара, гибели...

Разную роль играют эти слова: одни оценивают душевное и физическое состояние действующих лиц (*и горько слабеет сердце, до немощи роковой, тоскою меченую судьбу, скорбь завязавших узлом, душит страх, твое терзающие тело...*), другие – обстановку, где вершатся события, судьбы (*в тамбуре мерзлом морга, недолог унылый вечер, скорбных больничных кленов, в чехарду бытия, густо заплеванной угол...*) и т. д., но все они, сконцентрированные, как свет в луче лазера, и направленные на сознание и подсознание читателя, напрямую или через ассоциации призваны создать картину алкогольного кошмара, из которого нет выхода.

На гиблых адовых кругах
у края сумерек и бездны
вдруг неизбывный душит страх
тебя объятием железным.
Ты ощущаешь весь погром
в душе, во времени, в юдоли –
исцветший май, умолкший гром,
поблекший цвет в широком поле...
Вся жизнь сумятицей теней
в глухую область отлетела.
Лишь гады зла водились в ней,
твое терзающие тело.
Лишь тусклый ветер пустоты
знобил виски и маял плечи.
Не потому ль отныне ты
суть падший дух противоречий.
Не потому ли на кострах
закатов низких плоть дымится,
и все темней летучий прах,
неразличимей дни и лица.

Все **обнаженной** ветви вен
и **нестерпимей** в сердце диком
слепая жажда перемен,
почти граничащая с **криком...**

И. Бунин создал в повести «Митина любовь» образ прекрасного, благоуханного сада как антипод Митиным страданиям и трагическому концу. Сад, пожалуй, второе после Мити действующее лицо, являющееся читателю более 20 раз, и только в одном эпизоде он не противопоставлен состоянию героя. В «Приговоре» лишь дважды прекрасное противостоит безобразному; эти эпизоды – крошечные островки в море тьмы.

Использование лексики разных стилистических пластов – характерная примета борисовского стиха. Этот прием помогает поэту передать трагическое противоборство добра и зла, но в «Приговоре», хотя и присутствуют разговорно-бытовые и книжные слова, нет противостояния – есть отрицание зла, и оба пласта слов выполняют одну функцию.

Разговорно-бытовые слова детализируют образ Зла и дают оценку тем, кто попал в его когти: *вопить, попойка, мыкаться, бормотать, галдеть, замызганный, мусолить, куролесить, голосить, упиться в дребедень, околеть, сволóчь, собутыльник, срам, брюхатый, издыхать, по пьяному (делу), блажить, маять* и др. Портрет одного из «истовых пасынков доли» почти закончен двумя штрихами; по этим приметам читатель легко дописывает внешность и внутренний мир «героя».

А он трясет **замызганной** ладонью,
Мусолит деньги, жалобно косит...

Назначение книжных слов в поэзии – создать нечто торжественное, поэтическое, вознесенное над бытом. Мы находим в поэме 26 книжных слов, но только в одном эпизоде ощущаем это возвышенное через слово *благовест*. В других отрывках содержание книжных слов либо включает в себя отрицательную характеристику (*галлюцинации, роковой, скорбный, бесприютный, сырый, тлен, согбенный, юдоль*), либо положительное нейтрализуется в сочетаниях с другими словами (*властвует продмаг; грешить умиленностью пылкой по пьяному делу – не труд; неизбывный душит страх; больное бдение сердец – как перебор сухих горошин*).

В семантическую структуру слова входит не только то, что лежит на поверхности и толкуется словарями, слово обладает еще и потенциальными семами, которые могут быть актуализированы в определенном тексте; содержание слова может рождать множество ассоциаций – весь этот богатый мир слова в поле зрения автора «Приговора».

Проследим за скрытым смыслом употребления слова *пропадает*.

Я распят на восходе. Я бессилён и нем.
Звон слабеет, уходит, пропадает совсем.

Поэтом отвергнут целый синонимический ряд *затихать, стихать, утихать, замирать, замолкать, смолкать, умолкать, молкнуть, гложнуть, угасать, погасать, гаснуть* со значением «переставать раздаваться, прекращаться, переставать быть слышимым» и использовано многозначное слово *пропадать* с оттенком значения «переставать быть слышимым», оживляющее в сознании читателя другие значения этого слова: «не вернуться, исчезнуть», «погибнуть, умереть», «нравственно опуститься», «пройти бесполезно». Даже если читатель воспримет только одно значение («переставать быть слышимым»), подсознание отметит тревожное звучание слова.

В другом эпизоде тоже с художественной целью выбрано слово *бормотать* («говорить тихо и невнятно»), хотя голой точности ради следовало написать *шелестеть*.

И там, где прежде роща бормотала,
уже галдит и властвует продмаг...

Безвинно пострадавшая роща включена в общую работу по созданию образа Зла; к тому же через страницу это слово явится в сопровождении одного из «героев».

Он глухо бормочет вопросы –
кто враг ему нынче, кто друг...

Образные значения слов используются С. Борисовым для тех же целей: они еще раз подчеркивают общую тональность произведения, ибо не могут пройти незамеченными слова *слепой, скорбный, горький (скорбный)*

клен, слепая операционная, горький ветер), выражающие безысходность существования тех, кто оказался в когтях Зла.

В истории русской литературы должны стоять рядом рассказ А. Чехова «Спать хочется», повесть И. Бунина «Митина любовь» и поэма С. Борисова «Приговор». Роднят их трагический финал, высокое художественное мастерство и один из приемов воздействия на читателя – непрерывающийся поток слов одного эмоционально-смыслового плана.

В. М. Бурмако,

кандидат филологических наук, доцент

Борисов С. К. Сочинения.

Челябинск: Цицеро, 2009. С. 541–546.

Слово в поэзии Сергея Борисова

И телом омрачился бы и оком,
и тьму приял, цветущую багрово,
когда б не благо, коим ненароком
я наделен, и благо это – Слово.

С. Борисов

Имя С. Борисова будет поставлено в ряд имен выдающихся русских поэтов, когда при свете дня исчезнут ведьмы, черти и вурдалаки с шабаша «искусства», которое мобилизовано и призвано манипулировать сознанием молодого поколения. Скорбным летописцем российской жизни конца XX – начала XXI века назовет поэта очнувшееся от эстетического удушья общество.

По трем мотивам я определяю высокое место С. Борисова в русской поэзии: он, как прозорливый ученый, открывает суть вещей, как художник превращает открытое в высокохудожественные образы, как мастер языка демонстрирует ювелирное владение словом. Продолжаю это утверждать, хотя меня уже наставляли на путь истинный ученые-литературоведы: «Конечно, Борисов небесталанный (это слово на совести маститого литературоведа. – В. Б.) поэт, но совсем некорректно ставить его в один ряд с Некрасовым!» (Видимо, еще не получено разрешение из Москвы. – В. Б.)

В начале 90-х годов часть общества надеялась на благополучный исход переустройства России: не будем подкармливать полмира, сжигать деньги в гонке вооружений – заживем лучше под флагом демократии и прогресса, при социализме с обещанным человеческим лицом, без са-

дистской гинекологии, карательной психиатрии, при торжестве закона.
С. Борисов остудил наш пыл.

А это не больше, чем враки –
все в мире пребудет, как есть,
поскольку и в будущей драке
своих мародеров не счесть.

Наши чаяния на появление сильной личности, которая повернет государство лицом к народу, оказались не более как наивной мечтой, ибо

Правят устав и стяжают оброк
сильные мира, как воры в законе.

Если поэт проник в тайное тайных еще до его губительной реализации, то стоит ли говорить о более простом?

Образность разлита по всей поэзии С. Борисова, начиная с любовных стихотворений и до поэмы «Приговор», где смерть для героя – избавление от нестерпимых мук.

Ты падал! Смеркалось небо,
зрачки твои крыла наледь,
и волю кружило, словно
расщепленное весло...

О том, как проявляется в поэзии С. Борисова слово, я намерен сказать более подробно.

В статье о «Приговоре» был описан основной прием создания образа Зла – массивное использование слов одного эмоционально-содержательного плана, которые, постоянно воздействуя на сознание и подсознание читателя в одном направлении, формируют единое смысловое и эмоциональное восприятие образа (этот прием использовали А. Чехов в рассказе «Спать хочется» и И. Бунин в повести «Митина любовь»). Коснулся я той же темы, сравнив стихотворения М. Лермонтова, С. Есенина и С. Борисова, и приблизительно определил, что количество слов, создающих основной мотив стихотворений, приближается к половине всего текста.

В этой статье уточняются, как оказалось, завышенные цифры и делаются некоторые выводы. Для анализа отобраны три стихотворения, в кото-

рых бросается в глаза усиленное выражение основного мотива с помощью единого эмоционально-содержательного ряда слов.

М. Лермонтов

Из Гете

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Основной мотив стихотворения – тишина, покой. Он возникает из содержания 8 слов (два взяты в сочетании с частицей **не**, ибо без нее дают иной смысл): *спать, тьма, ночной, тихий, мгла, не пылить, не дрожать, отдохнуть*.

Всего в стихотворении 22 слова, но одно из них, как обладающее малой информативностью по отношению к общему содержанию, не взято в подсчет – это слово **во**, выражающее в основном грамматическое значение. Таким образом, слова, непосредственно участвующие в создании основного мотива стихотворения, составляют 38 % от общего количества.

С. Есенин

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

Гибель человека – основной мотив стихотворения; его создают 8 слов (одно я посчитал возможным восстановить из неполного предложения последней строки): *снежный* (образно – «холодный, безжизненный»), *белый* – 2 раза (образно – «мертвенный»), *саван, плакать, погибнуть, умереть* – 2 раза.

Из 24 слов стихотворения исключены из подсчета 3 – **и, в, по** как обладающие в основном грамматическими значениями. Следовательно, слова, непосредственно выражающие основной мотив стихотворения, составили 38 % – и случайное, и закономерное совпадение.

Осенних звезд холодный рой.
Огней продрогшая кривая.
И ветер, темный и сырой,
тоскует, листья обрывая.
Он студит черный окоем
и веет мороком поденным.
Он в сердце раненном моем
свистит дыханием студеным.
Он продувает клетку дней.
Он снисхождения не просит.
И все угрюмей и верней
уста молчанием заносит.

Духовная драма поэта (основной мотив стихотворения) выражена 16 словами и одним сочетанием: *осенний, холодный, продрогший, кривая, темный, сырой, тосковать, обрывать листья, студить, черный, морок, раненный, студеным, продувать, угрюмо, молчание, заносить.*

Общее количество слов в стихотворении – 47; 10 из них, как малоинформативные, не включались в подсчет: **он** – 5 раз, **и** – 4 раза, **в**; первые два слова использованы с другими поэтическими целями и к нашим наблюдениям не имеют отношения. В итоге главный мотив стихотворения создают почти 46 % слов.

Используя один и тот же прием, авторы добились сильнейшего воздействия на читателя, но каждый сделал это по-своему. М. Лермонтов усиливает впечатление предельным лаконизмом, С. Есенин использует слова трагического звучания, С. Борисов дает ряд самый объемный и разнообразный. Само собой разумеется, что читатель имеет дело не с механическим набором слов, а художественными образами, рожденными из словесного сплава, под который и комар носа не подточит.

<...>

Развитие поэтического дара естественно привело С. Борисова к созданию сборника четверостиший «Накануне звезды», где собраны 157 миниатюр, где слово приобретает такой огромный эмоционально-содержательный вес, что стихотворение становится символом сложного явления; не случайно на представлении книги один из читателей упрекнул автора в том, что он прячет в миниатюре такое богатство содержа-

ния, которое следовало бы развернуть в поэме. Упрек как высшая форма похвалы.

Забвение великого русского искусства, превращение низменного, примитивного в идеал, духовное раствление народа, диктат золотого тельца, деградация духа – все умещается в 4 строках одного из стихотворений.

Останние перлы лирической нивы
глядят на сегодня пожухлым жнивьем.
И стансы, что были легки и ревнивы,
в студеную пашню ложатся живьем.

Не меньшим содержанием, скорее, намного большим, наполнено стихотворение «Чистые дожди отморосили...». В любом художественном произведении существуют так называемые скрытые смыслы; в борисовских четверостишьях они преобладают, в названном – несколько образов и море скрытых смыслов. Читатель в соответствии с его знаниями, духовным миром и жизненным опытом воссоздает скрытые смыслы.

Чистые дожди отморосили,
и молитвы умерли во мгле...
Более ни слова о России,
ибо нету оной на земле.

Невольно вспоминается лермонтовская «немытая Россия».
Эмоциональную бурю рождает другое стихотворение.

У праздных врат и суетных ворот
во утоленья голода и жажды
лежащих бьют, ногами и в живот...
Не упади, дитя мое, однажды!

Есть большое желание поделиться с читателем теми скрытыми смыслами, которые открываются мне при чтении четверостишья о языке.

По небу времени громада языка,
как туча, движется. И в недрах исполина
поэты мечут молнии, пока
сей чудный огонь не поглотила глина.

Исключительно точно переданы объемность языка, грандиозный характер этого явления, его мощь, – это полностью совпадает с моими представлениями о языке. По ассоциации я вижу картину И. Левитана «Над вечным покоем», только свалившиеся к горизонту громадные тучи пришли в обратное движение, охватывая все видимое пространство и образуя гигантские завихрения; новая ассоциация – исполнение Камерным хором Челябинской филармонии «Маленькой торжественной мессы» Д. Россини: предельная мощь звучания одной из частей, вознесение звука, гигантский звучащий воздуховорот...

Мысль о бесплодности поэзии вызывает и согласие, и в большей степени – протест: я многим обязан и поэзии, и живописи, и музыке. Не глина поглотила поэзию М. Лермонтова, М. Цветаевой, С. Борисова – поколение за поколением впитывают и будут впитывать ее.

Конечно, это индивидуальное прочтение поэтических строк, но поэзия и не рассчитана на унифицированное восприятие.

Не только четверостишия, но и отдельные сочетания слов обладают огромным объемом содержания.

В ножевом разночтении мира,
на заветном ущербе звуча,
изнывает безвестная лира,
пламенеет больная свеча.

Три знаменательных слова становятся символом социальных потрясений, войн, раздоров, противоречий социальных групп; всякого рода конфликтов, от личных до государственных; борьбы за власть, за доходы; непримиримого столкновения противоположных мнений, желаний; символом всего, что разъединяет людей, делает их врагами.

В отдельных случаях объем слова прирастает за счет употребления его одновременно в двух значениях. В последних строках «Приговора», когда герою ничего не остается, как только выброситься из больничного окна, чтобы принять смерть-избавление, слово *выход* получает двойное содержание: «место, где выходят» и «способ решения проблемы».

Квадрат белесого окна,
как в мир – отчаянный – но выход!
Там кружит скользкая луна,
во мглу проваливаясь тихо.

И где-то очень далеко,
в ночи невыплаканной где-то,
как будто брезжит молоко
ненаступившего рассвета.

Цитата продлена намеренно, чтобы читатель представил интонационное разнообразие строк, которое идет от богатства содержания. Ровная холодная первая строка, отчаянная, поддержанная знаками препинания вторая; глубокая пауза; тихое трагическое звучание пяти строк и не подлежащий обжалованию безжалостный приговор последней строки. Большое интонационное богатство содержат и многие другие стихотворения, но об этом должен быть отдельный разговор.

Значительное место в поэзии С. Борисова занимают слова разных стилистических пластов – разговорно-бытовые и книжные, ибо поэт не настраивается ласкать ухо читателя, он называет вещи своими именами.

Для отрицания, поругания, уничижения пороков поэт использует разговорно-бытовую лексику: *продувной, поволочь, нагреть* («обмануть»), *сподручней, барахло, братва, расхристанный, зажилить, наладиться* («направиться»), *блажь, переть* и др.

От коммерческих лавок несет барахлом.
Опоясок наборный захлестнут узлом
на обидчивом горле державы.
На остатних путях только свара одна.
От заплечного дела и злачного дна
без ума банкомет моложавый.

Легкое ироническое звучание получают эти слова, когда автор пишет о своей бытовой нескладности.

В укромной заначке моей ни рубля, ни строчки...
У меня нет средств махнуть оклематься к морю.

Как из песни не выкинешь ни одного слова, так из поэзии С. Борисова нельзя изъять два полуцензурных. Они приходятся на семь поэтических сборников и, стало быть, для поэта нехарактерны, тем паче, что отношение С. Борисова к языку и уважительное, и почтительное – язык он боготворит. Эти слова действительно нельзя выкинуть, так как любая замена обнаружит

ущербность правки. Относясь к подобного рода словам нетерпимо и отводя им должное место на языковой помойке, приемлю эти два слова в борисовских стихах. Попытаюсь убедить читателя в необходимости одного из них.

Мне знакомы веселые ляжки сумы
и блатная подначка тщеты и напасти.
Пропадите вы пропадом, <...> тьмы,
на погибель людскую вкусившие власти!

Написать *исчадия ада* или *исчадия тьмы* – значит в малой мере, но опозтезировать подлость; слово *выродки* точно ложится в строку по структуре и звучанию, только оно не передаст той степени, на которой заканчивается шкала презрения к скверне. Борисовское употребление совсем не тот случай, когда редакция «Комсомольской правды» в упоении от собственного распутства пропечатывает на две трети ничем не мотивированный матюк и тиражирует его в миллионах экземпляров!

В большом количестве С. Борисов употребляет книжные слова, поскольку низменному он противопоставляет возвышенное и много раз обращается к теме трагического. Небольшая выборка книжной лексики дает представление об использовании ее поэтом: *незримый, откровение, небытие, влачиться, грядущий, тщета, жестокосердый, вдохновенный, исторгнуть, витать, деяние, державный, медитация, предвечный, рукотворный, жребий, вопрошать, безмолвствовать, владычествовать, юродствовать, прозрение, забвение, упоительный, предвосхищенный, взирать, низвести, всевышний* и многие устаревшие слова, о которых будет сказано отдельно.

Земную тяжбу зим и лет
и жизни трепетное бремя,
как серый пепел сигарет,
бесстрастно стряхивает время
в небытие.

Паганини в транскрипции Листа.
Горний паводок. Божьи глаза.
Вдохновенные пальцы артиста.
Смертный искуc. Святая слеза.

Характерный борисовский прием – одновременное использование книжных и разговорно-бытовых слов. Внешне и внутренне противоречивое, такое сочетание воздействует на читателя с большей силой, а поэту позволяет выразить трагические противоречия бытия.

Трапеза страждущих – роза ветров –
и ныне фартовым уязвлена иском
риторов с форума фрайеров,
преющих в шабаше большевистском.
Дар словоблудия – ранг божества
в адовой кодле вождей и пророков...
С райских дерев облетает листва.
Ангелы матом рекут ненароком.

Роль книжного слова хорошо видна при сопоставлении: отдельно взятое разговорно-бытовое слово осмеивает или выражает презрение – рядом с книжным звучит трагически.

Опорожнив косой десяток бочек,
околеваает пищей для легенд
и стойкий алкоголик из рабочих,
и пьющий от тоски интеллигент.

Не могущий крылом измора одолеть,
он в бурый бурелом влачится околеть...

Обширный словарь, которым владеет поэт, имеет большую временную протяженность – от слов сегодняшнего дня до забытых, древних. Знакомые незнакомцы обращаются к читателю с поэтических строк, обостряя его внимание, вещая о связи времен, настраивая читателя на возвышенный лад. О широте и регулярности употребления устаревших слов свидетельствует приводимый список: *зане, юдоль, хоругвь, тризна, глагол («речь»), зелье, благостыня, всеблагий, чресла, узилище, боян, вития, аки, рядом, кат, узреть, долу, сиречь, сирый, сей, агнец, врата, предвечный, осиянный, перст, чадо, днесь, ведовской, буде, кои, око, речение, стезя, зеница, петел, приснопамятный, стогна, затрапез, брашно, виночертий, несть* и др.

Душа нахрапу не обучена,
зане патриархальна.

И солнце упало ниц.
И вестником иных начал
на шелест листьев и страниц
предвечный голос отвечал.

Строгий ревнитель литературного языка, С. Борисов выходит за его рамки исключительно редко: на 7 сборников стихов приходится 4 диалектных слова, употребленных, конечно, вполне обоснованно.

Там пели оводы и падали стремглав
на голенища, белые от пыли...
Но более всего меня томили
литовки визг и пьяный кипень трав.

Мои заметки – первый подступ к изучению языка поэзии С. Борисова. Она ждет глубокого научного исследования со стороны как лингвистов, так и литературоведов. Интуитивное восприятие языка художественных произведений поэта и первичный анализ позволяют сказать следующее.

Поэт – мастер языка. Им используется значительный словарный запас при большом разнообразии его пластов. Слово в поэзии С. Борисова приобретает гораздо больший эмоционально-содержательный вес, чем взятое отдельно. В результате строгого отбора в строке остаются слова, идеально соответствующие содержанию. Столь же умело поэт использует стилистические ресурсы языка.

Венцом поэзии мастера стали афористические четверостишия.

С. Борисов индивидуален. Его поэзия так же узнаваема, как поэзия Ф. Тютчева, Н. Некрасова, М. Цветаевой, А. Твардовского...

В. М. Бурмако,
кандидат филологических наук, доцент

*Борисов С. К. Сочинения [Стихотворения. Поэмы].
Челябинск: Цицеро, 2009. С. 546–559.*

Мировая тайнопись: 60 лет поэту и переводчику Сергею Борисову

Сергей Борисов, кажется, представляет собой идеальный образ поэта в неуютном рабочем городе. Идеальный с точки зрения культуры, но очень проблемный в смысле бытовом. Когда противоречия между ним и окружающим миром не кончаются всплеском разрыва, но тянутся как зудящая тяжесть или кислородная недостаточность.

Борисов родился в Харькове в семье инженера, но почти тотчас семья переехала в Челябинск вместе с эвакуированным заводом. С самого детства главным увлечением в семье были книги, но учиться молодой человек пошел на инженера в ЧПИ. Первое стихотворение написал на лекции по физике, и была в нем, разумеется, самая что ни на есть чувственная лирика, с оглядкой на Есенина: «Не проснуться чувственному зверю от твоих изломанных бровей».

Объясняя феномен искреннего увлечения «технарей» всякой гуманитарщиной, Сергей Константинович говорит, что хоть и не поверяется таинство алгебры, но учит она аналитическому мышлению в искусстве. Что, кстати, есть благоприобретение искусства уходящего века: Сергей Константинович находит такую гармонию у Арсения Тарковского. Каждое написанное четверостишие, по Борисову, – шаг в сторону «абсолютного стихотворения», которое суть дисциплинированная структура, аукнувшаяся на вдохновенный порыв. Поэзия Борисова – чуткая поступь от возникшего чувства через мысль к одному-единственному незаменимому слову.

Вопреки традиции бытования стихотворчества в советском Челябинске, когда молодых энергичных графоманов более зрелые и ответственные работники поощряли на поэтизацию труда, во Дворце культуры железнодорожников собирались выпускники ЧПИ и говорили о совершенно других вещах. Книжные ребята читали вслух друг другу стихи, где не было бытовой повседневности. Потому ходили они даже не в «молодых поэтах» (эти занимались в заводских литобъединениях), а плавали вообще как-то параллельно «литературе». Это мы сейчас знаем, что она такое есть, а тогда была почти случайная публикация в «Юности». Кто-то из отдела поэзии журнала завернул в наш город, прихватил отсюда несколько тетрадок. Борисов даже получил тогда третье место в журнальном конкурсе дебютов «Зеленый листок». Был это 1975 год. А спустя еще пять лет вышла тоненькая,

если не сказать куцая, книжица-брошюрка «Свет вечерний». Зато первая. Пусть и в 40 лет.

Конечно, как и всякому пишущему, Сергею Борисову хотелось в Союз писателей. Но, понимая всю тщетность столь дерзких грез, он сполна получал от поэзии свое. Это не бурлящее счастье идиота, но тихое, почти физиологическое, удовлетворение, когда вдруг после трех суток маеты нужное слово выскакивало в автобусе по дороге на нелюбимую работу. (Борисов даже вывел формулу «самого страшного»: жить в большой стране, большом городе и работать на большом заводе).

Теперь, спустя жизнь, Сергей Борисов по праву занял в челябинской литературе место одного из лучших поэтов. Признание пришло сначала через «черный ход» в виде заказов из Москвы на переводы грузинских поэтов. Как ни крути, а дело это подразумевает и уровень ремесла, и обширные культурные знания. Вот, скажем, система образов в восточном искусстве совсем иная, чем у европейцев. Значит, переводить нужно не слова. Борисов вспоминает Маршака: переводить не букву, но дух. Дело это, кстати, чреватое для поэта, поскольку – медицинский факт – истощает душу и мозг. Это все равно, что проживать чужую жизнь. Если, конечно, всерьез относиться к делу. Стоит ли говорить, что было как раз так. Многими специалистами именно переводы челябинца Борисова были признаны наиболее удачными. А это стихи Акакия Цецетели, Галактиона Табидзе, Джансуга Чарквиани и многих других. В итоге получился целый том, который вошел в состав двухтомника 1991 года (но все равно на вид совершенно факультативного) «Безымянное время».

Кстати, сейчас в серии «Антология уральской поэзии» готовится к выходу новая книга Сергея Борисова, заказчиком которой выступила областная администрация. В свое время екатеринбуржцы сами отбирали поэтов, достойных отдельной книги в этой серии. В нашей области их интересовали только двое: Николай Година и наш герой.

Притом что Борисова признали за «настоящего поэта» совсем недавно, у него нет радикализма победителя, столь естественного для молодых. «Челябинск – это мой город, даже в мелочах, которые мне ненавистны, – говорит он. – Родной город не выбирают – как и мать. Даже когда противно – никуда не денешься, оно как в себе самом».

В этом смирении – мудрость человека, извлекающего из близости с искусством самое главное. Парадокс, но ведь и вправду: «А для лавров и

для терний мы – недолги и случайны». Гораздо важнее сформулировать то, что делает человека человеком. По Борисову, это три умения: сострадать, стыдиться и благоговеть. Сострадать ближнему. Стыдиться собственных пороков и низких радостей. А благоговеть перед прекрасным.

Преподавая сегодня студентам академии культуры и искусства сценарное мастерство, очевидно, «прекрасным» Борисов давным-давно назначил для себя поэзию, которой в нашей жизни остается все меньше места. Кто виноват? Что делать? Вопросы риторические, какими были априори. Вот и сам Сергей Константинович вслед за собственными ощущениями («пишу очень мало») говорит, что нечто изменилось в самом устройстве мира.

«Мне кажется, – говорит поэт, – само человечество, быть может, потеряло ту тайну мира, которая раньше была. Тогда искусство пыталось объяснить ее, поднять таинственную завесу. Сейчас это ушло. А ведь поэзия – это мировая тайнопись. А раз ушла эта тайна, следовательно, уходит и поэзия. Мы становимся беднее. Но я верю, что история циклична и поэзия вновь будет востребована, на наше счастье».

Сергей Борисов

Напоследок

Вот и пала пора прошептать «прощай»
благостыне, спитой, как вчерашний чай,
лукоморью, спаленному днесь до пня,
наваждению ночи и злобе дня,
серафиму, парящему в злом дыму,
исступленью и сраму в земном доме,
облюбованной груди замшелых книг,
подорожным цветам, залежалым в них,
золотому узорочью мертвых грез,
удрученному духу, крови с колес
ломовых, обретению всех щедрот,
лебедой и полынью забивших рот,
чертовщине, изведшей благую весть,
голой правде, что ложью была и есть,
средостению, паху, зрачку, кости:
И тебе, моя Муза, мое «прости».

Айвар Валеев

Челяб. рабочий. 2000. 27 окт. С. 7.

Слово о поэте

С неба льется свет вечерний.
Все мы только и виновны,
что в беспечности дочерней
да беспугности сыновней...

С. Борисов

Думается: трудно этим звукам в индустриальном уральском грохоте, где более кстати поэзия р а б о ч е г о у д а р а. Не скажу, что Борисову удалось восславить громкий труд прямо и непосредственно – тут необходимо особое умение – но уважение к людям труда, понимание их жизни и их нужд сквозит в его стихах. Он старается дать им то, что так явно им недодано, что узурпировано стихами и поделками «на рабочую тему», напоминающими грубую и устаревшую спецодежду.

Борисов пишет о душевном мире современника – на высоте всех опытов и дум! – и этим разрешает многие задачи, которые уже не под силу целенаправленным в корне своем и давно докучным творениям пера. Борисов не предлагает рабочему человеку некоего зеркала, чтоб тот узнал себя в нем, – Борисов говорит ему о том, чего не знает этот человек, что сам поэт познает уроками судьбы. Влюбленный в русский язык, слышащий его на огромном историческом протяжении, знающий житейские реалии и нравственные категории, тем языком обозначаемые и уже слитые с ним, Сергей Борисов пишет, как слышит и думает – чего же боле?

– На отвалах шлака выросла роза, – говорил я друзьям о Борисове, услышав более десяти лет назад в Челябинске его чтение, и теперь рад утвердиться в своем отношении к его стихам. «Уральская поэзия», если таковая и существует, стала богаче с приходом Сергея Борисова. Если угодно, если уж так это непременно, то его элегическая, тонкая лирика отвечает, опережая его, очень важному социальному заказу, в чуткости к которому мы воспитаны. С душевной грубостью, а порой дремучестью мы сталкиваемся в наш век слишком часто... Духовному запустению надо помочь – и это привилегия чисто поэтическая. В этом дело и забота Сергея Борисова. Дух живет, как сказано, иде же хочет, – в этом благо для читателя и трудность для нормативного отношения к поэзии: в какую рубрику зачислить эту лирику? В самом деле: Борисов избегает привычных вещей, с кото-

рыми в нашем представлении связано изображение предметов. Это как бы художник, отказавшийся от холста и красок – слишком конкретных вещей – «работающий» светом и тенью на одном ему ведомом грунте. Если не ошибаюсь, Борисов не прочь отказаться и от предметов, слишком мало-важных для него и нужных ему лишь в качестве предлога для суверенной жизни чувства. Как писал Леонид Мартынов:

Художник писал свою дочь,
но она, как лунная ночь,
уплыла с полотна...

Это бегство от «всесильного бога деталей», от сюжетов ежедневности – в пространство высокого славянского словаря, к работе обобщения «виденного здесь», к работе улучшения и обновления его.

От «битого стекла и непотребной матерщины» Борисов уходит и не знает иного средства, кроме ухода. Что ж, «высокий уход», если воспользоваться эпитетом Боратынского, будучи запечатленным в слове, тоже путь. Как путь с красной повязкой или с метлой. Тоже средство. Надо лишь владеть этим средством – и уважать чужое. На сорный словарь нынешней вулканической поэзии Борисов, мне кажется, глядит так же косо, как на битое стекло. Он ни разу не соблазнился вставить какое-нибудь блатное словечко в свою речь, не осквернил стекляшкой благородную оправу... На мой взгляд, он слишком строг к себе и много теряет в читабельности – господи, прости! – стихов, в их популярности. Но – ему видней. Это одинокий рыцарь-классик в благородной, порою ветхой своей броне, озабоченный чистотой Поэзии

Красота звука. Красота образа (при скупости на образ). Синтаксическая выдержанность строфы в правилах строгой риторики – как бы в укор беззаботному рубленому стиху. Достоинство темы.

Немногие сейчас, разве что Белла Ахмадулина, так красиво пишут, так явно и воинственно возвышая предмет.

Еще никто ни в чем не виноват
в благословенном пригороде русском...

«Отец» элегии Боратынский воспел животворную скорбь – это было чувство мужественное, рожденное сознанием и совестью гражданина. Есть времена, когда веселость неприлична или даже кощунственна. Извинить ее может лишь невежество... Я приветствую стихи Борисова, где скорбное чувство имеет глубокий народный исток и потому естественно и живо творно. В мелодике Борисова, попади оно в сильное положение, слово «скорбная», например, может иметь пять или шесть слогов – вместо школьных трех. Так пел Шаляпин, так дерзил Высоцкий...

Пенять эпохе – это под горячую руку. Эпоха как эпоха, со всеми элементами всех эпох, со своим возмездием, трудом и достоинством. Ругать ее проще, чем спасать и строить. Своим устремленным и многолетним талантливим трудом поэт Сергей Борисов участвует именно в создании сегодняшней эпохи. Ибо надо много сил и таланта, чтобы возродить в спешке развития растерянный великий русский Словарь, дать новую жизнь старым понятиям, в той же спешке отмененным, и – главное и прямое дело – понять и разделить сокровенное народное чувство. Этим и занят Борисов.

Ко всему сказанному прибавлю само собой подразумевающееся и главное: это поэзия. И как бы для читателя повторю слова поэта:

На легкий голос отзовись!
Взгляни, как дивны и едины
и эта пасмурная высь,
и эти ясные глубины.

Владимир Леонович

*Борисов С. К. Безымянное время: лирика.
Челябинск, 1991. Кн. 1. С. 5–7.*

Поэт и издатель

В роли Поэта – Сергей Борисов, в роли Издателя – ваш покорный слуга.

Заявленная тема отсылает нас к А. С. Пушкину «Разговор книгопродавца с поэтом» и к В. В. Маяковскому «Разговор с фининспектором о поэзии». Как видно даже из названий произведений, поэты отстаивали свое право заработать на творчестве, хотя тот же Маяковский писал: «Мне и рубля не накопили строчки...» Кокетничал.

Сергей Борисов родился в другое время и был не самым продаваемым поэтом, так что если и заработал он что на поэзии, то в основном на переводах грузинских, татарских и башкирских поэтов.

Но мы не об этом. Первая встреча с Борисовым-поэтом была заочной. Как-то, идя с репетиции театра «Манекен», заглянул в книжный магазин. Зрелище было печальное, но тут мой товарищ Михаил Богуславский сказал:

– Смотри, книгу Борисова продают... того самого, который написал песенку мастера к миниатюре «Марш манекенов», из-за которой СТЭМ ЧПИ и стал «Манекеном»...

Что-то такое смутно припоминалось, и стало понятно, что книгу нужно брать. «Свет вечерний» занял свое место на полке, и долго-долго я книгу так и не открывал...

Вторая встреча была уже очной. Челябинские переводчики собрались в здании администрации Центрального района, что-то читали, рассказывали, обсуждали... Среди них был и невысокий мужчина средних лет с печальным лицом, который явно чувствовал себя не очень уютно. Это и был знаменитый Сергей Константинович Борисов. Я подошел, напомнил, что у нас есть общий театр «Манекен», подарил свою книгу перевода на современный русский язык «Путешествия из Петербурга в Москву». Борисов поблагодарил, но энтузиазма не проявил.

Прошло еще несколько лет, и мы затеяли книгу о театре «Манекен». Естественно, Сергей Борисов не мог остаться за бортом событий. Мы стали встречаться, он рассказывал о своих друзьях: Александре Иванове, Юрии Сероглазове, Давиде Беленьком... Нашелся одногруппник самого Борисова, Валерий Ваганов, который принес вырезку из «Политехнических кадров» с первым опубликованным стихотворением студента Сергея Борисова.

И тут я вспомнил про книгу, которая чахла на полке, и прочитал ее. Обнаружил, что язык Борисова: это синтез архаики и авангарда, что его образы абсолютно ни на что не похожи, что это совсем особая поэзия.

Не удержусь от примеров.

...Седые крылья вдовствующей мглы
коснутся струн отверженной псалтыри.

Губы к целованию готовы
ризы и меча у серафима.
Горлом лет, как бешеная кровь,
хлещет время неостановимо.

Читаю и представляю как произносил эти строки сам поэт. Трагично и высоко. При этом он иногда с грустью улыбался:

Неулыбчивое время,
в стужу бодрствуя и в зной,
грубо выскоблило темя
пуще бритвы заказной.

К тому времени Сергей Константинович издал уже несколько сборников стихотворений и поэм: «Свет вечерний», «Безымянное время», «Капли с пера», «Третья книга», «Палые листья». Московские и тбилисские издательства напечатали книги грузинских и татарских поэтов в переводах Сергея Борисова.

И вдруг мне улыбнулась удача. Челябинский издатель Татьяна Лурье, с которой работал С. Борисов, попросила сделать небольшую книжку четверостиший, поскольку сама она не успевала справиться с этой работой в разумные сроки.

Сергей Константинович принес машинописную рукопись, и мы довольно быстро превратили ее в книгу, куда вошло около 160 четверостиший. Оформил издание художник Олег Петров. Точнее, сам Сергей Константинович принес рисунок Олега и сказал, что книга должна начинаться

этим рисунком и эпитафией из Ш. Бодлера. Олег удивился выбору и предложил несколько элементов оформления обложки.

Что мне понравилось: Борисов ясно видел свою будущую книгу и добивался от издателя соответствия желаемому. При этом не отвергал разумных предложений. В частности, оказалось, что строки очень длинные, и, чтобы уместить их на странице, придется либо мельчить текст, либо выбирать широкий формат, на котором четверостишия просто потерялись бы. Сошлись на так называемом «альбомном» варианте: книга в ширину в полтора раза больше, чем в высоту. Зато каждому четверостишию отведено по странице. Можно прочесть, осмыслить и двигаться к следующему. Книга удалась. Поэт был доволен, издатель тоже. На дворе стоял 2003 год. Впереди десять лет постоянного сотрудничества и много книг.

Надо сказать, что Сергей Борисов не признавал компьютер и свои рукописи приносил всегда напечатанными на пишущей машинке. Каждое стихотворение, прежде чем попадало в книгу, проходило несколько этапов: сначала он записывал его от руки, потом перепечатывал и долго чиркал, что-то вписывал... переставлял... Потом перепечатывал снова начисто и складывал в готовое. Когда я отдавал ему сверстанную книгу, он снова внимательнейшим образом ее читал, что-то уточнял, но в основном правки относились к синтаксису. Он очень трепетно относился к напечатанному слову. Любил повторять: «В стихотворении каждое единственно возможное слово должно стоять на единственном отведенном для него месте». Мне казалось, что перфекционизм поэта необоснован. Слова, они и есть слова. Какие-то длиннее, какие-то короче, и ничего тут не поделаешь. Но Сергей Константинович не мог с этим смириться. Он придумывал именно нужные и правильные слова, если их не хватало. При этом такое словотворчество не казалось трюкачеством и словесной эквилибристикой. Читаешь, задумываешься, осознаешь, что написано... Думаешь, что раньше не обращал внимания на это архаичное слово... а потом понимаешь, что оно родилось совсем недавно в голове поэта, и по-другому сказать было невозможно.

И вот однажды Сергей Константинович пожаловался, что машинка совсем перестала работать... И как жить дальше... Приехал в гости, разобрал, почистил, смазал, собрал обратно... Инженер Борисов на вопрос: а сам-то что не справился, – ответил, что не умеет он это. Через какое-то время машинку поразила новая напасть: истрепалась лента. Поиск в мага-

знах ленты для пишущих машинок был сродни поиску иглы для примуса... И снова пришлось реанимировать многострадальный аппарат с помощью ленты от матричного принтера. Сергей Константинович смотрел на манипуляции как на нечто волшебное.

Стоит признаться, что в поддержании пишмашинки в рабочем состоянии я был заинтересован не меньше самого поэта. Сканирование плохого оригинала – это же сплошное мучение... При этом на любые попытки соблазнить переходом на компьютер я получал категорический отказ. Так и не уговорил...

Однажды Сергей Константинович позвонил и сказал, что есть у него идея: собрать свои сочинения под одной обложкой. Одна проблема: самой первой книжки «Свет вечерний» у него не сохранилось. Рука сама потянулась к полке... Радость поэта, держащего в руках свою первую книгу, не поддается описанию. Так я лишился редкого издания, но взамен получил все, сочиненное Борисовым.

Через год мы с Сергеем Борисовым собрали книгу его переводов. Получилось два солидных тома почти по шестьсот страниц каждый.

Надо сказать, что в творчестве С. Борисова то преобладали стихотворения предельно лаконичные, вплоть до четверостиший, то на свет появлялись поэмы, которые вскоре опять уступали место стихотворениям. После двухтомного сводного собрания пришел черед поэм. Одна за одной выходили четыре поэмы о главном, которые в итоге собрались в книгу «Отчуждение, или Четыре книги о главном»: «Прямая речь, или Книга откровений», «Стезя, или Книга знаков», «Исповедь, или Книга тайн», «Впредь, или Книга упований».

Книгу открывали восемь строчек.

Вместо эпиграфа

С дерзостью наивной иноверца
искренне оправдывает лира
мира отчуждение от сердца,
сердца отчуждение от мира.

Убеждаюсь исподволь и снова –
лишь один главенствующий знак
есть в оценке авторского слова –
не о чем написано, но как.

Издав поэмы, Сергей Константинович сказал: «Все. Больше ничего не напишу».

Я попытался подвигнуть его на книгу о поэзии, на воспоминания... Ничего не поучилось. И вот в конце 2012 года Сергей Борисов позвонил и казал, что начал работу над небольшой книгой... И назвал он ее «Нечаянное». Книга вышла в апреле, а в августе Сергея Борисова не стало.

Летом 2012-го Сергей Константинович пришел в гости и сказал: «Давай сделаем маленький буклет, где будет моя биография, фотография молодого меня и меня сегодняшнего, парочку стихотворений поставим. Назовем “Личное дело Сергея Борисова”. Дату смерти вставишь. Когда я умру, раздашь буклет всем, кто придет на похороны».

Немая сцена.

Я все сделал, как хотел Сергей Константинович. Он что-то поправлял, уточнял, потом удовлетворенный оставил все как есть.

Вот стихотворение из того буклета.

Последнее слово

Он обок – тот порог,
за коим сгину я,
бо мне исчислен срок
земного жития.

И разве вешний гул
покуда мает плоть,
где княжит вельзевул
и бедствует господь.

А в бренном остальном
нужды особой нет

рождественским вином
прикрасить белый свет.

Сей труд не по плечу,
как оказалось мне.
Я знаться не хочу
с собой наедине.

Меня смущает кладь
созвучий не у дел,
которым исполать
я так и не пропел.

Легла на пустошь лет
молчания печать,
и сил никоих нет
все сызнова начать.

Пристало ведать честь
и пасть в небытие.
И слово это есть
последнее мое.

Так завершились десять лет сотрудничества поэта и издателя. Хотя нет. Через год Людмила Аркадьевна, вдова поэта, собрала книгу лирики Сергея Борисова «Прочтение любви», а Валерий Бурмако взялся за составление словаря языка С. К. Борисова...

Мне кажется, что слова, которые часто говорил Сергей Борисов: «У меня впереди вечность», – оказались пророческими.

Вечность Поэта Сергея Константиновича Борисова только начинается.

*Владлен Феркель,
издатель*

Светлых сумерек талант

1

Какие бы тьмы судеб не проходили над нами, какие бы тучи и флаги не сменяли друг друга, какие бы пирры не праздновали свои победы – есть все же в нашем мире вещи вечные и неизменные: земная твердь и небо, жизнь и смерть, свет и тьма, любовь и ненависть. Каждый день рождается Солнце. И каждый день умирает тьма. Каждый миг наполнен страданием Духа человеческого. Над страданием он растет и болью он возвышается. Каждый миг смертной жизни пропитан понятиями Вечности.

Сиюминутное всегда на поверхности. Течет река – сверху по ней кружатся ветки, вращаются листочки, ветер рисует затейливую рябь. Все здесь течет и изменяется мгновенно. Но чем глубже, чем ближе ко дну реки, тем чище и медлительнее поток ее, тем постоянной и значимее слои. На самом дне течения практически нет, а бывает и свое – глубинное течение. Там царят вечные тайны, недоступные плавунцам и водомеркам, бороздящим поле поверхности.

...Мне было виденье одно:
за мутной игрой пелен
я словно увидел дно
в холодной воде времен...

<...>

...Где топовый спит огонь,
и шквал якоря не рвет,
где плачет последний дюгонь
беглым ребенком вод...

Или другой пример. Представьте себя внутри мчащегося поезда. Прямо перед вагоном – мелькание безликих шпал, частых столбов. Дальше, за полотном, пробегают деревья, плывут гребни лесов, еще дальше медленно меняются очертания гор. И, наконец, в немыслимой дали совершенно недвижны относительно вас царящие в ночи светила.

Все, что дальше, глубже и выше, то величественнее и живет и измеряется по законам Вечности. Во всяком случае, стремится и приближается к ней.

2

Поэзия Сергея Борисова, несомненно, направлена в глубины бытия человеческого и восходит к вершинам духа, то есть стремится к понятиям вечным и истинным.

Нет смысла подходить к его стихам с лекалами сиюминутностными – гражданственными, партийными или злободневными. У Борисова есть, конечно, и эти категории, но и они совершенно иного порядка. Здесь болит совесть Гражданина Царства Божия, здесь живет рыцарство Ордена Духа, здесь играют страсти и пышет не злоба дня, но Зло и Добро Вечности.

Все это признаки чистой поэзии, чистой лирики.

Только не в той, привитой многим из нас идеологическими демиургами классификации, где «чистая лирика» считается чем-то вроде легкого слабоумия, а в ее истинном и первоизданном поэтическом значении, для которого не только оскорбительны, но и просто нелепы требования быть «народной, классовой, гражданской, национальной...»

Она абсолютно самоценна и самодостаточна и имеет совершенно самостоятельное значение, как путь духа к красоте и гармонии, как поиск Бога на земле, в человеке, и как поиск человеческого в божественном...

Возможно, некоторые «гражданственники от поэзии» будут возмущены таким обособлением чистой лирики от милой их сердцу «реальной действительности» и начнут оглядываться на хрестоматийные авторитеты, включая, конечно же, и «солнце русской поэзии». Но пусть внимательнее вчитаются они в пушкинские строки и, быть может, удивятся тому, что их возлюбленный автор был самым непримиримым и последовательным сторонником именно такого, свободного от требований «полезности», независимого от «целесообразности» звучания поэтической лиры.

Уместно будет вспомнить, что некоторым современникам Пушкина его лирика также казалась несоответствующей текущему моменту, немодной. Того же мнения были многие критики и о Тютчеве, и о Фете. А потом эти ярлыки доставались Есенину и Пастернаку, Цветаевой и Тарковскому, Рубцову и Тряпкину.

Ну не везет истинной лирике с признанием «всемирным»! То она, видишь ли, чересчур сложна и непонятна, то, напротив, простоязычна; то архаична, то слишком субъективна, то недостаточно «российственна»... Никак ее, понимаешь, к общественной пользе не приспособить – не вписыв-

ваается она то в благородное дело декабристов, то в вавилонско-советское строительство, то в осчастливленное демократическими гримасами современное общество. А то, что и не должно ее никуда приспособливать, что она сама по себе *«существует – и ни в зуб ногой!»*, об этом судьи суетливые и не догадываются.

Есть, конечно же, и лирика гражданская и эпическая. Но это уже виды прикладной поэзии, как бывает прикладным или декоративным, например, изобразительное искусство. Однако даже самая изящная, искусно расписанная шкатулка никогда не заменит икону, как сама икона не заменит Бога живого.

Чистая поэзия отличается от любой другой в первую очередь тем, что рождается в мир в минуты откровения, в минуты пророческого состояния души поэта, кое и принято именовать вдохновением. Ни литературные экзерсисы, ни вымороченные эквилибры большинства андеграундистов не имеют к ней никакого отношения.

Чистая поэзия не имеет сюжета. Ее невозможно пересказать иначе, проще, другими словами. Попробуйте изложить ее в прозе – и получится бессмыслица или банальность. Глубина поэтического пространства, многогранность его измерений возникает под воздействием магии ритма, она угадывается благодаря зарницам ассоциаций и объемному сиянию образов.

Чистая поэзия всегда о Красоте, даже если говорит о вещах скорбных и страшных и о вещах даже как будто безобразных. Просто в этих случаях она стонет и плачет об отсутствии Красоты, но говорит все же красивым языком, ибо безобразно говорить просто не умеет.

Эти знойные сны террас!
Птицы райские на подносах!
Эти тайные встречи глаз!
Эти розы в меду и осах!..
...Эти провода в сентябре!
Синь над выжженными полями!
...Это кладбище на бугре,
осененное тополями.

Момента судьи глубин не ищут и даль светлую не «видют». Они в восторге от случайных комбинаций проплывающего мимо них по поверхности мусора, от ярких пустых фантиков и керосиновых блесков.

Но скинет река мусор, возвратится в русло, станет светлей вода и прозрачней глубина – и души чуткие, которые, конечно же, есть в каждом, даже самом смутном времени, увидят истинные, вечные, чистые токи поэзии. Они никогда не иссякнут, ибо они от Бога и к Богу нас же приводят.

Чистая лирика (после музыки) – точнейшая переводчица души человеческой. Она способна передавать тончайшие ее состояния: чувства, ощущения, озарения. Редко это законченная мысль, чаще – только лишь догадка, смятение, вопрос. Но не требуем же мы от музыки точного, однозначного смысла; что, о чем, для чего? «Имеющий уши да услышит!» Лирика, как и музыка, строится из ассоциаций и образов, отголосков и созвучий. Она, конечно же, материальна, но не более чем материален вздох о любви, чем полет ангела, чем мысль о «горнем мире»...

3

Вера у Борисова, как и у всякого настоящего поэта, далеко не однозначна, уж во всяком случае она никак не ортодоксальна. Его Бог настолько живой, что порой Сам полон противоречий, впрочем, как и тот мир, который Он сотворил.

Более того, создается впечатление, что не Он один повинен в творении мироздания, поскольку как бы из чьих-то рук «... *Господь с улыбкой принял нас, а мир – с любовью...*»

Но вот беда – этим Богом «...*замысленная благодать уничтожается на вздохе...*»

Мир, порожденный в благих побуждениях, порой бунтует и против Создателя. Заряженный (или зараженный) огнем плоти греховной, даже крест нательный может отринуть Сына Господнего: «*И отрецивается крест / от трепещущего на нем*».

В пантеоне Борисова Верховная Сущность может и разум вдруг потерять: «...*окалина архангелов и птиц, / низвергнутых творцом обезумевшим наземь...*» А может вдруг попасть впросак: «...*бог замешкался и не спас...*»

Такой Господь склонен к розыгрышу: Он «...*на дерзкие шутки горазд...*» и даже нуждается в человеческой поддержке («...*печальный исповедуется*

бог...»). Да и живет Он не только в своем недостижимом заповеде, Он разлит по всей земле, по всей русской природе: *«...и несли хоругви бора / ту, до слез благую весть, / нет которой приговора и которой срока несть...»*

И как истинный Отец со своими детьми, Он повсюду с людьми – в горе и в радости, Он знает каждого лично и о каждом может рассказать, если кто попросит: *«...поведай, господь, мою грешную душу...»*

Он готов явить благодать храму, возведенному на освистанном ветрами поле, готов стать богом бедности, принимая и «нищие светлицы душ», внимая осанне поэта, спетой даже *«богохульным... стихом»*...

Но и люди, а прежде всего сам поэт, обязаны отстрадать за такого «своего до гроба» бога по полной программе, как «сыны за отца», поскольку от рождения виновны и в *«беспутности сыновней»*, и в *«беспечности дочерней»*:

...И мы страдаем до конца
и триедино –
во имя Духа и Отца,
во имя Сына.

Как связные между людьми и Богом, ангелы у Борисова еще ближе к людским страданиям, чем сам Создатель. Они сопутствуют каждому из нас персонально и связаны с нами буквально кровной пуповиной, оборвать которую способна лишь смерть. Такие ангелы принимают на себя все удары людских судеб, они страдают и мучаются вместе со своими подопечными, а порою ими же и мучимы. Они напрямую замешаны в людских грехах, а зачастую подвержены самым что ни на есть земным страстям: *«...С нежилых высот сошедший / о любви потолковать / бьется ангел сумасшедший / о тесную кровать...»*

Увы, такой ангел не в силах предотвратить зло или остановить насилие. Присутствуя на садистской казни над Гармонией мира, он только *«...плачется, и путает причет, и никнет головой...»*

Однако беспомощный изменить судьбу человека, этот ангел принимает ее как свою. Пытаясь все же спасти человеческую душу, он вместе с ней *«ангелом беглым»* уходит *«от искуса»*, печется о ней, *«связуя рваные нити»* и *«источая свет»*. Как малые дети, ангелы у Борисова радуются хо-

тя бы малым духовным победам своих подопечных: *«...и крылья дивные над нами / послушно ангелы скрестят...»*

Словом, ангел здесь не баловень небес, не лучезарный голубок, а труженик и страдалец. Он не только страждет за человека, но и гибнет вместе с ним, навек растворясь в его сущности:

...Его, как сына блудного, оплачет
осиротевших звезд ареопаг.
И на суде у вышнего престола
его скамья окажется пуста –
но вслух помянут грешника простого,
в ком канул ангел и замкнул уста.

Вообще религия в поэзии Сергея Борисова не стоит особняком от других тем, не являет собой конкретно теистскую, узкую линию – она проникает всюду и никак неотделима от всего многообразия мира.

И Бог, и ангелы у поэта не сторонние наблюдатели с небес, а активные участники людской жизни, зачастую далеко не божественной. Несомненно, это христианство, но еще исполненное пантеизма – Христианство того, первозданного, «апокрифического» времени, когда Иисус был одним из людей, когда слово его было не холодно, а дышало огнем, верой и страстью: *«...где наново грядущий вседержитель / еще не отделил добра от зла...»*

4

С наступлением вечера, с приближением сумерек к автору приходит пора творчества, время поэтического вдохновения. Когда *«с неба льется свет вечерний, / легкий свет и беспечальный»*, когда приходит *«ночь, державна и тиха»*, для поэта наступает недолгий *«час надежд, кончающийся скоро»*. В этот час в душу вселяется надежда на новые повороты, а может быть, и на коренной перелом судьбы: *«...Ведь есть еще надежда, что выручит меня / шагреновая кожа тускнеющего дня. / И я до третьей стражи, жуя насыщенный хлеб, / поспею к распродаже заоблачных судеб»*.

И вот он наступил, этот час еженощного бдения, служения стиху, час возрождения духа поэта:

И поздний вечер солнце погасил.
И явственно повеяло из мрака
не бунтом плоти, но восстаньем сил,
таинственных, как знаки Зодиака.
И трепет осязаемо живой
вошел в аорту пасмурного древа.
И пала тень божественного гнева
на лик земли и проросла травой...

Памятуя о краткосрочности этого бесценного мгновения, поэт заклинает: *«...Когда б достало ночи и чернил / объять простор и сопричислить звуку!...»*

Поэт сожалеет о бесплодно текущем ночном времени: *«...Но ангел тьмы пера не уронил // в мою ослабевающую руку...»*

Тьма здесь не есть отсутствие света или Бога. Бог присутствует в ней непосредственно – то в прекрасном гневе своем, то в величественной красоте вселенских светил. Такая тьма не убивает, а исцеляет мир, скрывает все его язвы, укрывает пологом надежды: *«...Вся нищета земли, вся жалость / божниц и скудного жилья / с блаженным стоном погружалась / в пастуший дол небытия...»*

И вот в одну из таких ночей, когда *«...пыльный посох обихода / ночную свежесть обретал...»*, когда *«...ночь в задумчивости чудной / на лунный посох оперлась...»*, автору открывается зыбкий, манящий путь *«...от скрипа отчего порога / до хора звездного вдали...»*

В этот миг он – обретает истинные бесстрашие и мудрость, он – жрец, он – покоритель времен и пространств, он – сталкер между бесконечным числом миров: *«...И нет заманчивее риска – / благословенно и легко / шепнуть отчаянное “близко” / о недоступном “далеко”»*.

В этот миг поэт *«отлучен от суетного мира / нечаянным забвением ума»*, в этот час *«пугливым сомнамбулой под созвездьями бродит рассудок»*, обретает язык безмолвная душа и взлетает на крылах любви трепетное сердце: *«...И с губ, приоткрытых едва, / слетают без мук и оскала // забытые миром слова, / что сердце в себе отыскало...»*

В этом богочеловеческом состоянии высшего вдохновения поэт *«...преисполнен светлого страданья / и обречен на вечную любовь...»*

Но и вдохновенная ночь не дает идеального искомого результата – все подслушанное либо чуждо людскому слуху, либо кажущаяся простота не поддается пересказу косным человеческим языком:

Я был чужим в борении ночном
глухих начал и темных побуждений,
меня отринул первородный гений,
мятущийся за сумрачным окном.
И вся моя нагольная тщета
его забот не трогала нимало.
И постепенно сердце понимало,
сколь ум лукав, сколь истина проста.

Да и не каждая ночь озаряет вдохновением, есть ночи мертвые, когда только и остается, что *«скулы свести... Спать...»*, когда и вокруг, и в душе *«Подлая темень! Поди разберись, / что в этой брэнной судьбе...»*

Бесплодная ночь все же завершается рассветом, в данном случае – порой разочарования, моментом разрушения надежд: *«И мчит, равняя день и ночь, / зари кровоподтек / от глаз невыплаканных прочь, / от сердца наутек...»*

Этот момент, миг перехода к новому дню, сопровождается апокалиптическим ожиданием перехода в другое измерение, предчувствием смерти, тоской душевного суицида: *«А ну как, бедствия верша, / по наущению разлуки / проснется спящая душа / и на себя наложит руки...»* Или вот – уж совсем откровенно: *«Когда рассветная тоска / сжимается в груди, / до помрачения близка / погибель впереди...»*

Это то время, грань перехода ночи ко дню, когда *«так отрешенно вздрагивает ночь»*, поэт и называет «Безымянным временем»: *«Под лукавой зарей навсегда безымянное время, / как железное древо, на злом облетает ветру...»*

Конечно же, это самый опасный, самый шаткий момент в жизни Земли и всех земных существ. Известно, что наибольший процент смертей приходится на этот час – «час быка».

Поэт же чувствует это интуитивно, *«что грядущее утро подарит – или молнией черной ударит...»*, он вздрагивает, признаваясь: *«Утра лезвие*

голубое / на запястье мое скользит...» В это время «*по блудной душе изнывает заря*», в этот момент келью поэта покидает призрачная птица вдохновения, а опомнившейся душе приходится «*гнаться за призраком, биться в падучей*». Цвет зари, несомненно, ассоциируется с жертвенной кровью – и, в первую очередь, жертвой за краткое прикосновение к Истине становится сам поэт: «*В незабудках, в крови, в серебре / государев топор на заре...*», от удара которого «*...В святом негодовании плеснет / живая кровь отрубленного слога...*»

Но чаще всего это стремление к гибельному подвигу, принесения себя в жертвенное заклинание: «*...И лирой в ночи отзывается мгла / на взвод золотого курка... / По чести – и кара! Взрывается мир. / Цветет окровавленный ствол*».

Откровенная драматичность стыка уходящей ночи и грядущего дня (будня) не очень-то желательна для поэта, а потому всякий раз может и не состояться.

И все же стык этот, некий зазор, проблескивает потусторонними, запредельными откровениями. Ради них, ради коротких мгновений, когда дух озаряется высшими откровениями, видениями и предвидениями, лирический герой Борисова бдит все три ночные стражи. Вот-вот вспыхнет заряница... «*Я знаю срок, еще немного – / и звездный вспыхнет календарь...*» Еще чуть-чуть, и «*...на грани сумрака и света, / как на последнем оселке*», загорится чистый свет Истины... Но как выразить Ее? Какими словами? И хотя давно уже «*...все сказано – и доброе, и злое – / на все без исключенья времена...*», поэт равно будет умолять Бога: «*...Боже, яви мне слово // и подари любовь...*» Будет заклинать своего ангела-хранителя: «*Помоги мне взмахом крыл, провозвестник ночи!*»; «*Взвейся, медленную ночь оторопью полня!..*»

Ибо Слово было в начале, и есть теперь, и пребудет всегда – в любом начале: дня, любви, жизни, пути, если только этот день, эти любовь, жизнь, путь имеют хоть какое-нибудь отношение к Богу или божественному.

Олег Павлов,
поэт, прозаик,
председатель правления
Челябинского отделения
Союза писателей России

Шелест листьев и страниц

Эта осенняя и по названию, и по настроению книга стихов вышла в свет весной... благодаря причудам издательского дела, которое мало считается с подобными нюансами. «Палые листья» прекрасного челябинского поэта Сергея Борисова появились, когда сошел снег. Впрочем, случайность суть проявление закономерностей, и разгадывать эту прихотливую игру всегда интересно. Так же интересно, как писать стихи: ищешь рифму, хотя бы рифму, только рифму, а тебе из несуществующей еще строки откликаются неожиданно чистым созвучием какие-то тайные чувства и мысли, неведомые тебе дотоле, но – твои.

«Догадала же судьба говорить на странном и одиноком языке предвосхищений и умолчаний, метафор и рифм, строф и созвучий...» – пишет автор, обращаясь к читателю. Пишет, прекрасно понимая, что другого языка, скорее всего, и нет. Давно и не нами сказано, что язык дан людям, чтобы они могли скрывать свои мысли. Поэзия – вся! – прямая речь, протест против этой лукавой житейской мудрости. И, протестуя, голос поэта срывается на крик:

Боже, неужто не чтишь заслуги моей
на пороге нездешней встречи
позднюю жизнь отдавать за други,
если последние – части речи?

Тут же на память приходит волшебная пушкинская оговорка в «Евгении Онегине»:

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить...

Это не об Онегине – герой нам ясен, это мягкая самоирония, обмолвка о высокой страсти, не декларируемой, но влекущей и увлекающей, той, за которую приходится и жизнь отдавать. Через полтора столетия, говоря об этой страсти, поэту трудно не сорваться на крик: язык наш научен нами не только скрывать мысли, не только выворачивать их наизнанку – он спо-

собен создавать и создает чудовищные фантомы, за которыми полное безмыслие и бесчувствие.

Много сказано о феномене «новояза», но, возможно, это не самое страшное для культуры явление, всего лишь звено в цепи подмен. Ведь всякий здравый человек видел абсолютное несоответствие советского мифа и реального человеческого бытия. То, что происходит сейчас, настораживает гораздо больше: действительность начинают заклинать тарабарщиной из иностранных слов (в подавляющем своем большинстве для нас мертвых слов!) и уголовного жаргона, который, конечно, ярко эмоционален, но не более того. Не напоминает ли это нам некие шаманские действия, угнетающую бессмыслицу первобытного свойства? И все это под маркой высших достижений цивилизации... Вот когда «странный и одинокий язык предвосхищений и умолчаний» становится, может быть, единственным живым источником, в котором чувство, мысль и звук нераздельно слиты. Не отсюда ли тяга поэта к архаике, к словам, не только вышедшим из употребления в разговорной речи, но даже и в книжной лексике ставшим редкими? Давид Самойлов сформулировал точно: «Поэзия пусть отстает от просторечья, и не на день, и не на год – на полстолетья...» Давайте-ка отсчитаем полстолетья назад. Печально известное сталинское постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», судьба Зощенко и Ахматовой... Самый разгар драмы народа и его языка. Не значит ли это, что за «живой водой» нужно возвращаться еще дальше?

Я причастил свою судьбу,
о том не ведая никак,
прикосновению ко лбу
уст, погребенных в тайниках
небытия. Как тайна дрем,
как тень сомнамбулы в ночи,
в оконный прядала проем
печаль заоблачной свечи.
И солнце упадало ниц.
И вестником иных начал
на шелест листьев и страниц
предвечный голос отвечал.

неэстрадности и простоты, которая и есть сила. Наверное, истинная лирика и эстрада совместимы лишь по горькой необходимости, необходимости доказывать и подтверждать, в том числе и самим себе, что тихий голос лирики – это и есть главное, подледное, подспудное течение жизни, к которому может прильнуть каждый. Но и сама причастность к созданию таких концертов есть великое благо, как благо все, что помогает поэту и его собеседникам найти друг друга...

И обрывок почти разговорной речи
будет буква и звук ностальгии той,
чью тщету, искушенную немотой,
не унять нипочем и утешить нечем.
И тогда – обреченно, легко, чуть свет –
в развидневшейся мгле обнаружит око,
что в огне долгожданного брода нет,
как в безумном отечестве нет пророка.

Впрочем, цитировать – выбирать из цельного потока чистой речи некие соответствия прозаическим смыслам – дело по меньшей мере неблагодарное. Посему мы представляем сегодня подборку стихов из новой книги Сергея Борисова «Палые листья», имея в виду, что уже весна и, как сказал автор в предисловии к сборнику, «да благословит тебя Бог отвратить поэзии как снадобья, но не зелья»...

Уйти в стихи, как в горы...

Одной судьбы возлюбленная суть:
когда в округе царствуют пижоны,
уйти в стихи, как в горы, и вдохнуть
родной вершины воздух разреженный.

Почувствовать, как дерзкая строка
вся соткана из головокружений.
И крюк забить в грядущие века.
И не стесняться крепких выражений.

Уйти в стихи. Продраться на тропу,
с которой ратоборствовать не надо.
И ведать крутизну. И сослепу
не угодить под ядра камнепада.

Проникнуться блаженным сквозняком,
идушим из смеркающей бездны,
куда надежда падает ничком,
чтоб обернуться посохом железным.

Уйти в стихи. Погибнуть для живых.
Для мертвых – выжить противу закона.
Не верую, что слово есть икона
и благодать разлита на троих.

Скоро жизнь, как я мру вопреки
заговорам, надеждам и слухам,
и ко льду запредельной реки
приникаю доверчивым ухом.

Крепко вмерзла в туманный затон
даровая шаланда Харона.
От великой усталости он
бросил весла со времени она.

Лязг уключин замолк вдалеке.
Пенный вал оскудел на излете.
И другой благоволит реке
вековая агония плоти.

Там в зеленых царит берегах
и струится веселая влага.

И душа, что колодник в бегах,
вспять от оной не делает шага.

Но, молитву беззвучно творя,
благодарно узрит переправу
в мир, где сущее рвет якоря
и дарует свободу и славу.

Это тело не страшно распнуть.
Мгла сиятельна, как плащаница.
Что ж так сердце колотится в грудь?
Что ж так дух бесприятный томится?

Как слезы близко... Научи меня
не плакать, Боже!
И смерть – не логово, и жизнь – не западня.
Но так похоже!

Не греза сердца говорит во мне,
а сбой дыханья.
Душа нахрапу не обучена, зане
патриархальна.

Не скоро было до ночной возни
недуга в теле.
Какие росстани в минувшем ни возьми,
все – шелестели.

Какую тяготу в былом ни тронь,
любая – благо,
от грека павшее на алчную ладонь
и от варяга.

Теперь под спудом вызревает злость
и сводит брови».

И на губах живое слово запеклось,
как сгусток крови.

И Муза, глядь, замкнется и умрет
в своей кровати.

И мочи выстрадать все это наперед
уже не хватит.

Не торопись у гробовой доски –
моей! – пенять на пьяные напасти.
Я не от браги умер – от тоски.
А с этим совладать не в нашей власти.
Незримо среди вас я буду проходить,
заглядывать в глаза и слушать разговоры,
молитвой и волшбой стараясь угодить
и страднику звезды, и пленнику каморы.

Не душу бестелесную ласкать,
я буду с прежним удивленьем
черту неуловимую искать
меж талым сумраком и тленьем.

Так и в миру я не чурался книг
и не блажил, что свет и тьму разъемлю.
И самый стих был некий проводник,
чтоб жизнь легко перетекала в землю.

Нина Ягодинцева

Веч. Челябинск. 1997. 21 мая. С. 5.

Поэзия – странное пространство

Поэзия – странное пространство. Вопреки всем законам нашего привычного мира она разворачивается вовнутрь, открывая и обживая иные измерения слова, души, окружающей реальности. В этом смысле сохранение русской поэтической традиции, на мой взгляд, всегда остается магистральным направлением развития поэзии. Ибо, растекаясь по поверхности форм, поэтический смысл неизбежно утрачивает свою глубокую чистоту, свое таинственное мерцание.

Старые люди говорили: если днем пристально взглядеться в глубокий-глубокий колодец, в нем можно увидеть отражением звезд. Это вполне может быть метафорой, описывающей, объясняющей лирико-философские произведения русской поэтической традиции, которая для Сергея Борисова, безусловно, является органичной и естественной формой видения, переживания, осмысления бытия.

Поэтическая книга Сергея Борисова «Небо времени» монолитна. Монолитность стиха вообще свойственна его поэзии и неизменно переходит из книги в книгу. Такая цельность речи позволяет вглядываться в невыразимые и немислимые глубины:

От бесконечной злобы плоти
уйти и ночью без огней
в лесу, на волчьем повороте,
увидеть лик души своей.
Окаменеть и отшатнуться,
что будет сил бежать назад.
Остановиться и вернуться,
Соединить со взглядом взгляд.

Новая книга поэта – о земле нашего времени, «где под подошвами костями / лежат семейные альбомы», и небе его – *«Я странник много лет подряд. / Мне жизнь давно не рукоплещет, / лишь звезды призрачные блещут, / да солнца ложные горят. / Неузнаваемым иду / сквозь чудеса и нечистоты, / одну навьючивши беду / на горб единственной заботы. / Одну божественную суть, / одну таинственную силу / с угрюмой радостью несу...»* Очевидно – и не только из названия книги – тяготение поэта именно к небу, поверяющему суету – мудростью, сиюминутное – вечным. Небо – всегда над нами, стоит только поднять глаза...

Лирический герой Сергея Борисова – образ трагический и светлый, он – странник, провидящий и жалеющий, и неизменно любящий – даже сокрушаясь по сокрушенному в мире и человеке. Мотив странствия, бытия как странствия, проходит через всю книгу. Лирический герой обречен *«слоняться под ветром сквозным / в миру, как в ограбленном храме»* и обречен любить, понимать, прощать, потому что даны человеку это время и эта трагедия времени для испытания любви и веры... И только латы стиха защищают сердце, гудя от каждого удара.

Уникальное свойство поэтической речи Сергея Борисова – претворять языковой материал в сплав архаики и современности. Этот сплав обладает удивительной легкостью и прочностью, он звучит как колокол, а секрет-то прост: только живые слова, за которыми смыслы и смыслы... Даже попадающие в этот мощный контекст неологизмы переплавляются и становятся полноправными – полными звука и силы.

Стихи Борисова насквозь метафоричны, сама ткань стиха соткана из таинственных сближений:

Бьется сума невзгод
о кочевую спину,
но безотрадный год
я из нее не выну.
Немочь суля тайком,
катятся дни навстречу,
но и скупым кивком
бросовый не привечу...

Книга не открывает себя сразу – к ней нужно возвращаться снова и снова, ее нужно перечитывать, по стихотворению, и каждый раз уже знакомое становится иным, смыслы мерцают и переливаются, как звезды на дне колодца, и постепенно понимаешь, как глубоко и верно выбрано название... И испытываешь благодарность человеку, земляку и современнику, который в бездорожье и сумятице ценой невыносимых душевных трат *«нашел тропу и время, / чтоб горечь зря не веселить, / мое таинственное бремя / с тобой по-детски разделить...»*

Н. А. Ягодинцева,
поэт, переводчик, кандидат культурологии,
секретарь Союза писателей России

Его присутствие дарило мне режиссерское вдохновение

Моя первая встреча с Сергеем Константиновичем произошла в 1973 году в Доме культуры железнодорожников станции Карталы. В то время была замечательная традиция создания и поддержки театров миниатюр, выступающих перед рабочими предприятий на производственные и морально-этические темы. Таких театров миниатюр у железнодорожников всей страны было множество, и все они состязались в остроумии, актуальности, оригинальности. Необходим был очень качественный сценарий. Наша бригада работников культуры прослышала о неординарном челябинском авторе С. Борисове и пригласила его.

Сергей Константинович написал убедительный по своей художественной ценности сценарий. Всех нас поразила его уровень. Удивительный рассказ о жизни железнодорожников карталинского узла был написан поэтичным сильным русским словом. Подкупили разговорный стиль литературного произведения, его образность и полное понимание того, о чём ведется речь. Признаюсь, мне, как молодому постановщику, самым сложным было расшифровать и понять тонкости замысла, вложенного Борисовым в этот сценарий. Литературный текст нужно было переложить на язык сценических образов. Со спектаклем, поставленным по этому оригинальному сценарию, мы отправились на Всероссийский смотр экспресс-театров, где получили первую премию.

А затем, много лет спустя, в конце 90-х, мы встретились вновь, но уже в Челябинском институте культуры. Мне довелось работать с этим замечательным человеком на заочном отделении. Он вел курс сценарного мастерства, а я режиссуру.

Сценарии Сергея Константиновича всегда были выразительные, умные и актуальные, написанные добротным русским языком. В них чувствовались и юмор, и надежда, и тревога за судьбу Отечества. Студентам приходилось трудно в освоении его высокой поэзии. Ее было нелегко разгадать. Поиск решения был интересным и увлекательным. Студенты кропотливо искали художественный сценический эквивалент замечательным стихотворным строкам. Процесс создания спектакля был очень трудным, азартным. Борисов всем своим горячим сердцем посвящал студентов в алхимию создания сценария. Приучал писать сценарии, тщательно оттачивая

каждое слово, представлять форму его сценического существования. Работали вместе как шахтеры в забое – допоздна. Он любил коллективный труд. Много советовал в реализации постановки. Его присутствие дарило мне режиссерское вдохновение. Хороший преподаватель, замечательный друг, коллега. Признаюсь, что работать легко не было, но зато было радостно увидеть в его глазах одобрение разгаданных метафор. С. К. Борисов был поэтом в полном значении этого емкого слова. Тексты, обращенные к зрителю, написаны с большим уважением к его мировоззрению. Работал весело и ответственно. Студенты уважали его. Он не похож ни на кого другого. Своеобразный стиль написания позволял создать оригинальные сильные сценические проекты.

О. А. Литвинова

20 сентября 2015 г.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Алевтина Терпугова

Скажи свое Слово... Сергею Борисову

В скудельном сосуде вино не удержишь....
Закроется вьюшка – погаснет очаг...
Над суетным бытом подняться – не дерзость,
А просто таланта печать.
Но коли дано заглянуть в бесконечность,
В пространство, где вольные ветры поют,
Скажи свое Слово о бренном и Вечном.
Быть может, потомки поймут...

24 августа 2013 г.

Владимир Швед

Памяти Поэта Сергея Борисова (в день его рождения 22 октября 2013 года)

А на улице,
Где ветер куролесил,
Нынче тишь,
Покой и благодать,
Не поет никто
Дурацких песен
И спокойно зиму
Можно ждать...
Зря не стоит
Задавать вопросы,
Ни к чему
Бессмысленно страдать,
Отошла, как поезд,
Наша осень,

Ладно, пропадать –
Так пропадать...
Никому я
Стал не интересен,
Юность не вернется
Никогда,
Но на улице,
Где ветер куролесил,
Нынче благодать
И холода...
Вот – предназначение
Поэта,
Стынет вновь
Холодная вода,
Кажется, что нет
Грустней сюжета, но я всё же жду
Ответа: «Да!»

Анатолий Трохин

Письмо в Челябинск С. Борисову

Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть
Ев. от Мф. 11.30

И в час последний жизни окаянной
Еще не поздно на колени встать,
Смягчить уста слезою покаянной
И тихо чашу мирную принять.

И осознать: что силы не осталось,
Что все вершится в немощи твоей
И нет таких небес, что «бьют на жалость»,
А есть любовь и счастье кануть в ней...

Оставим о «высоком» разговоры,
Своих врагов попробуем простить,

И что понять не сможет ум матерый,
То сможет сердце кроткое вместить.

В наш дымный угол пробивался бликом
Таинственный, далекий свет свечи,
Мы заплутали и исходим криком
Ребенка, повзрослевшего в ночи,

И чужд Отцу тот, кто не знает Сына,
Того не оживляет Дух Святой.
О, сколько раз смыкалася трясина
И над моей мятежною душой.

Мне прошлое – печальный глас упрека,
Оно как грязь на храмовой стене,
В нем власть греха из темного истока,
Как патока, связует веки мне,

Меня в нем совесть жжет и обличает,
Но знаешь ты, наставник милый мой,
Что словно солнца луч его пронзает
Поэзия печальною строкой.

А промысел не узы и не русло,
В нем тайна есть свободного пути,
Что вольными страданиями услан,
И по нему иначе не пройти.

И тут, в какие не рядись одежды, –
Суров Архангел и высок порог,
И потому, со страхом и надеждой,
Я повторяю: «Яко с нами Бог!»

Тем и живу. А наши конвоиры –
Бессильны, – перед Господом одним

В ответе мы, и вся премудрость мира
Всего лишь есть безумие пред Ним.

Мне страшно к горней милости привыкнуть
И дольний мир перечеркнуть боюсь,
У паперти заблудшего окликну –
С ним вместе, как умею, помолюсь:

«О, Господи, дай одолеть сомненья,
Остаток дней для ближнего прожить,
Не дай теперь в телесном озлобленье
Душе бессмертной крылья надломить!»

Мы должники Спасителю и Деве,
Из глубины своей подьемли взор.
Вот, Сам Господь на Живоносном древе
К нам руки пригвожденные простер.

Как не припасть к безмерной благостыне?!
Пусть хрипло рассмеется воронье.
Он говорит тебе: «Покайся, сыне,
Дай сердце Мне усталое твое».

А ты стоишь, уныньем пораженный,
И все пеняешь на упадок лет.
Пусть разоренный, пусть полусожженный,
Ты – Божий храм, и в нем остался свет!

Утерян – не ищите
Студенческий билет.
Я опоздал, учитель,
На тридцать с лишним лет.

Дождливая погода,
Осенние цветы...
«Какие наши годы!», –
С улыбкой скажешь ты.

Я снова на уроке –
Нежданный поворот.
Мы обошли все сроки –
Какой сценарный ход!

Подарок иль удача?! –
Как хочешь назови.
Мы ставим сверхзадачу
Прощенья и любви.

Пусть скажут: «Это глупо –
Иные времена...»
Но только наша группа
Тобой вдохновлена!

Услышь, студент веселый,
И в сердце запиши
Поющие глаголы
Борисовской души.

*С любовью! Всех благ желатель,
протоиерей Анатолий Трохин,
член Союза писателей России*

Я родился осенним днем
и, вольно коротая годы,
нередко думаю о нем
как о слепой игре природы.
Мог быть не я, мог быть иной:
светлей лицом и крепче телом...
Но для меня и надо мной
земная мать погудки пела.
Касалась грудью и плечом
и в этом трепетном блаженстве
по-матерински и по-женски
не сожалела ни о чем.
С тех пор немало утекло
дождей, снегов и льда речного.
Ранимо, живо и светло
во мне родившееся слово.
И, продолжая бытие,
своей сопутствуя минуте,
оно полно желанной сути
во исполнение свое.

Константин
Федорович
Борисов –
отец

Сергей Борисов
с мамой –
Анной Николаевной
Черкасовой

С друзьями по институту

На сборах под Москвой. 1965 г.

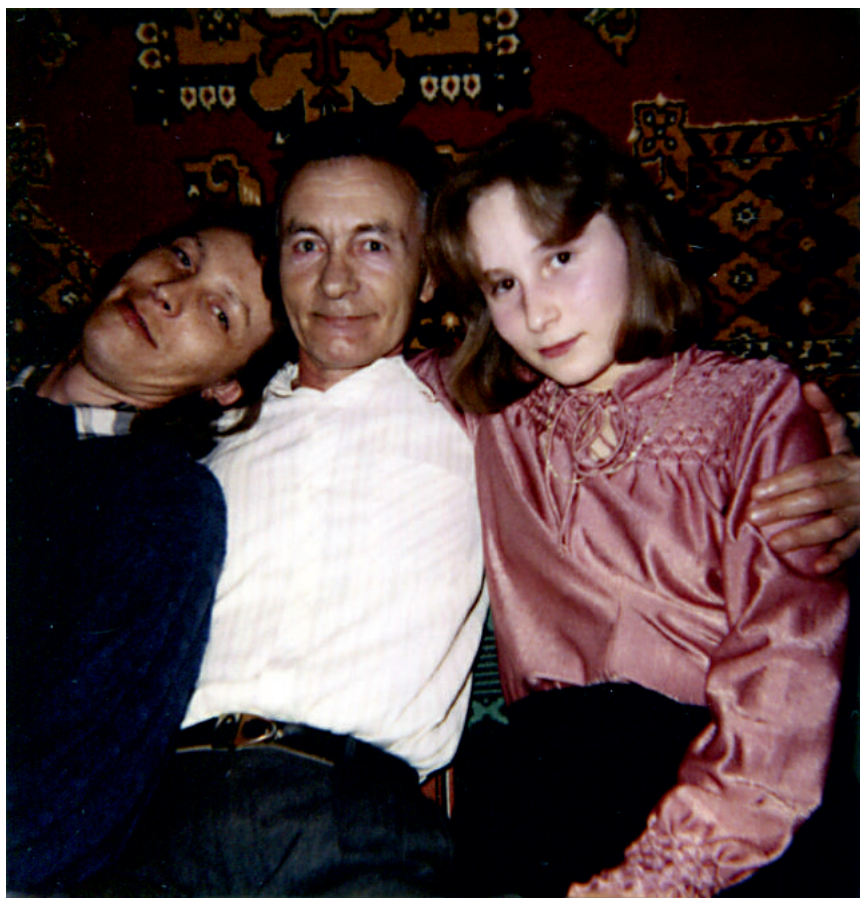
Сергей Константинович Борисов – молодой инженер,
выпускник Челябинского политехнического института

С дочерью
Ксенией

С супругой Людмилой и дочерью Ксенией

С детьми Дмитрием и Ксенией

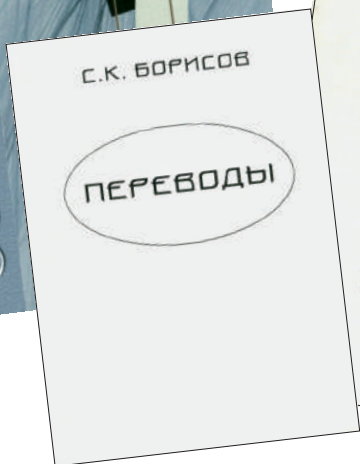
Сергей Борисов и советский переводчик, поэт Владимир Леонович

С грузинскими поэтами
Ладо и Автондилем Сулаберидзе.
Тбилиси

С грузинским поэтом Романом Миминашвили

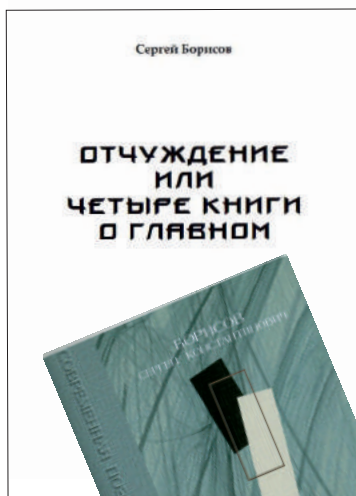

Сергей Борисов – лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Мамина-Сибиряка. 2005 г.

Сергей Борисов – лауреат Первой Южно-Уральской литературной премии, учрежденной движением «За возрождение Урала». 2012 г.

Сергей Борисов и поэт,
член Совета
Челябинского регионального
дома ученых
Геннадий Клочков

Уральский поэт,
член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры
РФ Николай Година и
Сергей Борисов

Профессора Челябинской государственной
академии культуры и искусств.
С. К. Борисов – в первом ряду крайний слева

С ректором Челябинской государственной
академии культуры и искусств В. Я. Рушаниным

Мой талант – это благо иль кара,
наказанье иль милость небес?
Что в нем кроется – след от удара
беспощадного божьего дара
иль игра на чужой интерес?
С наваждением таким сладу,
как бы ни было, нет нипочем.
Что ж, потворствуя вышнему аду,
обозначу судьбу как балладу
и замкну рукотворным ключом.

Министры советского народа:
Сергей Морозов:
 Министры высшего
 Сельского
 Эко
 Третьего
 И т.д. —
 Жуков

Евгений Шварцский
 и **Валентина Суворкина:**
 Забор
 Машин
 Заря
 Путь
 Собрание
 А что я тебе
 скажу тебе!

Алексей Бердников: Прощай
Григорий Писаков: Море серое
 Художник — Юрий Сергеевич
 Марш в столицу Москвы
 Анатолий Котляров
 Режиссер — Анатолий Морозов

Министры искусства:
 1. Прохо — Луки Ю.
Морозов Б.
 2. Мастерская высшего
 мастер — Ермаков Г.
 Машин — Крутов В.
 Воробьев П.
 Завит Г.
 Лукин Ю.
 Морозов Б.
 Рейбер Г.
 Таранов А.

3. Сильная
 Визит — Морозов Б.
 4. Эпи
 За пятачок — Завит Г.
 5. Море серое
 6. Забор
 Машин — Ермаков Г.
 Совет — Морозов Б.
 Инженерный — Завит Г.
 „Дерев“ — Уколов А.
 7. Третьей
 Терой — Завит Г.
 8. Машин
 9. Хурма
 Глаз — Ермаков

10. Путь
 Завит — Морозов Б.
 11. Собрание
 Прощай — Завит Г.
 12. Я иду...
 Он — Морозов Б.
 Он — Суворов И.
 13. Жуков
 Он — Луки Ю.
 14. А что я тебе скажу тебе!

ЧЕЛЯБИНСКИЙ
 ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Студенческий театр
 „МАНЕКЕН“

показывает спектакль

„ПРЕДЪЯВИТЕ
 ВАШИ
 СЕРДЦА!“

Фрагменты из произведений Рахманинова
 и Сербина
 исполняет Мария Шоста

Музыка к песням
 Бенжаминя Беленького

Световое оформление:
 Дмитрий Алешко
 Геннадий Кузьмичев
 Сергей Кисляков

Директор театра — Сергей Кастрца

Художественный руководитель
 Анатолий Морозов

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
 им. ДЕННИНСКОГО КОСМОДА

Лауреат I Всесоюзного
 фестиваля студенческих
 эстрадных театров,
 Москва, 1969 г.
 Лауреат Всесоюзного
 фестиваля самодеятельного
 искусства, 1967 г.
 Лауреат областной
 комсомольской премии
 „Орбис“, 1967 г.
 Лауреат фестиваля
 студенческих театров
 „Горький-69“

ПРЕДЪЯВЛЯЕТ
 СТУДЕНЧЕСКИЙ ТЕАТР „МАНЕКЕН“
 ПОКАЗЫВАЕТ
 ПОЭТИЧЕСКУЮ КОМПОЗИЦИЮ
 ПО СТИХАМ СЕРГЕЯ БОРИСОВА
 «ЗАВЯЗЬ»

Режиссер спектакля
 АНАТОЛИЙ МОРОЗОВ

1966—1967 гг.

Программки спектаклей по миниатюрам и стихам С. Борисова

МИНИАТЮРЫ С. К. БОРИСОВА

1966 г. Москва.

Первый Всесоюзный фестиваль студенческих театров эстрадных миниатюр. СТЭМ Челябинского политехнического института показывает программу «Предъявите ваши сердца!» и побеждает.

9 февраля 1966 г. А. И. Райкин подводит итоги фестиваля, объявляет результаты:

– пять лауреатов: «Наш дом» МГУ (Москва), «Телевизор» МАИ (Москва), челябинский, харьковский и казанский СТЭМы;

– приз ЦК ВЛКСМ (главный приз) – челябинскому театру;

– специальный приз за музыкальное оформление – Челябинск;

– специальный приз журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» - автору миниатюр челябинского СТЭМа Сергею Борисову.

Из высказываний членов жюри о программе челябинцев.

Лев Мирот: «Сказать, что мне понравилось, - это мало. Я потрясён! Показать через негативное – положительное, как это сделали вы, с такой задачей не часто справляются и профессиональные театры!»

Александр Цфасман: «Музыкальное оформление вашего спектакля – это пример того, как нужно писать музыку для обозрения».

Аркадий Райкин: «Я с удовольствием поставил бы своё имя на афише Челябинского СТЭМа».

Но на афише и в программках стояло имя Сергея Борисова!

Мы впервые публикуем текст пролога и «победных» миниатюр, автором которых был Сергей Борисов.

После выступления в Москве театр из Челябинска получил свое имя – «МАНЕКЕН», которое он носит и ныне, будучи уже муниципальным образованием.

Марш манекенов (пролог)

Мастер.

А вот и я, мои друзья!
Сегодня мне пришлось немного задержаться.
Но вновь я здесь, и ваш я весь.
Ведь в жизни каждый должен чем-то увлекаться,
Я старый мастер, тружусь неизменно.
Сияют, как счастье, мои манекены.
Я лаком их крою, я крашу им лица
И, право, порою готов в них влюбиться.
Они совсем как мы, как все.
Взгляните, каждый и красив, и свеж, и строен.
Все как один – брюнет, блондин...
Хоть ставь на сцену положительным героем.
Я старый мастер, тружусь неизменно.
Сияют, как счастье, мои манекены.
Я лаком их крою, я крашу им лица
И, право, порою готов в них влюбиться.

Мастер уходит.

Первый манекен.

А он забыл закрыть дверь.

Второй манекен.

А он забыл закрыть дверь.

Третий манекен.

А он забыл закрыть дверь!

*Все манекены, кроме четвертого, резко разворачиваются
и семят в глубину сцены к светлому пятну.*

Четвертый манекен (многозначительно).

Забыл ли? (Разворачивается и присоединяется к остальным.)

*Неожиданно весь ряд манекенов поворачивается к зрителю
и медленно идет на зрителя. Выйдя на авансцену, манекены исполняют марш.*

Манекены.

Раз-два! Раз-два! У нас есть голова!
И ноги, и руки, и платье, и брюки,
Как будто на заказ...

Первый манекен.

И только сердца нет у нас.

Манекены.

Сесть – встать! Сесть – встать!
На всё нам наплевать.
На радость, на встречи, на боль человеческую,
На глупый бред идей...
Второй манекен. И отличить нас трудно от людей.
Манекены. Марш в путь! Марш в путь!
Убить, солгать, надуть!
Вперед, манекены.
По жизни со сцены!
Настал наш день и час...
Третий манекен. Мы на свободе, люди!
Манекены среди вас!

Немая сцена. Гонг.

Круг

Улица. Идущая толпа народа. На авансцену выходит Он.

Он.

Направо пойдешь...
Налево пойдешь...
Прямо пойдешь...
– А может быть ты никуда не пойдешь?..

Он.

Нет, я пойду!
– Куда?..

Он.

Я должен идти!..
– Ерунда!..

Он.

Она меня ждет!..
– Остынь! Уже развели мосты...

Он.

Мосты? Ну и что ж – я вплавь...
– Я должен идти!.. Оставь!
– Вчера умерла весна...
А осени ты не нужен...
– Как листья кружатся с нас
Сухие восторги в лужи...
– И горбит твою звезду
В обычный фонарь под кленом...

Он.

Ты лжешь!.. Я её найду!..
– Вряд ли... Вечно зеленый!..

*Толпа образует круг, который монотонно
и однообразно начинает вращаться в одну сторону.*

Он.

Я не знаю, каким будет путь,
Пусть ненастен, пусть долог и труден...
Но я знаю, уже не свернуть,

Но я знаю, что путь этот будет!
Я найду тебя, где б ни жила,
И по зову души человеческой
Я коснусь, как струны, как крыла,
Красоты твоей щедрой и вечной!

Первый *(выходя из круга).*

А я так понимаю: людей – ни на грамм,
Жизнь – бильярдное поле,
Если не ты, так тебя по шарам,
Будьте покойны – в момент скарамболят.
Как тут не пыжься, а только пока
К телу, брат, ближе рубашки...
В лузу загонят и свояка,
В гроб, значит, без промашки.
Я вот хату соорудил,
Так дамочку в ней и скушал...
И полный ажур!..

Он *(отталкивает его в круг. Круг продолжает вращение).*

Замолчи! Не смерди!
Куда ты с ногами в душу!
Уйди! Изливайся кому интересней!
Только одну знаю истину я:
Вот оно сердце – и кровью, и песней
Бьётся, как горло у соловья!

Теперь на его пути встает Вторая.

Вторая.

Это что, вы серьезно?!
Не мечтать надо – жить!
Брать побольше, как делают умные люди...

Он.

Это значит – хватай все, что плохо лежит?

Вторая.

Все, что есть на сегодня,
А завтра – не будет!
Я хочу вам напомнить, –
В космический век

И любовь, если есть, соразмерно зарплате...
Вы простите меня, молодой человек,
Но ведь вашей мечтой за такси на заплатишь!..
И зачем это надо – прослыть чудаком...
Ведь смешно в этой жизни искать идеалы...

Он.

Как же жить?..

Вторая.

Очень просто! Живите легко!
До войны иль до смерти осталось так мало!..

Уходит во вращающийся круг.

Он.

Врешь! Словно жарким биеньем морочит
Мой мозг, глаза – неизбежно и зло!..
Что вы тарашите, дамочка, очи?!
Да, я ищу её! Мне повезло!

Из круга выходит Третий, сцена пустеет.

Третий.

Ша! Повезло говоришь?.. Ха-ха...
«Зачем ты мне шарики крутила в голове...»
Сколько надо? Одну? Две?
Давай двигай к моему стану,
Я тебе таких миллион достану!
Меня девочки любят. У меня, брат, опыт,
Учу жить на манер Европы.
Затащишь в кабак, на судьбу пожалуешься,
Глядишь – и твоя... бери, пожалуйста.
Желаешь – познакомлю, не девочки – мёд!
А заупрямится – по морде! Поймет!

Он отталкивает Третьего.

Он.

Где ты есть? Швырни мне, хоть начало!..
Где ты, наяву или во сне?..
У каких вокзалов и причалов?..
Где ты есть, невидимая мне?

В луче светового пистолета в другом углу сцены появляется Она.

Она.

Здесь! Но может я не та,
Не твоя, а чья-нибудь чужая?
Что ищешь ты?

Он.

Её зовут Мечта!..
И это ты!
Я знаю это, знаю...

Он бежит к Ней, но Её там нет. Появляется Она в противоположном углу.

Он.

Отзовись! Весь мир тобой пронизан,
Чертыхаясь, плача и грубя,
Я готов, зарывшись в ночь, с карниза
По огням допрыгать до тебя!?

Она.

Ну а если спутаешь с похожей
Иль споткнешься вдруг на рубеже?
Я ещё не родилась быть может,
А быть может умерла уже?!

Он.

Нет. Ты есть! Сплетая строчек сбрую,
Только правлю тягостный обряд,
Я иду прочесть тебя живую,
Каждое дыхание зубря!

Опять он бежит к Ней, опять Она исчезает.

Четвертый.

Слушай, парень! К чем у тоска!..
Брось хандрить, и на солнце – пятна...
Встань!.. Я тоже Её искал...

Он.

Ну и что же, нашёл?

Четвертый.

Понятно!..

Их ведь много, не мешкай, знай,
И уж точно прибьешься к бою...
Вот, пожалуйста, выбирай –
И Любовь, и Мечту – любую!..

На сцене манекены. Ритмическими движениями они пытаются втянуть героя в свой ритм. Помимо воли Он начинает двигаться вместе с ними. Ритм кружит его, Он падает. Манекены излагают свою философию.

– Да, Мечта – это хорошо!..
Ни к чему только ввысь залазить...
Ты б поближе её нашел,
Да серьезную, без фантазий...

– За несбыточной не вяжись,
Пусть за звезды дерутся тучи...
Двигай ровно, фильтруя жизнь
На счастливых и невезучих.

– Напрягись, получи диплом
И к доходному сунься месту,
Постепенно обставив дом
Тишью, мебелью и невестой.

– Всё как следует, на года,
Тихо, трезво, без лишней драки,
Чтоб не трогали ни беда,
Ни завистники, ни собаки...

– Чтоб грязь незаметна с ног,
Чтоб себе не попортить крови, –
И тогда, подведя итог,
Отдыхай себе на здоровье!..

Герой один на сцене.

Он.

Может быть, я выдумал Её?
И пора уже остановиться?

И найти простое да своё? *(Светлый музыкальный аккорд.)*
Но ведь не могла она присниться... *(Аккорд.)*
Не могла пролиться, как вода!.. *(Аккорд.)*
Не могла легендой повториться!.. *(Аккорд.)*
Она есть! Она была всегда! *(Аккорд.)*
Слышите! Она вас не боится!

*Он идёт навстречу Ей. Вот они уже рядом. Сейчас они встретятся.
Вдруг врывается группа манекенов. Ритмическим танцем они разъединяют Его с Ней.*

Время настало мозги сполоснуть
От дряни, что вьют поэты!
Цветы под подошвы!
Под лёд Весну!
В помойку всю лирику эту!
Плевать на прекрасное!
Старый хлам!
К чертям рафаэлей прелых!
В костёр! Под колёса! На лом!
В бедлам!
Приговорить к расстрелу!

Он.

Не могла пролиться как вода
Не могла легендой повториться!..
Она есть! Она была всегда!
Слышите! Она вас не боится!

Полный свет и снова идущая толпа людей. Он идет навстречу Ей.

Он.

Я не знаю, каким будет путь!
Пусть ненастен, пусть долог и труден.
Но я знаю, уже не свернуть,
Но я знаю, что путь этот будет!

Тра-та-та...

На сцене ликующая, еле сдерживаемая группой толпа поёт юбилейную песню.

Толпа.

Тра-та-та! Тра-та-та!
Тра-та-та! Тра-та-та!
Сегодня пятилетний,
Сегодня юбилей!
И взрослые, и дети
Спешите к нам скорей!
Эх! Счастливы и рады
Героя мы принять,
Вручить ему награды
И опыт перенять...
Тра-та-та! Тра-та-та!
Собрались мы не неспроста –
Ждем мы дорогого
Нашего, родного...
Всем равнение – направо!
Честь, хвала ему и слава!
Слава! Слава! Сла-а-ава!!!

Под приветственные крики толпы входит знающий себе цену Ключкин, сопровождаемый распорядителем. Толпа рассаживается на скамейки, Ключкин – на возвышении. Девушки берут автографы. Все празднично взволнованы.

Распорядитель.

Люди! Сегодня великий день, и я бы сказал – выходящий из ряда вон! Люди! Сегодня нам оказана честь, и я бы сказал – счастье, приветствовать здесь нашего славного героя – товарища Ключкина!!!

(Толпа ликует.)

Прошло всего пять лет с того дня, как товарищ Ключкин озарил нашу жизнь нетлеющим факелом – бескорыстия и дерзания... А сейчас мы видим, как не укротимо растут тесные ряды наших доблестных ключкинцев!!!

(Толпа польщена.)

Вот он, перед Вами. Вы думаете, это Ключкин?
Нет! Это не Ключкин!

Толпа.

Как не Ключкин? А кто это? А нам говорили, что Ключкин...

Распорядитель (*собравшись с духом*).

Это... Честь! Это... Гордость! Это... Слава! Это – Мужество! Это...
А-а-а-аа!!!

Толпа ликует. Слышится пионерский горн и на сцену выходит делегация пионеров.

Пионерка.

Уважаемый дядя Ключкин.
В нашей школе лентяев нет.
Дарим мы вам свою игрушку
И еще... три – четыре...

Все пионеры.

Пионерский привет!

*Карапуз дарит Ключкину игрушку, тот гладит его по голове.
Толпа умиленно приветствует.*

Пионер.

Мы были еще малышами –
Вы подвиг уж свой совершали.

Пионер.

И каждый теперь пионер
Берет с вас здоровый пример!

Карапуз.

Мы счастливы ужасно
И не скрываем слез,
Вы в детстве, видно, тоже
Играли в паровоз.

Все пионеры.

Нам стать героями пора.
Идет за вами детвора.

Пионеры становятся в толпе. Толпа умиляется.

Распорядитель.

Расскажите, пожалуйста, как вы совершили ваш подвиг.

Толпа.

Расскажите... Расскажите...

Клюшкин.

Хорошо, слушайте... Буду краток.

Толпа.

Он начинает... Он начинает... Тише...

Клюшкин.

В то утро я проснулся с невероятным желанием сделать что-нибудь прекрасное... Я сказал себе: «Ты должен сделать нечто героическое, чтобы навек остаться в благодарной памяти современников». Я твердо решил не возвращаться домой, пока не сдержу слова. Ах, как я мечтал, чтобы какой-нибудь ребенок попал под автомобиль, а я бы спас его... или трупом свалился рядом!

(Толпа шокирована.)

Я подошел к троллейбусной остановке. Подошел троллейбус...

Распорядитель.

Вы не помните, какой номер?

Клюшкин.

Никогда в жизни не забуду – тринадцатый...

Толпа.

Запишите... Запишите...

Клюшкин.

В троллейбусе было тесно. И вдруг...

Толпа.

И вдруг???

Клюшкин.

...какой-то гражданин встал и начал пробираться к выходу... Я не растерялся – я бросился к свободному месту, меня давили, толкали, пинали, но тщетно. После короткой борьбы я сел...

(Толпа облегченно вздыхает.)

И тут я заметил старушенцию... Вроде бы мелочь – подумаешь, старуха... Но внутренний голос закричал мне вот здесь (бьет себя в грудь): «Вот она, та минута – или сейчас, или никогда».

И вот тогда я встал...

Толпа.
Встал...

Клюшкин.
И...

Толпа.
...и...

Клюшкин.
...собрав последние силы, сказал...

Толпа.
...сказал...

Клюшкин.
«Садись, бабка!»

(Толпа ликует. Клюшкин идет мимо толпы, снисходительно давая пожать себе руку. Подходит к микрофону.)

Честь и славу принимаю без оглядки,
Но один быть не желаю впереди.
На меня держать равнение, ребята,
И тогда героев будет – пруд пруди...
Или, скажем, кошелек нашел ты где-то
И как всякий, в стол находок отнесешь...
А на утро и газеты, и портреты...
И уже ты знаменитостью живешь!..

Толпа.
Тра-та-та! Тра-та-та!
Собрались мы неспроста –
Встретили родного,
Славим дорогого!
Всем равнение на право.
Честь, хвала ему и слава!
Сла-а-ава! Сла-а-ава!
Сла-а-а-а-ава-а-а!

Толпа, унося Клюшкина на руках, уходит со сцены.

Жмурки

В остром луче прожектора мягкими вкрадчивыми шагами с застывшей усмешкой на лице двигается фигура. Останавливается в центре сцены. Смотрит в зал.

Фигура.

Играем в игру!.. Жмурки!

Под удары барабана на сцену выбегает группа играющих. Резко останавливаются. Смотрят на фигуру.

Фигура.

Объясняю правила игры – все закрывают глаза и не открывают их. Выигрывает тот, кто не открывает глаз.

(В зал.)

– Закрывать глаза! *(Поворачивается к толпе.)*

Закрывать глаза! Начали!

Фигура резко свистит. Тревожная дробь барабана. Толпа играющих, закрыв глаза и вытянув перед собой руки, беспорядочно мечется по сцене. Удар в барабан. Толпа мгновенно останавливается и резко поворачивается в один из углов сцены.

А там – в луче прожектора несколько человек избивают одного. Удар... Второй... Еще удар... Еще.

Фигура (толпе).

Почему остановились? Почему открыли глаза?

Я же сказал – закрыть глаза! Проходим мимо!

Не обращаем внимания! Не наше дело! Продолжаем.

Закрывать глаза! Начали!

Снова свист. Барабанная дробь. Бегающая с закрытыми глазами толпа. Удар в барабан. Толпа смотрит в другой угол. Там – четверо. По внешнему виду можно угадать начальника и подчиненных. Начальник важно поднимает руку – его подчиненные угодливо повторяют этот жест, начальник опускает – опускают и подчиненные...

Фигура (толпе).

Почему остановились?

Я же сказал не ваше дело!

Я же сказал – не обращаем внимания!
Проходим мимо! Закрывать глаза! Продолжаем!

*Опять свист, дробь и мечущаяся толпа. При резком ударе в барабан толпа
останавливается. А в центре сцены под звуки фашистского марша идут
несколько наглых молодчиков, скандируя:*

Они идут. Их шаг тупой
По площадям разносит.
Они идут. И над толпой:
«Давайте её бросим!»
И черной бомбы силуэт
Взмывая в небо просинь
Не молкнет их зловещий бред:
«Давайте её бросим!»
«О'кей!» – потомки гаркнут нам –
И крест на всем вопросе!
У нас есть бомба и Вьетнам!
Давайте её бросим!

Фигура.

Опять остановились? Я же сказал – закрыть глаза!
Продолжаем!

Резкий свист – но толпа вдруг резко выпрямляется и все в упор смотрят на фигуру.

Фигура.

Закрывать глаза!!!

Все резко бросаются к фигуре. Выбегают на авансцену и смотрят в зал.

Фигура (*выходит из образа, поворачивается к зрителям, говорит просто и
требовательно*).

Товарищи! Откройте глаза! Игра окончилась!
Откройте глаза, товарищи!

Считалочка

Тревожная барабанная дробь. На сцену выбегают все участники. Образуется круг. Круг замирает. В центре – водящий.

Водящий.

На золотом крыльце сидели царь,
царевич, король, королевич, сапожник,
портной... Кто ты будешь такой?

Указывает пальцем на первого. Все смотрят на него. Вдруг срываются с места и с криками «А-а-а!» хватают его и ставят на стоящую в стороне скамейку. Снова дробь – снова круг.

Водящий.

Раз! Два! Три! Четыре! Пять!

Все.

Вышел зайчик погулять!..

Водящий.

Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет –
Пиф! Паф!..

Все.

Ой-ой-ой!

Водящий.

Умирает! Зайчик! Мой!

Указывает пальцем на второго. Толпа хватается за него, с криками «А-а-а!» ставит на ту же скамейку и снова образует круг.

Водящий (ему вторит толпа).

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана...
«Буду резать! Буду бить!»
Все равно...

Все (на водящего).

Тебе! Водить!

С торжествующим криком уносят водящего на скамейку. Крик смолкает – только извивающиеся тела, изображающие животный смех. Только у одного прорывается:

– Выбрали! Руководство! Группы!

Эхо

На сцене оратор и участники собрания. Они сидят на стульях и совершают скучные, однообразные замедленные движения.

Оратор.

Товарищи!

Эхо.

...ищи-и...

Оратор.

Сегодня мы обсуждаем очень важный вопрос.

Эхо.

...важный вопрос...

Оратор.

Ваську Васькина выгоняют из института!

Эхо.

...тута!

Оратор.

Неужели нам на это дело наплевать?

Эхо.

...плевать!

Оратор.

Ведь также жить невозможно!

Эхо.

...можно!

Оратор.

Где же наша комсомольская активность, товарищи?

Эхо.

...ищи-и-и!..

Оратор.

Решается человеческая судьба!

Эхо.

...ба!

Оратор.

Кто хочет выступить?!

Эхо.

...А зачем нам это надо!..

Оратор (*Бьет кулаком по трибуне*).

*Участники собрания, до этого совершавшие
плановые движения, бурно что-то обсуждают.
Начинается галдеж, движения теперь утрированно резкие.*

Первый.

Собрать треугольники групп, обсудить, проголосовать, доверить и
проверить!

Все.

Ах!

Второй.

Если уж собирать, так собирать комсомольский актив и провести на
нем диспут: «А не сидит ли в тебе Васька Васькин?»

Все.

Ох!

Третий.

Собрать институтское собрание и устроить на нем

Четвертый.

Суд комсомольской совести!

Все.

Ух!

Пятый.

Ребята, а может просто поговорить с человеком. А?

Все смотрят на него, затем на оратора.

Оратор.

А ты предлагай конкретные мероприятия – болтать языком каждый
может!

Все.

Бл-бл-бл-бл!

Шестой.

Взять Ваську на поруки!

Все.

Бл-бл-бл-бл!

Седьмой.

Сводить Ваську в краеведческий музей!

Восьмой.

А может лучше в картинную галерею?

Седьмой.

Нет, в музей! Я в нем еще не был.

Все.

Бл-бл-бл-бл!

Третий.

Поставить пьесу про Ваську и дать Ваське роль Васьки!

Все.

Бл-бл-бл-бл!

Первый.

А если б он вез патроны?

Все кричат.

Какие патроны?

*Общий шум. Девятый не выдерживает и хочет уйти,
все вскакивают со своих мест, бросаются к нему.*

Девятый.

Спорим, время теряем... Ну есть же деканат, который, если надо – накажет, если нужно – со стипендии снимет, а может и воспитает... А нам-то, рядовым, зачем нам в это дело вмешиваться? Зачем на свою шею? А?

Все.

Да!

Все расходятся, остается один Оратор.

Оратор.

Товарищи!

То-ва-ри-щи!!!

Библиографическое издание

Борисов Сергей Константинович

Библиографический указатель

Составители

Андреева Наталья Геннадьевна	гл. библиограф информационно-библиографического отдела ЧОУНБ
Бессмертная Олеся Владиславовна	библиограф информационно-библиографического отдела ЧГАКИ
Моковая Татьяна Николаевна	заместитель директора Научной библиотеки ЧГАКИ
Мордасов Александр Алексеевич	профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников ЧГАКИ
Разина Юлия Борисовна	зав. информационно-библиографическим отделом Научной библиотеки ЧГАКИ
Сутягина Марина Валентиновна	зав. информационно-библиографическим отделом ЧОУНБ
Швед Владимир Александрович	гл. библиограф информационно-библиографического отдела Научной библиотеки ЧГАКИ

На обложке фото С. Г. Новикова (Екатеринбург)

Редактор Е. В. Боже

Сдано в РИО 02.10.2015. Подписано к печати 20.10.2015
Формат 60x84 1/16. Объем 10,3 п. л. Заказ № 1503
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Челябинской государственной академии культуры и искусств. Ризограф
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

ISBN 978-5-94839-513-5

9 785948 395135